

Александр Плотников

Просится душа в полет

Стихи. Поэмы. Проза...

**НОВОСИБИРСК
2015**

- Плотников, А.**
П 39 **Просится душа в полет** : Стихи. Поэмы. Проза... / А. Плотников ; РАНХиГС, Сиб. ин-т упр. — Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2015. — 402 с.

ISBN 978-5-8036-0661-1

В новой книге «Просится душа в полёт» известного новосибирского поэта, члена Союза писателей России, Александра Плотникова читатель имеет возможность познакомиться с его новыми лирическими стихами и поэмами, повестями и рассказами. Размышляя о вечных темах бытия, автор обращается к лучшим сторонам человеческой души. Для А. Плотникова характерно сочетание одухотворённости, лиризма и философии.

Большой интерес у читателя вызывают цикл «Молитвы», где знакомые с детства слова обволакивают наше сознание высоким значением, вечным звучанием и ритмикой и заставляют нас оторваться от суеты и обратить свой взор к небесам. В поэме «Под Луганском, под Донецком» Вы сможете ознакомиться с гражданской позицией Александра Плотникова по отношению к событиям, происходящим сегодня на юго-востоке Украины. В новой книге автор продолжил цикл поэм, начатых в предыдущей книге, — «Легенды и мифы», здесь представлены легенды «Аполлон» и «Содом и Гоморра». В поэме «Женщины Петра Великого» Пётр Первый предстанет перед читателем не как государственный деятель, а как человек, как отец, как муж, а в либретто для музыкального спектакля «Страсти Дон Жуана» новыми красками заиграет портрет главного героя,

Все произведения написаны живым современным русским языком, где есть место и любви, и глубоким размышлениям, и переживаниям, и юмору, и иронии.

Всё вышеизложенное делает книгу Александра Плотникова «Просится душа в полёт» интересной для широкого круга читателей.

[Handwritten signature]

Уважаемый читатель, в Ваших руках очередная, уже 6-я по счёту, книга известного новосибирского автора Александра Плотникова. Скажу сразу, Вам повезло, в этой книге Вы обязательно найдёте то, что тронет Вашу душу; будь то цикл молитв, стихи о русской природе, о птицах, легенды и мифы, в том числе историческая поэма о женщинах Петра Первого и либретто для музыкального спектакля «Страсти Дон Жуана», новые переводы с немецкого языка, и, конечно же, новые повести и рассказы автора.

Говоря о молитвах, нужно, во-первых, отметить, что молитвы это не стихи, а состояние души глубоко верующего человека, а, во-вторых, знакомые с детства слова обволакивают наше сознание высоким значением, вечным звучанием и ритмикой и заставляют нас оторваться от суеты и обратить свой взор к небесам. Познавателен и очень поэтичен цикл стихов о птицах «Просится душа в полёт», прочитав который Вы непременно по-новому взглянете на «крылатых собратьев», живущих рядом с нами. Уверена, что чтение этого цикл стихов будет полезно как взрослым, так и детям. А в поэме «Под Луганском, под Донецком» читатель сможет ознакомиться с гражданской позицией Александра Плотникова по отношению к событиям, происходящим сегодня на юго-востоке Украины, которые не могут не задевать сердце каждого россиянина, настолько это больно и бесчеловечно.

В новой книге автор продолжил цикл поэм, начатых в предыдущей книге, «Легенды и мифы», которые написаны в форме просветительских бесед с сыном. Очень познавательна для читателей любого возраста поэма о древнегреческом герое Аполлоне, в которой А. Плотников с с многочисленными параллелями с нашим временем, с присущим автору юмором описал и саму легенду и даже её привязку к Сибири. В «Содоме и Гоморре» читатель сможет оценить глубокое познание автора книги книг, Библии, именно оттуда и возник сюжет об этих городах греха, об Аврааме, о семействе Лота, причём, события описаны очень поэтично, образно и доходчиво. Историческая тематика в

стихах как всегда удалась автору, для поколения незнакомого с описанием тех времен это почти энциклопедия, для людей постарше это возможность ещё раз прочитывать и освежить в памяти историю и всё это сделать с улыбкой. Думаю, от поэмы «Женщины Петра Великого» Вы не сможете оторваться, ведь Пётр Первый в ней предстанет не как государственный деятель, а как человек, как отец, как муж. Конечно, с автором можно в чём-то не соглашаться, но его интерпретация событий личной жизни Петра Первого вряд ли оставит Вас равнодушным. Кстати, в не совсем привычном для нас образе в либретто для музыкального спектакля «Страсти Дон Жуана» предстаёт главный герой. К легенде о Дон Жуане прикасались многие гении, например, Дж. Байрон, В. А. Моцарт, А. С. Пушкин, тем не менее, тема эта неисчерпаема, как и сама любовь, поэтому вполне логично, что Александр Плотников обратился в своём творчестве к ней и стоит отметить, что произведение вышло целостным и увлекательным.

О переводах. Они поражают своей образностью и глубиной чувств, автор буквально растворился в этой поэзии. Мастерство его переводов уже знакомо по первым книгам автора, а здесь оно завораживает своей образностью и проникновением в душу любого из читающих. Наш автор переводит так замечательно, так тонко и воздушно льются строки через нашу душу, что забываешь, кому принадлежат стихи. А ведь авторы оригиналов люди непростой судьбы! Это и Вольдемар Гердт, приволжский немец, сосланный в начале Великой Отечественной войны на северный Урал, и Розмари Штрайт, аутист с рождения, прикованная болезнью к инвалидной коляске. Мышление её, естественно, неординарно, тем не менее, А. Плотникову удалось в переводах передать её душу, её боль и надежду.

В новой прозе Александра Плотникова выписана каждая деталь со знанием дела, профессионально, если можно так сказать. Поражает сюжет и неожиданные концовки (повесть «Случай на Рыбалке»), в повести «Бизнесе по-русски» показана целая эпоха. Как люди жили когда-то, как и чем живут сейчас в глубинке. Невольно возникает повод задуматься о судьбе наших предков, о судьбе нашей страны. Каждый рассказ хорош по-своему, здесь

и наш русский быт («Случай на даче»), и описание красот нашей зимы на фоне человеческих взаимоотношений («Сашка»), и непредсказуемость хода повествования в самой стандартной ситуации («На живца»). В большинстве своём проза, как мне кажется, автобиографичная.

Я уверена, Вас ожидают увлекательные часы, проведенные с этой книгой. Желаю Вам хорошего настроения.

Литературовед Ирина Богомол.

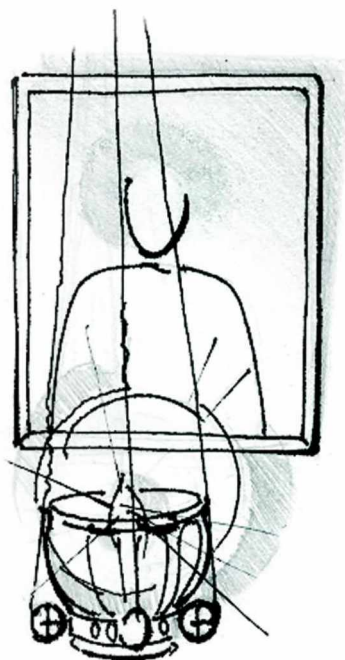
МОЛИТВЫ

Ежедневная молитва

Не знаю, Господи, чего же мне просить,
Один, один ты ведаешь, что мне потребно,
Учи, как любишь ты меня, себя любить,
Пусть благодать твою, Господь, пошлёт мне небо!

Стою с открытым сердцем пред тобою я,
Ты нужды зришь мои, которые мне снились,
Ты низложи и подыми, Господь, меня,
И порazi и исцели, яви мне милость!

Господь! Сомкнул твой раб греховные уста,
Я предаюсь тебе, с мирской смиряюсь долей,
Просить не смею утешенья и креста,
Благоговею пред твоей святою волей!

Молитва Богородице

Час испытания в судьбе,
Кому довериться в мольбе?
Когда нам трудно, так уж водится,
Святая Дева, Богородица,
Идём мы на поклон к тебе.

Пред чудным образом Твоим
Молитву тёплую творим,
Лишь Ты, добра и света спутница,
Для нас Опора и Заступница!
Тебе чуть слышно говорим:

Омой, от зла освободи,
Залей огонь страстей в груди,
Пошли нам, грешным, исцеление,
И дай надежду на спасение,
И к Сыну Неба приведи!

И руку дай рабам Твоим,
Из грешных подними глубин,
Гнёт горя на земле познавшая,
С креста Спасителя принявшая,
И Ты Одна, и Он Один!

Темна стезя, зажги огни,
Печаль, гордыню прогони,
А всем скорбящим и обиженным
Укрой покровом тёплым хижины!
Спаси и сохрани! Аминь!

Ангелу хранителю

День ушёл, тиха моя обитель,
Звёзды появились, скоро ночь.
Если сможешь, Ангел мой хранитель,
Постарайся завтра мне помочь.

Ты на всякое благое дело
Меня, грешного раба, наставь,
Подари смирение без предела
И на путь спасения направь.

Защити, прошу, от зла любого,
Слабого меня не устраши;
Попрошу хранителя святого
Отвести и немощь от души.

Я греховное отрину бремя,
Дел своих покаюсь тёмных, злых,
Силы дай отпущенное время
Применить для добрых дел земных.

Ты храни, мой Ангел, тайну нашу,
В час нелёгкий душу не покинь,
Во спасение испить дай чашу!
Вот, пожалуй, что и всё. Аминь!

Молитва Кресту Господню

Исканье истины, тревоги
От жизни шумной увели,
Вокруг просёлочной дороги
Головки клонят ковыли.

Стекает меж холмов речушка,
И вот он, благодатный вид:
Село в долине, и церквушка
На возвышении стоит.

И большего душе не надо,
Одно из славных русских мест!
Горит на солнце купол златом,
Сверкает златом чудный Крест!

Животворящий Крест Господень,
Хранитель тела и души,
Для христиан Ты бесподобен,
Тебе молитву шлю в тиши!

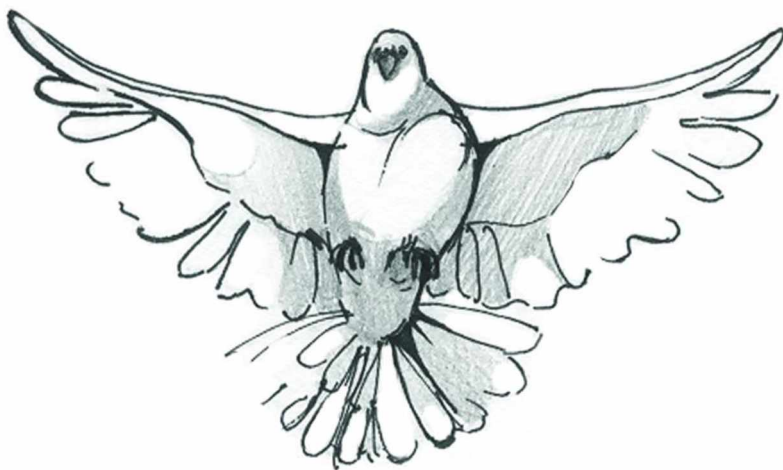
От предков даденным умением
Покрою крестным я знаменiem
И попрошу Тебя, мой милый,
Даруй мне жизнь, здоровье, силы!

В минуты трудные отчаянья
Ты осени мои деяния,
И укрепи мой ум Тобою,
Наполни сердце мне любовью!

Для праведных Ты услаждение,
А для нечистых посрамление,
Ты страх для демонов и бесов,
И от врагов моих завеса!

Девичам, вдовам охранение,
Заблудшим, слабым — покровение,
Ты отведи от них напасти
И удали из сердца страсти!

Ты освещён Господней кровью,
Всю душу я тебе открою,
Совместно с Девой Святою
Оберегай меня, Пречистый, и храни
Во имя Духа, Сына и Отца! Аминь!

ЗА ОКОШКОМ

Иней

Наготу плащом из серебра
Лес прикрыл, горит на солнце иней,
Что за чудо, русская пора!
Трогает до слёз пейзаж старинный!

Для меня картины краше нет,
Зря ругают русские морозы,
Голубое небо, чистый снег
И в фате красавицы берёзы!

Над землёй парит моя краса,
В ней смирение, и печаль, и сила,
За грехи людей, прикрыв глаза,
У небес прощенье попросила.

Боже мой, как тяжело дышать!
Обещаю чище быть и строже,
Покаянная летит душа,
Но твой сон она не потревожит.

Сладкий зимний сон... Что видишь ты?
Догадаться, в общем-то, не трудно,
Расцветают во поле цветы,
В центре ты в наряде изумрудном.

Образ твой — источник светлых дум,
Верь мне, милая, что ближе к маю
Обязательно к тебе приду,
Обниму и нежно приласкаю!

Снежинки на окне

Сели на окно снежинки,
А всему виной мороз,
Засверкали, как с картинки,
Душу трогают до слёз!

Солнце бегает по граням,
Во все стороны лучи!
Словно ксилофон играет,
И хрусталь в ушах звучит!

А снежинкам снится лето,
Солнца тёплые лучи,
В ожидании ответа
Сердце бешено стучит!

Но, увы, ничто не вечно!
Осень, выпал первый снег,
Только счастье скоротечно,
Вскоре он сошёл на нет...

Милой взгляд сверкнёт порою,
Словно с берега маяк,
В тайну двери приоткроет,
Близостью к себе маня.

И мученье, и награда!
Вот опять по сердцу дрожь!
Не зови меня, не надо,
Разве пепел разожжёшь?!

Птица за окном

Не пойму никак, о ком
Раскричалась за окном
Глупенькая птица?
Мне теперь не спится!

Может, утром поняла,
Что любовные дела
С голубочком милым
Зря она водила?

Тучки за гору скользят,
Говорила, что нельзя
Доверяться, мама!
А теперь вот драма!

Впрочем, я излишне строг,
То не драма, а урок!
Видимо спросонок...
Бедненьких девчонок

Пригласили, повезли
На другой конец земли
В логово разврата!
Сами виноваты!

Просыпался старый дом,
Утром птица за окном
Верещит, нахалка!
Ей девчонок жалко.

Берёзка

Кроет осень листву позолотой,
Обнажились родные поля,
В небесах птицы кличут кого-то,
До весны отдыхает земля.

Засыпают златистые рощи,
Что поделаешь, вечный обряд!
Лишь одна на судьбину не ропщет,
Золотой не одела наряд.

Одинокая, с правого краю
Возле рощи берёзка стоит,
Загрустила, ни с кем не играет,
Не желает менять прежний вид!

Для берёзки наряд этот дорог,
В нём встречала с любимым рассвет!
Потеряла невинность в котором,
Но так вышло, что милого нет ...

Не грусти так берёзка, не надо,
Не тревожь и не рви душу мне!
А дождись в изумрудах наряда,
Что укроет тебя по весне.

В озорных и кудрявых листочках
Ты предстанешь, уйдёт лишь зима.
И красавицу каждый захочет,
С кем остаться решишь ты сама.

Уро вечера мудренее?

Я мечтаю об одном,
Позабыть бы всё на свете!
Разыгрался за окном
С молодой листвою ветер.

Полетели юбки вверх,
Листья съёжились невольно,
Оголять невинных грех!
Отчего так сердцу больно?

Тихо капает вода,
За окном уснули травы,
Что расстались, не беда,
Может, в чём-то мы неправы...

Плохо спится, что со мной?
Растревожил, видно, душу,
Скрипы, шорох за стеной
До утра придётся слушать.

Вот и утро, птичий гам
Гонит прочь остаток ночи,
Плыть ли к прежним берегам?
Вряд ли! Капля камень точит...

Волны бьются о гранит,
Пена, словно снег, по краю...
Образ твой душа хранит,
Как тебя забыть? Не знаю.

День прошёл

День прошёл, скатился с горки,
Село солнце за рекой,
На душе осадок горький,
Не убрать его рукой.

Не напрасно ли он прожит?
Миг как миг, и день как день!
«Старше на день, не моложе!» —
Подтверждает ночи тень.

Год прошёл, а что осталось
От него в судьбе моей?!
Нервы, суета, усталость
И мелькание огней!

Нет, не плачу, не жалею,
Сам не знаю, что со мной,
Я не рад и юбилею,
Пусть пройдёт он стороной!

Жизнь проходит, а итоги
Подвести ли не пора?
Рядом не осталось многих,
С кем любили мы вчера.

Стук в окошко на рассвете:
«Что оставил? Что свершил?»
Есть дела, есть внуки, дети,
И мелодии души!

Снег и дождь (диптих)

Снег идёт. Смотрю в окошко,
Накрывается дорожка
Шубкою из серебра,
Там ходили мы вчера...

И молитвы, и прошенья,
И слова, что без прощенья,
Прячутся из века в век
Под печальный, мягкий снег.

Вместе с нашими следами,
И мечтами, и слезами,
С ними горечь от обид.
Наши тайны снег хранит.

Вот счастливое мгновенье!
И оно ушло в забвенье...
Снег идёт, за слоём слой,
И мороз, что сторож, злой!

Сколько же стоять на страже?!
Но однажды мне подскажет
То тепло, что в ветерке,
Скоро снег сбежит к реке!

А река, в том нет секрета,
Всё уносит на край света,
И я знаю наперёд,
Скоро с неба дождь пойдёт!

Дождь идёт. Цветастый баннер
В лужу лёг, и барабанят
Лихо капли по нему,
Баннер тонет, быть сему!

Прежние грехи, пороки,
Мутные несут потоки,
Вот струится средь теней
Грусть моих ушедших дней.

Вот плывут куски одежды,
Вот на лучшее надежды,
Вот кораблик налегке,
Все торопятся к реке!

А река их, как ни странно,
Донесёт до океана
По велению Творца!
Где начала нет, конца,

Там потоки очень скоро
Затеряются в просторах!
Но Всевышнего рука
Соберёт их в облака.

Механизм, похоже, вечный!
Стадо беленьких овечек
Ветер снова гонит к нам,
К нашим улицам, домам!

Снег идёт...

ПРОСИТСЯ ДУША В ПОЛЁТ

Детский уголок

Воробьи

Восходит солнце, закадычный друг
Чирикает отчаянно под крышей,
Пора вставать, на небо белый круг
На повседневную прогулку вышел.

И шлёт лучам навстречу воробей
Свои простецкие, смешные гаммы,
Внимает воробыха, хоть убей,
В любви он, как ни странно, моногамен.

В лесу и в тундре, и среди долин
Живёшь ты, в городах, в ущельях горных,
Окрасом ты, понятно, не павлин,
Ну так и что, ведь парень ты не гордый!

На жизнь глядишь сквозь розовый туман,
И в том тебя считают редкой птицей,
Не видишь грязь, измены и обман,
Вот так смотреть на жизнь бы научиться!

Ты смотришь сверху, это от орлов,
Где вить гнездо для продолженья рода,
Потом птенцов поставишь на крыло,
На всё тебе отпущено два года.

Проходит время, с выводком своим
Они прибьются к воробьиной стае,
Завидуем, когда мы говорим,
Он хорошо, но низенько летает.

Живёт с тобой бок о бок человек,
Он выдумал различные приметы,
Собрал не за один десяток лет
Жестокие и глупые наветы.

Возможно, согрешил? Ведь неспроста,
Историю ту слыхивал раз пять я,
Своим чириканьем, мол, выдал ты Христа,
И издевался после на распятье!

А как мне объяснить вам, воробьи,
Ведь в той жестокости повинны сами,
Мы жён для большей верности, любви
Кормили воробьиными сердцами!

За что страдает этот индивид?!
Пусть Божья тварь себе живёт, летает!
Понять так трудно страшный геноцид
В шестидесятые года в Китае!

Друзей таких положено беречь!
Тебя же жарили, пекли, сжигали!
Бросали в Новый год девицы в печь,
Когда из дома вылететь желали...

Короткий сбор! Опять труба зовёт!
И мы летим весёлой, шумной стаей!
Чирикаем, не ведая забот,
А вот вернёмся ли домой, не знаем.

Скворцы

С появлением проталин
Капель звон во все концы!
В это время прилетают
Прошлогодные скворцы.

Что за шум с утра под крышей?!
Неужели брачный пир?!
Выгоняют воробышек
С арендованных квартир!

Вот отбит в бою скворечник,
Заливается скворец,
Он поёт как пересмешник,
Наградил его Творец!

В домике своём счастливо
Пара славная живёт,
С фиолетовым отливом
Горло, голова, живот.

Утром в поле мой знакомый,
На работе, так верней,
Добывает насекомых,
Гусениц, жуков, червей.

Жаркие в том доме споры,
Бьются за еду птенцы,
На крыло, я знаю, скоро
Встанут серые скворцы.

Фору даст любому мужу,
Средь отцов он образец,
От птенцов помёт наружу
Носит каждый час скворец

И бросает под скворечник,
Там сидел я по весне,
На макушку! «Мой сердечный, —
Бабушка сказала мне, —

Дай-ка, Саша, старый гребень,
Что ты плачешь? Это честь!
Ты теперь помечен небом!»
Может, так оно и есть?

Птицы через три недели
Взмоют к вечным небесам,
Значит, к лесу полетели,
Где не раз их видел сам.

Осень, скоро расставанье,
Что поделать, это жизнь!
Помашу им, до свиданья!
Возвращайтесь, будем жить!

Синицы

Две синицы по весне
Песенку запели,
В предрассветной тишине
«Ци-ци-фи!» напомнил мне
Сладкий звон капели.

Желтый шарик впереди,
Шапочка на глазках,
Чёрный хвостик позади,
И полоской по груди
Тоже чёрный галстук,

А на спинке и плечах
Плащ блестит зелёный!
Суется весельчак,
С раннего утра звучат
Радостные звоны!

Словно, молния крыло,
Нужно торопиться,
Для семьи занять дупло,
Где просторно и тепло
Будет всем синицам!

Снился мне тревожный сон:
Дом по окна снегом
Занесён со всех сторон,
От мороза скрип и стон...
Там давно я не был

Плачу, слезы на глазах,
Кто их мне наполнил?
О давно минувших днях,
О моих былых грехах
Этот сон напомнил.

Голодно зимой в лесу,
Утром стук знакомый
Разбудил мою красу,
Быстро крылья их несут
К человеку, к дому.

Меж осинок и берёз
Промелькнули тени,
Что опасно, не вопрос,
А всему виной мороз,
Что занёс их в сени.

С Надей, со своей сестрой,
Птичку там поймали!
Занесли в тепло, домой,
Что поступок роковой
Разве понимали?

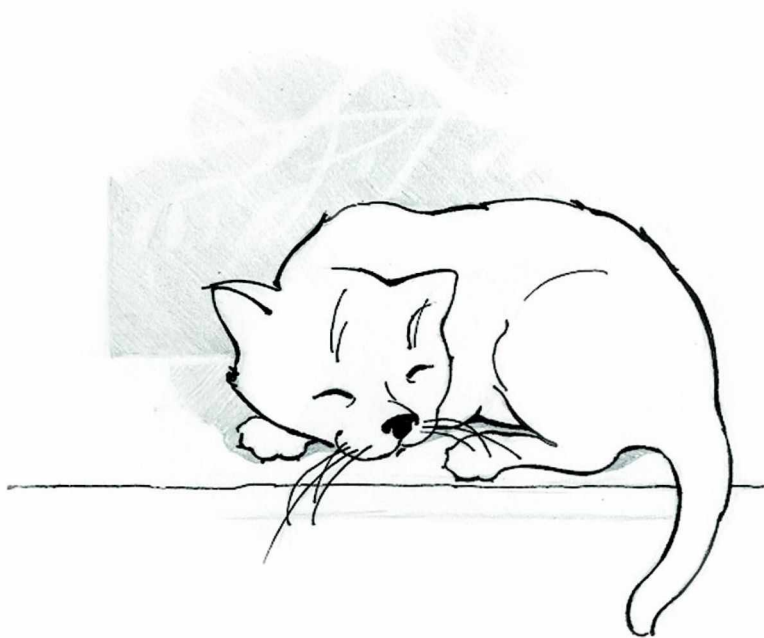
Кот мяукал и следил,
Как играли с птицей,
Ловкости хватило, сил,
Он поймал и откусил
Голову синице!

Дали волю мы слезам,
«К нам зимой жуланчик
Прилетает по утрам,
Так, — сказала бабка нам, —
Птичку звали раньше».

Вспомнил я о той поре
Утром в злую стужу,
Две синицы во дворе
Появились в январе,
Значит, я им нужен!

Задохнулся я от слёз,
Так мне больно стало,
Ноль вниманья на мороз,
Тем синичкам я понёс
Творог, хлеб и сало!

И сегодня, видит Бог,
Мне так сладко спится,
Средь морозов и тревог
Выжить я зимой помог
Маленьким синицам!

Голуби

Иногда для каждого из нас
Наступает очень трудный час,
Серо всё, печально, ты не весел,
И как говорится, нос повесил.

И с утра подалбливает мысль:
Ну а есть ли в этой жизни смысл?
То, что раньше приносило радость,
Обернулось пред тобой, как гадость!

Мерзко и всё валится из рук,
И пропал куда-то старый друг,
Отвалило прежнее веселье,
И тебя затягивает зелье.

Ищешь там основу бытия,
В этом положенье был и я...

Серый день без лучика надежды
Уходил, и близился закат,
Да, дружок, всё будет, как и прежде,
Панорама не цепляет взгляд.

Голос внутренний мне душу гложет,
Грудь сдавило, просится слеза,
Может быть, оттуда кто поможет?
К небу я поднял свои глаза.

Извиняюсь, выскажусь нескромно,
Но не видел неба голубей!
В этот миг на высоте огромной
Я заметил стаю голубей!

Вправо, влево, как-то безучастно
Нарезали голуби круги,

Вот оно, простое птичье счастье,
Воздух пить с Божественной руки!

Но кружить всё время невозможно,
Тянет птиц назад к себе земля,
Сели под окошко, осторожно
Наблюдал за голубями я.

Хвост распушен, и с надутой шеей
Крутится пред самочкой самец,
Видно, уговаривать умеет,
Ничего не скажешь, молодец!

Непрерывно ухажёр воркует,
Шаг назад и быстрый поворот!
Понимает, барышню такую
Ведь не сразу танец проберёт!

Потому так часто и танцуем,
Мы от птиц не так уж далеки!
Кончен танец, в долгом поцелуе,
Словно, замирают голубки.

Чем всё кончилось? Известной позой
На виду, без всякого стыда!
Грудь расправилась, забыты слёзы,
И хандра исчезла без следа!

Голубь отлетел, вернулся с веткой,
Строить им гнездо пришла пора,
И пускай завидует соседка,
Поразмыслит малость до утра.

Голубь тот, из Ноева ковчега,
Мир, надежду с веточкой принёс!
Дом, семья и место для ночлега!
Вот она, отгадка на вопрос!

Окончание всемирного потопа!

Голубь — символ мира для людей!
Крепкая семья сложилась чтобы,
Выпускают белых голубей!

Голубь — символ духа, кто не знает!
Рассмотрите в храмах витражи,
Голубь, что под сводами порхает,
Символ очищения души!

Голубь — это символ просвещения!
Помогает нам он столько лет,
И Божественного вдохновенья!
Это утверждаю, как поэт.

Ход повествования нарушу,
Слышь, тоска, а ну-ка отвяжись!
Голуби очистили мне душу,
Для меня опять прекрасна жизнь!

Ворон

Все его пугаются порой,
Он в ночных кошмарах часто снится,
Из семейства врановых та птица,
Ворон, он сегодня мой герой!

Голубям и добрым, и святым
Для баланса образ дан полярный,
Более в народе популярный,
С вами мы, друзья, займёмся им.

Носит модный на плечах прикид,
Чёрный, с металлическим отливом,
Делает он всё неторопливо,
Осторожен и не глуп на вид.

Знаю, что привязаны, верны
Самка и самец всю жизнь друг к другу!
А не ходят к девушкам по кругу,
Не охочи до чужой жены!

Это про него мудрец сказал,
(Что о людях думает он, сорри)
Ворон ворону, пусть даже в ссоре,
Никогда не выключет глаза!

Ворон раньше белый был, как снег,
Из ковчега выпущен вначале,
Возвестить потопа окончанье
Должен был, но не вернулся, нет!

И тогда стал кровожадным он,
Белый свой наряд сменил на чёрный,
Ворон — хищник с этих пор проворный,
Падалью питаться обречён!

До чужого падок он добра!
В Библии ворона или ворон
Попытались ведь представить вором
Перед Богом самого Петра!

Он над ухом Господа орал,
Как дойти возможно до такого:
Каркать принародно на святого,
На апостола, мол, «Крал он, крал!»

Кровь из ран распятого Христа
Вниз, к земле текла во время оно,
Эту кровь хотела пить ворона!
Бог за то пометил ей уста!

Возразят, всё было так давно,
Мол, пример из Ветхого Завета!
Вот вам современные приметы,
И по ним выходит всё одно.

Наш герой представлен, как злодей!
Говорят, он хищный и зловещий!
И несут порой такие вещи,
Что неловко, право, за людей!

Ворона с насильем и войной
Связывают многие поверья,
Птицу люди не пускают в двери,
Далеко обходят, стороной.

Говорят, предсказывает смерть,
Триста лет живёт и знает тайны!
Думаю, не зависть ли случайно!
Все хотят те качества иметь!

Уверяют, создана она!
Дьяволом, скорей нечистой силой!
Каркает над каждой могилой,
Оттого, мол, птица и черна!

Каркнул ты, и знай, собрался коль
На рыбалку и охоту кто-то,
Будет вам хреновая охота,
Вместо рыбы будет алкоголь!

Не ласкает пение мне слух,
Возле дома моего, над аркой,
Не сиди напрасно и не каркай,
Я к тебе останусь, ворон, глух!

Я тебя нисколько не боюсь
И плевал на эти предрассудки!
Если станет мне немного жутко,
Лишний раз на крест перекрещусь!

И не надо надомной кружить,
Понимаешь, глупенькая птица,
Жить с женой и внуками возиться
Нужно мне! Хочу ещё пожить!

Сорока

Встретилась однажды мне сорока,
Сверху чёрная, да белобока,
Затрещала громко, этот звук
Говорил, сороке я не друг.

А она себе стрекочет да стрекочет,
Отвести опасность видно хочет
От детей своих, от домика-гнезда.
Успокойся, местная звезда!

Ты, действительно, весьма красива,
С синеватым с зеленью отливом,
Длинный хвост да волнами полёт,
И при этом иногда поёт!

Вспомни, как ты пела (то не шутки)?
Трели мягкие, златые дудки!
Зазывала парня по весне,
Посчастливилось услышать мне!

В ритуалах у тебя встречали
Люди выражение печали!
Обладаешь ты одна из птиц
Интеллектом молодых девиц!

Лишена такого ты изъяна,
От него страдает обезьяна,
Узнаёшь себя ты в зеркалах,
Что, конечно, вызывает страх!

Вы, сороки, выглядите стильно,
Но, увы, как люди меркантильны!
Выпирает подлое нутро,
Падки на чужое вы добро!

И не зря зовут тебя воровкой,
Говорят, умело ты и ловко
Разоряешь гнёзда мелких птиц,
До птенцов охоча, до яиц!

В целом моногамны вы, однако,
И у вас есть расторжение брака!
Треть союзов рушится, потом
Выясняется причина — дом!

Вот грехи! Да ладно б только эти!
А дурные разные приметы,
Пару ваших тварей человек
Звал, вы не пошли к нему в ковчег!

Притаилась, спряталась на крыше,
И смеялась, Ной всё это слышал!
Ожидала гибели Земли?!
Небеса, однако, сберегли!

В разных странах замечают часто,
Людам вы приносите несчастья!
Птицей дьявола тебя зовут!
Ждёт тебя, сорока, Высший суд!

Вот французские возьмём поверья,
У тебя есть дьявольские перья!
Быть убытку, знают с давних пор,
Коли залетела ты во двор!

Кто тебя увидит, не случайно
Крестятся все немцы, англичане!
Байки те, которым несть числа,
На хвосте сорока принесла!

Вижу, разговор мой не по нраву?
Я смотрю, порой ты мыслишь здраво!
Прочь, сорока, с моего пути!
Прямо мне, а ты туда лети!

Провожая и встречая

Ласточка моя

Август. Сбились в стаи птицы,
Слышен всюду шум и гам,
Нужно с родиной проститься,
Мчаться к тёплым берегам.

Медленно плывут куда-то
Облака, как корабли,
От рассвета до заката
Суется воробьи.

Ощущение тревоги!
На ветру дрожит вода,
Вдоль просёлочной дороги
Ласточки на проводах.

Провожая птичью стаю
И клянусь судьбу свою,
Что-то с ними улетает,
В поле я один стою...

Боль сердечная острее!
Сам не знаю, что со мной...
Дома мысль меня согреет,
Что вернётесь вы весной.

Удержать ничто не сможет,
Ждут далёкие края...
Только отчий дом дороже,
Помни, ласточка моя!

Стриж

Птица в небо за собой зовёт,
Чтоб смогли лазури мы напиться,
Оттого светлеют наши лица,
И душа так просится в полёт!

Подними свои глаза, малыш,
Видишь, словно острый наконечник,
Кружится, стрелой пронзая вечность,
Ласточка береговая — стриж.

Знаю, что не остановишь бег
Сквозь года летящей колесницы!
Для чего у безобидной птицы
Разоряет гнёзда человек?!

Сердце разрывает боль, стрижи
Плачут, словно маленькие дети!
Слышишь, как им тяжело на планете
Над грехом и пустотой кружить.

Гаснет вечер, благодать да тишь!
День ушёл, заполнена страница,
В гнёздах с детками уgomонится
Ласточка береговая — стриж.

Утром ранним, за собой маня,
Взмлет в небо хрупкое создание,
Где своим задорным щебетаньем
Миру возвестит начало дня.

Снегири

Милая, к окну беги скорей! —
Через зал кричу любимой даме, —
Прилетела стайка снегирей,
Кормится замёрзшими плодами!

Птиц зимой не балует Сибирь,
Чем кормится? Голод-то не тётка!
Ищет пропитание снегирь
Возле города, на дачных сотках.

На окне узорами мороз,
Серебрится снег на тонких ветках,
К нам Всевышний этих птиц принёс,
Дождалась своих друзей ранетка!

Капли крови обагрили снег,
По-хозяйски порезвились птицы!
Голая ранетка, пищи нет,
Подан знак, и надо торопиться.

Полетели дальше снегири,
Знаю, что не скоро их увижу.
Что осталось? Их тепло внутри,
И они намного стали ближе!

Господи, мгновенья повтори, —
Просят тебя взрослые и дети, —
Пусть вернутся снова снегири,
Красногрудые красавцы эти!

Крылатый брат

О. И. Иванинскому

Не все воспоминанья сладки,
И снова боль пришла моя:
Как в детстве дальнем из рогатки
Подбил лихого воробья.

Его паденье часто снится,
Но кто, скажите, виноват
В том, что стреляют люди в птицу?
В том, что убит крылатый брат?

А как ему летать хотелось,
Своё гнездо, птенцов иметь!
Уже не слушается тело,
В глаза заглядывает смерть.

И словно ноги подкосило,
Он глянул на меня светло,
Собрав остатки прежней силы,
Моей руке отдал тепло.

Забилось сердце учащённо.
Застыл. За что мы птицу бьём?
Остался жить я непрощённым
Убитым мною воробьём.

Охотник, будь-то про игрушку,
«Убил!» — с восторгом говорит,
А мне он обжигает душу,
И правая рука горит.

И всё-таки, за что, за что же?
Не нахожу ответа я.
А совесть душу гложет, гложет
За маленького воробья.

Крик журавля

Отчего так больно сердцу стало?
Жалобно курлычат журавли,
Пролетает мимо клин усталый,
В небе растворяется вдали.

Если б мог, хотел бы с этим клином
Улететь в далёкие края...
Расскажу о крике журавлином,
Может быть, утихнет боль моя.

По весне летят к нам птичьи стаи,
Долог путь их, сил не берегут.
К сожалению, они не знают,
Что их ждут на этом берегу.

«Вижу, ты попался в сети грусти, —
Колька шутит надо мной, сосед, —
На охоту пусть жена отпустит,
Отвлечёшься, мой тебе совет!»

Взяли ружья мы, патроны, лодки,
Был среди охотников и я.
А охота может быть без водки?
Лучше, шутят, ехать без ружья!

Мы на озеро «Кривое» едем,
Наливают, только подавай!
Рядом парочка моих соседей,
И, конечно, с нами Николай!

А над нами небо голубое,
Тихо, нет волны и солнца нет.
Встали мы вдоль озера «Кривое»,
Ожидаем с ружьями рассвет.

Ждёт и птица этого рассвета,
И лениво стебелёк клюёт,
Мой вопрос остался без ответа,
Чем так манит озеро её?

В этот самый миг взорвалось небо,
И по озеру пронёсся крик.
«Лучше бы сегодня я здесь не был», —
Тихо местный прошептал старик.

«Песня, может быть?» «Поют иначе, —
Говорит, а сам белей белил, —
По жене весной журавль так плачет,
Журавлиху кто-то подстрелил!»

Наконец заметили мы точку,
Журавлиный крик шёл впереди,
«Словно рассказать о боли хочет!
Этот крик как нож в моей груди.

Всё, друзья, закончилась охота!»
Боже мой, как бедный он кричал!
«Как ему помочь?», — воскликнул кто-то,
Но старик угрюмо промолчал.

Он летал по замкнутому кругу,
Звал жену и верил в чудеса.
Кто же воскресит его подругу?
Быстро потемнели небеса.

Грозно чёрные поплыли тучи
И холодным пролились дождём,
Тут же ветер налетел могучий.
Колька молвил: «Может, переждём?»

«Ждать чего? Уж лучше застрелиться!
Как ты сможешь с этой болью жить?

Как забыть крик этой бедной птицы?
Все ответы знаешь? Подскажи!
В детстве я хотел летать, как птицы!»

Колька растерялся, прячет взгляд,
Утопил ружьё. «Мы все убийцы!», —
И пошёл, куда глаза глядят.

Не его, себя мне стало жалко,
«Милый мой, возьми меня с собой!».
Он кричал, и всё внутри дрожало,
И все клетки заполняла боль.

Редко в людях доброту встречаю,
И любви так мало на Руси!
Если спросят, сразу отвечаю:
«На охоту? Боже упаси!»

Говорят, такое дело было:
Тот убийца вскоре утонул,
И его не сразу тело всплыло,
Словно кто-то приковал ко дну!

Вот таким у жизни финиш вышел,
А душа его попала в ад!
Думаю, настигла кара свыше,
Самому противно, но я рад.

Отчего так больно сердцу стало?
Жалобно курлычут журавли,
Пролетает мимо клин усталый,
В небе растворяется вдали.

Ты лебедя убил?!

Из дальних стран на Родину стремится
Красавец лебедь — сказочная птица,
 Приносит запоздалую весну,
 От криков лебедей я не усну.

С утра меня трясёт, морозит что-то,
Сегодня открывается охота,
 И будет суматошная пальба!
 О жизни лебедей моя мольба.

С охоты прилетели, как на крыльях,
Смеялись радостно и стол накрыли,
 Сверкали у охотников глаза,
 И за удачу кто-то тост сказал.

День догорел, не надо торопиться,
Хозяйка с дочкой общипали птицу,
 И стали её жарить и варить,
 Один охотник начал говорить.

О том, как в камышах стояли, ждали,
Рассматривали напряжённо дали.
 С компанией обычных русских лиц
 Встречал на зорьке перелётных птиц.

И вдруг взметнулся в небо лебедь рядом,
Я первым выстрелил! Попал! Порядок!
 Собака его вскоре принесла
 И виновато села у весла.

«Ты лебедя убил?!» — мне стало больно,
«Да их тут развелось!» — сказал довольно,
 На грудь приняв ещё немного грамм,
 Добавил: «Весил восемь килограмм!»

В углу костями малыши играли,
Он говорил: как шкуру обдирали,
Какая кровь у лебеда была,
Что взял себе на память два крыла,

Что отвезёт те крылья он на дачу,
«Давайте выпьем за мою удачу!»
С крылом хозяйка в танце поплыла,
Смотрите: как у ангела крыла.

Он говорил: как их прибьёт в прихожей,
И мясо лебеда на чьё похоже,
(При том в помине угрызений нет!)
О том, какой из лебеда паштет,

«Всех угощаю! — улыбнулся мило, —
Земляк, попробуй!» Здесь меня стошнило.
О, Боже! Как мы всё же далеки
От тех, кто кормит лебедей с руки!

Душа сжималась, было так погано,
Уж лучше б эта дробь в меня попала!
Ответить охотник мне, как на духу,
Как спиться на лебяжьем, на пуху?

Убийство лебеда — твоя удача?
Ты к верности любовь убил в придачу!
Знай: никогда такая красота
Не возвратится в прежние места!

Подруга-лебедь голову сложила,
Но сердце у тебя не защемило.
А думал ты, охотник — молодец,
Что лебедь тоже чей-то был отец?

Твои мне оправдания тошно слушать!
Где, Господи, очистить наши души?!
За то, что не поднялся в высоту,
Ты расстрелял крылатую мечту.

Этап закончится, другой начнётся,
Боюсь, что лебедь тот к тебе вернётся,
Покажет внука твоего рука,
Как лебеди, дедуля, облака!

И ты поймёшь, что мир наш страшно тесен,
Проступит кровь на белом Мерседесе,
На нём вёз крылья лебедя в свой дом,
Хранитель-ангел твой исчез потом.

И станет тебе сразу не до шуток,
Жестоко бил ты и гусей и уток,
Но лебедя как можно не любить?
А малое дитя слабо убить?

И словно кровь падёт тебе на руки,
И совести твоей проснутся муки,
Непросто будет внуку объяснить,
Кто оборвал лебяжьей жизни нить?

Из дальних стран на Родину стремится
Красавец лебедь — сказочная птица,
Приносит запоздалую весну,
И я опять сегодня не засну.

ВЕСТОЧКИ И ЗНАКИ

Весточка

Помнится, начало лета,
Опустилась с высоты
Бабочка — мечта поэта,
Села рядом, на цветы.

По-хозяйски потопталась,
Кто же ты, моя краса?!
Видимо, прошла усталость,
Снова взмыла в небеса.

Вот оно, природы чудо!
Как у птицы два крыла!
Я задумался, откуда
Весточка сия пришла?

Сон тревожный, слёзы душат,
Ночи длинные зимой!
Чьи-то праведные души
Кружат рядышком со мной.

Звёзды светят из тумана,
Вдаль, сквозь пелену маня,
Это, может статься, мама
Сверху смотрит на меня.

В сон обрывочный поверю,
Встану, выйду на мороз.
Кто стучался ночью в двери?
Кто мне весточку принёс?!

Знак несчастья

Слёзы льёт природа,
Август, непогода,
 За окошком дождь, гроза,
 Слепит молния глаза!
Сверху шум какой-то,
Бух, на подоконник!
 Я к окну, а за окном
 Распластался тёмный ком!

«Мёртвые две птицы!
Надо ж так разбиться!
 С виду, словно снегири,
 Может, перья все в крови...»
«Сверху кто-то сбросил?
У соседей спросим,
 Я сейчас же к ним пойду!
 Не накликать бы беду!»

«Это знак несчастья,
Так бывает часто...» —
 Тихо, словно о простом
 И, покрыв себя крестом, —
«Близких, знать, не стало...» —
Бабушка сказала,
 Посмотрела далеко
 И вздохнула глубоко.

Пауза повисла,
Отгоняя мысли,
 Попросила мать: «Сынок,
 Ты бы малость мне помог,
Птичек, моя радость,
Схоронить бы надо.
 Одевайся и ступай,
 Их в овраге закопай!»

Знаем все мы с вами,
Не откажешь маме!
 Неприятный, резкий звон,
 С телеграммой почтальон:
«Дождь, но должен кто-то...
Трудная работа...
 Скорбную принёс вам весть...
 Только распишитесь здесь».

«Что опять за драма!» —
Побледнела мама!
 Прочитала: «Боже мой,
 Враз погибли брат с женой!
В дэтэпэ, на встрече,
И слетели к речке!
 Оборвалась жизни нить...
 Послезавтра хоронить...»

И закрыла двери...
Бабушка не верит:
 «Я не поняла! Сынок?!
 Доченька, ну как он мог!?!»
Бабке дурно стало,
В обморок упала.
 Тут все к ней, помочь хотят,
 Трудно хоронить дитя!

Но таков уж жребий...
Прохудилось небо,
 За окошком дождь, гроза,
 В сердце боль, бежит слеза...
Птицы, та примета...
Затерялись где-то
 Тот далёкий день и час...
 Господи, помилуй нас!

Отражение

Улыбнулось отражение,
Ба, знакомый, вроде, взгляд!
Замечаю, встрече рад,
Нет прямого отторжения,
Проявляет уважение.
Вопрошаю: «Кто ты, брат?!»

Головой трясём небрежно,
Только в зеркале своём
Мы себя не узнаём!
Мы такие же, как прежде,
Полные глаза надежды,
И хвалу себе поём!

Мы себя рисуем сами,
Видим то, чего хотим!
Что выходит? Херувим!
Он с густыми волосами
И небесными глазами!
Для чего с судьбой финтим?!

Юность сердцу дорогая
Возвращает нам порой
Взгляд весёлый, озорной!
Фотографии ругаем:
«Это мордочка другая!
И совсем другой герой!»

К сожалению, стареем,
Вот морщины, и видна
На височках седина,
Словно белый флаг на рее.
С каждым часом всё быстрее
Мчится наша старость к нам!

Так не хочется, ребята!
Но, увы, пришёл черёд!
Не назад, а лишь вперёд!
Люди, лица, тени, даты...
Это всё летит куда-то...
Что там нас с тобою ждёт?

Старое кино

Жене и Нине Бакиным

Фильм смотрю послевоенный,
Расставание, вокзал...
Отчего, почти мгновенно,
Увлажняются глаза?

Всё серьёзно, всё без стёба!
Полюбил, так навсегда!
Пара, где красивы оба,
Им и бедность — не беда!

Вот «Баллада о солдате»,
А актёры! А любовь!
Повторят к какой-то дате,
И на полку спрячут вновь.

И куда всё подевалось?!
Не смотрю уже дано,
Вызывает боль и жалость
Современное кино.

Не о том ведь нам мечталось,
Всюду битва за металл...
Поколение измельчало,
И другим герой наш стал.

«Все мы в этом мире бранны...»,
Классик как-то раз сказал,
Фильм смотрю послевоенный,
Расставание, вокзал,
И опять бежит слеза...

Осень. Одиночество

Осень. Ясный день. Прохлада,
Тонкий лёд на лужицах,
Никуда спешить не надо,
Лист последний кружится.

Роща, голые осины
Перед небом чистые,
Иней лёг на дно долины,
Спит земля под листьями.

Под лучом покров играет —
Золото с рубинами!
Промелькнула левым краем
Стая голубиная.

Вы с собой меня возьмите,
Ведь не старый вроде я!
Задрожали нервы-нити,
Потекла мелодия.

Как же место то далёко,
Где мы были прежде!
Заросла травой дорога
В эту даль безбрежную.

Где же вы, друзья и годы?!
Так вернуть вас хочется!
Утекли былые воды...
Осень... Одиночество...

Под Луганском, под Донецком (поэма)

Жить бы в таборе цыганском,
Из полей вам слать привет!
Под Донецком, под Луганском
Алый от боёв рассвет...

Артобстрел, налёт, бомбёжка,
Режет сердце детский крик,
Трупы, вся в крови дорожка,
Кто там, женщина, старик?

Время смерти, жатвы время,
Кровушка рекой течёт,
Тяжко для народа бремя,
Тяготы его не в счёт!

Грады бьют, алеют склоны,
Страх в глазах, и плач, и стон!
Но подвозят эшелоны
Новеньких со всех сторон.

Робкие призывы к миру
Не задержат караван,
Нежную не слышно лиру,
Здесь грохочет барабан!

Здесь калека на калеке,
Разорён их отчий дом,
Это в двадцать первом веке?!
И все ходят под Христом?!

Спит солдатик сном мертвецким,
Он, понятно, ни причём,
Под Луганском, под Донецком
И под Красным под Лучом.

А гражданские потери?
А больницы, а дома?
Вроде, мы близки по вере?
Может, все сошли с ума?

Царство мифов и обмана,
Кто чужие?! Кто свои?!
И душа — сплошная рана,
Всюду бизнес на крови.

Вот опять дурные вести,
Не могу ни спать, ни есть,
«До победы! Дело чести!»
И в глазах пылает месть.

Вижу страх в глазах у мамы:
«Жив ли там мой мальчик, цел?»
Только по законам драмы,
Попадёт сынок в прицел.

Нет на свете горше горя
Для солдатских матерей,
Знаю, им придётся вскоре
Хоронить своих детей.

Кто Отечества герои?
Парень, с виду не дурак,
Бедную Россию кроет,
Если русский, значит, враг!

Надломили человека,
Между нами вбили клин,
Мы не слышим четверть века
Общих песен и былин.

Связи годы и столетья
Созидали, тяжкий труд!
Что оставим? Междометья,
Чувствую, что всё порвут.

Рвут со знанием, не сдуру,
Выжигают русский след,
Рушат общую культуру,
Что роднила сотни лет.

И заточены однажды
Нам назло во всём, везде,
Свою рыбку ловит каждый
В мутной с кровушкой воде.

Так сложилось, за кордоном
Чуждый нам живёт народ,
Гадит в душу беспардонно,
Дяде Сэму смотрит в рот.

Что же, Штаты много ближе,
Гнутся, кто во что горазд!
Задницу прилюдно лижет
Радикал и педераст.

Извиняюсь, эхо взрывов
Мечется внутри во мне,
До высоких ли порывов?
На войне, как на войне...

В этом крике хулиганском
Был сигнал для голубей,
Под Донецком, под Луганском
Птицы бросили людей.

В некогда прекрасном крае
Прокляли они весну,
Вижу, во дворах играют,
Снова мальчики в войну.

Не нужны отсрочки, брони,
Хоть и больно мне вдвойне,
Каждый день меня хоронят
На гражданской той войне...

Сколько беженцев с востока?!
Сотни тысяч, миллион!
Отчего судьба жестока?
И куда же смотрит Он?!

Есть ли выход? Ждут исхода,
Незатейливый сюжет,
Там считают, нет народа,
Значит, и проблемы нет!

В тихом дворике соседском
Реже слышу детский смех,
Под Луганском, под Донецком
Бойня на глазах у всех!

На востоке Украины
Не укрыться от беды,
Вместо городов руины,
Нет ни света, ни воды.

А виновен кто? Мы сами!
Мир политики таков,
Выбрали, теперь нас с вами
Держат-то за дураков!

Вот опять ребёнок плачет,
Одного я не пойму,
Он причастен, не иначе,
Бог не слышит почему?

Безысходность в крике детском...
Есть ли правда?! Божий суд?!
Под Луганском, под Донецком
Тяжкие бои идут...

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ

Мифы и легенды — продолжение

Уважаемый читатель, в этой книге я продолжил цикл поэм, начатый в предыдущей книге, — «Легенды и мифы», которые написаны в форме просветительских бесед отца с сыном. На этот раз речь пойдёт о древнегреческом герое Аполлоне и о судьбе двух древних городов, Содоме и Гоморре. Легенда об Аполлоне меня привлекла ещё и потому, что в ней упоминается страна Гиперборея, расположенная между Обью и Иртышем, т. е. речь идёт о тех местах, где я родился (река Омь, приток Иртыша, впадает в Иртыш в Омске) и где живу (Новосибирск стоит на реке Обь). Мне показалось, для современного читателя параллели прошлого с настоящим могут оказаться интересными. В поэме «Содом и Гоморра» надеюсь, Вас заинтересует моя трактовка легенды об этих городах греха, известная нам по Библии, о жизни Авраама, о судьбе семейства Лота.

Что касается поэмы «Женщины Петра Великого», то хочу признаться, образ легендарного (поэтом поэма оказалась среди легенд) Пётра Первого давно привлекал меня своей неординарностью, я долго искал подход к нему. И вот нашёл, в этой поэме он предстанет перед читателем не как государственный деятель, а как человек, как личность, как отец и муж. Поверьте, я старался описать личную жизнь нашего царя на основе неопровержимых исторических данных и документов того времени, а некоторую мою вольность в интерпретации событий личной жизни Петра Первого, надеюсь, Вы мне простите.

В основу либретто для музыкального спектакля «Страсти Дон Жуана» положена испанская легенда о дон Жуане и первая песня эпической поэмы Джорджа Байрона «Дон Жуан». Полагаю, что герой поэмы очень современен, а тема любви и страсти неисчерпаема. Основой сюжета для либретто музыкального спектакля «Страсти Дон Жуана» являются три истории из жизни героя, это история юношеской любви дон Жуана и доньи Юлии, его страсть к донье Анне и встреча дон Жуана с отцом доньи Анны Командором. Памятуя о том, что к образу дон Жуана обращались великие поэты и композиторы, заранее прошу прощения за такую наглость с моей стороны.

Что может оправдать меня? Только интерес с Вашей стороны к моим скромным трудам. На то и надеюсь.

С уважением, Александр Плотников.

Аполлон (штрихи к портрету) (поэма)

- I -

За часом час и день за днём
Текут в бездонный водоём,
 Известно, что умеют воды
 Хранить столетия и годы,
Запущен сложный механизм,
И сверху кто-то смотрит вниз,
 Вращается Земля-планета,
 Ушла зима, приходит лето...
Умён Создатель и силён,
Не остановишь ход времён!
 И кажется, что в бесконечность
 Бежит, стремится речка-вечность.
Неделя, месяц, смотришь, год
Скрываются под толщей вод,
 А сверху капли — чьи-то слёзы...
 Мигают безучастно звёзды.
Смотрю на воды, силюсь я
Понять природу бытия.
 И сложно всё вокруг и просто,
 Ответов нет, одни вопросы!
И оттого на сердце боль,
Я чувствую воды той соль,
 Пространство не охватишь оком!
 Летит стремительным потоком
Земной остаток лет и дней...
И в чём же жизни смысл моей?
 И что останется на свете?
 Останутся дела и дети!
А внукам, внучкам в тишине
Расскажут дети обо мне,
 И в дни святые вспомнят снова
 Меня, помянут добрым словом.

- II -

Сынок, ты помнишь, я однажды
С визитом прибыл в вечный Рим,
Тогда с культурой встречи жаждал,
Давай о ней поговорим.
Следов культуры, сын, там много,
А Рим, ну просто великан!
В том граде привела дорога
Меня в священный Ватикан.
Откроюсь я тебе, как сыну,
Там потрясли меня картины!
И вдруг скульптура, Аполлон,
Зовётся Бельведерским он.
Высоких образцов примеры!
Четвёртый век до нашей эры!
Кто скульптор? Некто Леохар,
На Македонского пахал.
Стоит она теперь у храма,
Какая бронза? Белый мрамор!
А папа Юлий, что второй,
Скульптуру ту купил домой,
Тот папа смелый был и дерзкий,
Приказ: «Во дворик Бельведерский
У Ватиканского дворца
Сего поставить молодца!»
Ну кто бы смог ему перечить?!
О том, сын, не было и речи!

- III -

Вернусь к герою я, к портрету,
Посмотрим на скульптуру эту!
А знаешь ли, мой мальчик, ты,
Что идеал он красоты?!
Какой же? Да мужской, конечно!
И говорят, что будет вечно!
Без бороды, смотри, усов,
И, к сожалению, без трусов!

На нём лишь лёгкая туника,
Внимательней, сынок, взгляни-ка,
Скорей стоит он, чем идёт,
И все достоинства вперёд!
Всё напоказ, как говорится,
И ладно, было б чем гордиться!
Пойми, нескромно между жён,
Когда мужчина обнажён!
Остаток боевого лука
Он держит в левой, глазки ниц,
«А правой хочет, вот в чём штука,
Потрогать попку девиц?!»
Напрасно так, сынок, считаешь,
Ты мал, и, значит, неумел!
И, к сожалению, не знаешь,
Колчан там был и куча стрел!
Я думаю, тебе, сын, стоит,
Про Аполлона правду знать!
И есть решение простое —
Часочек отобрать у сна!

- IV -

Жила красавица Латона,
То мама бога Аполлона!
— Кто папа? — Слышу твой вопрос,
— Где он родился? Как он рос? —
Ну что ж, извечные вопросы,
Удобнее, сынок, ложись,
Послушай Аполлона жизнь.
А было в ней не всё так просто!
Начало нашей жизни, сын,
Идёт от женщин и мужчин.
А у Олимпа слишком часто
Имели девушки несчастье
Вдруг приглянуться! Как кому!?
Известно, Зевсу самому!

Заметил, где горы вершина,
Там Зевс сидит? Он главный бог!
Кругом, куда ни плюнь, сынок,
То в Зевса дочку или сына
Ты попадешь, такой закон,
На это дело слаб был он!
Надеюсь, в прошлый раз отметил,
Что и Геракл его сынок?
Как, впрочем, и другие дети!
Он мимо пропустить не мог
Красавиц, что кругом гуляли,
Поймём ли мы его? Едва ли,
Имел бог Зевс тогда болезнь,
Зовётся: «На кого б залезть!»
Любовь? Нет, тяга к наслажденью,
Но я не склонен к осужденью.
Мой принцип прост, и он таков:
Не нам, сынок, судить богов!

- V -

Нашлось местечко моветону,
Отбиться не хватило сил,
Сдалась, красавицу Латону
Бог Зевс к сожительству склонил!
Но согласись, всему есть мера!
Ревнивая богиня Гера,
Она — законная жена,
А значит, и стеречь должна!
Твердят, коль сучка не захочет,
Кобель, мол, на неё не вскочит!
Несчастных, на чём свет стоит,
Все осуждают раздражённо,
Особенно усердно жёны,
А те рыдают от обид!
Но доброта чему нас учит?
Не обижайте, люди, сучек!
Собачек разве есть вина?
Жена, как видим, не стена!

Как быть, когда кругом соблазны?!
А сколько там красоток разных?!
 Взывало к женщинам нутро,
 Зевс думал, делает добро...
Попал бедняга в положение,
И где тут верное решение?!
 У Зевса был хороший вкус!
 К тому ж устал от брачных уз!

- VI -

Ну а несчастная Латона
 За всё должна держать ответ!
Слились проклятия и стоны,
 Короче скажем, жизни нет!
Гонимая богиней Герой,
Представлена дурным примером!
 В грязи Латона и в пыли!
 Хотя, казалось бы, могли
Во всём ведь разобраться строго,
А так всё выглядит убого!
 Искала бедная приют,
 Таким, однако, не дают!
Историк пишет, не однажды
Из лужи утоляла жажду.
 Причина? Речка и ручей
 Напиться не давали ей!
Когда к деревьям приближалась,
 Спасти от солнечных лучей,
 Жестоко отвечали ей
Деревья эти, вот же жалость,
 Как по команде, шаг назад!
 О, где же ты, тенистый сад?!
Но Гере мало, и повсюду
За ней шагает чудо-юдо,
 Покрытый чешуёй дракон
 Со странным именем Пифон.
И наша бедная Латона
Спасалась бегством от Пифона,

Скиталась, близился конец,
На остров Делос вышла вскоре,
Который плавал в бурном море.
За что тебе хвала, Творец!

- VII -

Никто не жил, такое дело,
На острове том странном Делос,
Но в тот момент, когда нога
Латоны на берег вступила,
Столбы воды огромной силы
Взлетели, встали берега!
И мне доподлинно известно,
Он и сейчас на том же месте.
Пред ней простёрся дикий край,
Обводит взглядом: «Да, не рай!
Хлебну я здесь немало горя!»
Вокруг шумело бурно море,
Средь обнажённых острых скал
Глаз всё растительность искал,
За что-то нужно зацепиться,
Но здесь селились только птицы,
Тогда морские чайки тут,
На Делосе, нашли приют.
Их крики, полные печали,
В те дни на острове звучали.

- VIII -

И вот в такой среде Латона
Явила миру Аполлона!
Народ напрасно был к ней строг,
От бога ведь рождается бог!
Рожденье то подобно чуду,
Пошёл по острову повсюду
Потоками златистый свет!
А в чём тут, говоришь, секрет?
Так, сын, приходит к нам комета
Подарком из миров иных!

Родился Аполлон — бог света!
Вот так трактует древний миф.
Всё зацвело и засверкало,
И изменилось в тот же час,
В цветах долины, горы, скалы
И небо — всё ласкает глаз!
Амброзию с нектаром крошке
Несли богини средь даров,
Все песни пели Аполлошке
На тему, парень, будь здоров!
Водили нимфы хороводы,
Плясали, не жалея ног,
И ликовала мать-природа:
На свет явился света бог!
От правды никуда не деться,
Часть жизни не дошла до нас,
А потому опустим детство,
О юности его рассказ.

- IX -

Мы возвращаемся к портрету:
Был Аполлон, как лучик света,
Красавчик парень сам собой
И нимб золотой над головой!
Хохлы твердят, был хлопец гарный,
Тот Аполлоша светозарный!
А дом его — небес лазурь!
Что, в принципе, конечно, дурь!
Порхать вот так удел немногих,
На то способны только боги!
А как одет он? Мне видна
На нём туника лишь одна!
Кифара прикрывает тело,
В колчане золотые стрелы,
Да знатный лук из серебра,
Во взгляде «девять грамм» добра!
Теплее, видно, было прежде,
Заметил, нет другой одежды?

То старый трюк, скажу я вам!
Ведь так удобнее для дам
Рассматривать нагое тело.
Ты замечал, как смотрят смело?
Таков, сыночек, женский нрав!
Вот видишь, папа снова прав!
Парит ликующий и гордый!
Куда же парня понесло?
Что ищет взгляд меж речек горных?
То место, где таится зло!

- X -

Смотри, летит, расправив плечи,
В глазах видна отвага, честь,
Искал герой с Пифоном встречи,
За мать, сынок, святая месть!
И вот, ведомый жаждой мщенья,
Достиг он мрачного ущелья,
Где обитал злодей Пифон.
Тут огляделся Аполлон:
Темнели скалы там далёко,
И в небо пики их высоко
Стремились к белым облакам,
Внизу туман по берегам
Потока горного клубился,
Навечно мрак здесь воцарился,
И, очевидно, белый свет
В ущелье не был много лет.
Поток под слоем белой пены
Надрывно пел, что все мы бренны.
В тот час из логова дракон,
Злой и чешуйчатый Пифон,
Наружу выползал неспешно.
Зачем? Проголодался, грешный!
От тяжести телес его
Дрожали и сдвигались скалы,
Кто видел это существо,
У тех внутри прохладно стало!

Лишь показал Пифон оскал,
Сбежали прочь подружки-нимфы,
И чайки бросились со скал,
Далёко спрятались за рифы.

- XI -

Вот пасть открылась у Пифона,
Поднялся мощный троглодит,
И бога света Аполлона
Дракон готов был проглотить!
Запела лука тетива,
Сверкнули золотые стрелы,
Пробита злыдня голова,
От стрел в крови злодея тело!
И бездыханный он упал,
Сражённый острыми стрелами!
И поделом ему! Нахал
Издох! Но это между нами.
Победа! Может, потому
Всегда свет побеждает тьму!
Запел торжественную песню
Здесь златокудрий Аполлон,
Златые струны тронул он,
Потёк кифары звук чудесный!
Кто знал победы торжество,
Не станет осуждать его.
В том месте, где у речки дельта,
Зарыл Пифона наш герой,
Он храм построил под горой,
Священным местом стали Дельфы.
Здесь Зевса, своего отца,
Велел он волю прорицать!
И вот на бережку высоком
Стоял однажды Аполлон,
И в море тихом и далёком
Один корабль заметил он.
Герой нырнул дельфином в море,
Где и настиг корабль в просторе.

Он на корму взлетел из волн,
Сиял звездой, и на кифаре
Играл и пел, и был в ударе,
И в Дельфы тот корабль привёл!
Конечно, это с виду просто,
Учись, как делают отцы!
В святилище вошли матросы,
Как первые его жрецы!

- XII -

Сын, знай, что не один Овидий
Писал про Аполлона, видел,
Источники другие есть,
Поэмы, штукек пять иль шесть?
Алкей, Мнасей и Сим Родосский
Все парню перемыли кости!
И Сицилийский Диодор
Вёл о герое разговор!
Конечно, старики те душки,
Писали, видно, под заказ.
И наш поэт, великий Пушкин,
Героя помянул не раз!
«Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В потоках суетного света
Он равнодушно погружён...»
Герою гимны неустанно
Все пели, повторять не стану,
Везде помянута страна,
Родная для него она!
И я по мере сил сумею
Воспеть страну Гиперборею!
Вниманье привлеку к местам,
Относятся какие к нам.

- XIII -

Гипербореи мир чудесный!
Виват, блаженные миры!

Где танцы, музыка и песни,
Веселье вечное, пиры!
Народ, куда ни плюнь, художник!
(Прошу прощенья за пиар.)
Представь себе, холодный дождик
Для них скорее божий дар!?
Источники посмотришь, вроде,
Там речь о северном народе,
Борей, холодный ветер, с гор
Здесь дует лихо с давних пор,
И Аполлон наш в колесницу
Лебёдок гордых запрягал,
И лето каждое летал
Туда, местам чтоб поклониться!
Так Аполлонова нога
Знавала наши берега!
Тенистый Истр?! Теперь я знаю,
Что это наша Обь родная!
С истоком, правда, Иртыша!
Вот так-то, милая душа!
Мы спорить с древними не будем,
Пойми, сынок, что умным людям
Вступать не нужно в глупый спор,
А вот научный разговор
Вести нам нужно честно, строго!
Ну разве позабыты Богом
Родные нам с тобой места?!
Речь-то о Боге неспроста...

- XIV -

Известно, за Полярным кругом
Не сходит солнышко с небес,
Всё лето! Чудо из чудес!
Ты смотришь на меня с испугом?
Прости! Скажи, ты вспомнить смог,
Что Аполлон наш — солнца бог!
Возможно, мы одной с ним крови?!
Не поднимай так, мальчик, брови!

Мы с ним, сынок, один народ,
Родня, короче! Понял? Вот!
Поэты разные про это
Писать, конечно, мастаки!
Пример: его, мол, мама, Лето,
Родила парня у реки!
Но мы-то знаем, что Латона
Была мамашей Аполлона!
А папой громовержец Зевс,
Который на неё залез!
Имел он на красотку виды,
Вот так всё описал Овидий!
Возможно, видел, посему,
Сынок, доверимся ему!
Жрецы и слуги Аполлона,
Устав от плясок и игры,
Везли ему во время оно
На Делос разные дары!
И Гипероха с Леодикой
Исчезли в Делос по пути,
И до сих пор, что, право, дико,
Никак не могут их найти!
А ведь и парни с ними были,
Посланцев этих целых пять,
О них и вовсе позабыли,
Никто не будет их искать!
А позже стали у границы
Дары посланцы оставлять,
Хотя известно, могут птицы
Продукт испортить, поклевать.

- XV -

Познал и Аполлон наш горе,
И речь сейчас не о запоре,
Который он тогда знавал,
И клизму кой-куда совал.
Поэт тех давних лет Овидий

Донёс до нас его обиды,
Оставил нам стихи свои,
А там история любви.
Поэма вот, «Метаморфозы»,
И могут навернуться слёзы
От строк его у слабаков!
Наш мир жесток, но он таков!
О, счастья миг, слетела радость!
За ней стучится в двери гадость...
Избитый, в общем-то, сюжет,
Вот так всё описал поэт:
Стоял над ним герой наш гордый,
Издых поверженный Пифон!
И миру радостную морду
Явил наш светлый Аполлон!
По существующим обрядам
Народ пропел ему хвалу!
Вдруг мальчика заметил рядом,
Натягивал который лук.

- XVI -

То Эрос, бог любви, мальчишка,
И вот случился разговор:
«Смотрю, дитя, ты смелый слишком,
Гроишь мне?! Это не в укор!
И смотришь на меня сердито!
Зачем? Давай, послушным будь!
Иди до мамы Афродиты
И пососи немного грудь!
Парнишка, мыслить нужно здраво,
К чему тебе вот здесь бузить?
Лишь мне дано богами право
Златыми стрелами разить!
Ведь это я убил Пифона!
Равняться ли тебе со мной?!
Ну кто ты против Аполлона?!
Короче, Эрос, дуй домой!»

Взыграла в нём в тот час гордыня.
Причина? Боевой успех!
Я вскользь замечу, и поныне
Гордыня есть тягчайший грех!
Обижен Эрос! Молвил смело:
«Меня отсюда не гони!
Разят врагов твои лишь стрелы,
Не знают промаха они!
Напрасно ты, я точно знаю,
Меня обидел, паразит!
Поверь, моя стрела золотая
Тебя, красавчик, поразит!»
И Эрос вдруг, взмахнув крылами,
Взлетел высоко на Парнас.
Туда, опять же между нами,
Меня заносит мой Пегас!

- XVII -

Колчан открыт, готовы стрелы!
Запела лука тетива,
Он их в сердца направил смело,
Как месть за глупые слова!
Надеюсь, ты, сынок, заметил
В подъезде сердце со стрелой?
Конечно же, рисунки эти
Не умысел какой-то злой!
Практически в любом сортире
Найдёшь рисунки о любви,
Вот так влюблённый в этом мире
Творит художества свои.
Прости меня, отвлёкся малость,
Интересует Эрос нас,
И что с героем нашим случилось?
Давай вернёмся на Парнас.
Стрела пронзила Аполлона
И в сердце вызвала любовь!

Согласно древнему закону
Стрелу пускает Эрос вновь!
Вторая чувства убивает!
Досталась Дафне, что из нимф.
И в жизни, мальчик, так бывает,
Похожа жизнь на этот миф!
А Дафна, дочь речного бога,
За что страдает, подскажи?
За всех ответил Эрос строго:
«Чтоб мёдом не казалась жизнь!»

- XVIII -

Вот как-то раз гулять под вечер
Пошёл вдоль речки Аполлон,
Прекрасную где Дафну встретил
И по уши влюбился он!
Его она лишь увидала,
Тот час бежать пустилась прочь!
Что за дела? Обидно стало,
Но как красавице помочь?
За ней помчался златокудрый,
Отказ героя бросил в жар!
Как написал историк мудрый:
«В душе его пылал пожар!»
Ты должен знать, сынок, опасно,
Когда пожар в твоей груди!
Он Дафне скромной и прекрасной
Кричал: «Голубка, погоди!
Зачем бежишь, овечка словно
От волка по тропинке ввысь?
Прошу дозволить слово молвить!
Красавица, остановись!
О, задержись хоть на немножко,
Вручу тебе от сердца ключ!
Поранила, я вижу, ножки,
Терновник нынче так колюч!
И знай, что не пастух обычный,
Я Зевса отпрыск, Аполлон!»

А сам за ней, как за добычей,
Всё ближе, ближе к Дафне он!

- XIX -

Затылком чувствует дыханье,
И слёзы катят по лицу,
Вот блин, ну что за наказание?!
Взмолилась своему отцу:
«Отец Пеней, на дочь взгляните!
О, расступись скорей земля!
И этот образ отнимите,
Из-за него страдаю я!
Коснуться не позволяйте тела!» —
Молила землю и отца.
Что делают, мой мальчик, стрелы?!
За что страдают так сердца?!
Вниманье обратил, надеюсь,
Она отца зовёт на «Вы»?
Ушли старинные идеи,
Культура низкая, увы!
А вот картина Д [э]. Тьяколо:
Бежит за Дафной Аполлон,
Уж миг преображенья скоро,
А дальше всё, сынок, как сон!
Мгновенно члены онемели,
Нет кожи, жёсткая кора,
Вошла и в землю по колено!
Потрогал, это не игра!
А волос? Право, что за штуки?!
Листвой представил грозный мавр,
И в ветви обратил он руки!
Предсталое древо — чудный лавр!

- XX -

Он обнимал тот лавр напрасно,
Бросало Аполлона в дрожь!
Казалось бы, козе же ясно,
Обратно Дафну не вернёшь!

Картина: кровь по жилам стынет,
Из задницы же валит дым!
Лавр сделал Аполлон отныне
Любимым деревом и святым!
Здесь долго он стоял в печали,
Казалась, умерла листва,
Потом у лавра прозвучали
Его прекрасные слова:
«Пусть голову венок прекрасный
Накроет из твоих ветвей,
Кифару и колчан украсят
Листочки зелени твоей!
И пусть не вянет листьев крона,
Зелёным стой ты сотни лет!»
И в знак согласия корону
Склонил тот лавр ему в ответ.
Смотри, вот Аполлон, кифара,
Статуя, мрамор, век второй,
На голове венок из лавра
Уже имеет наш герой.
Отказом грубым лавр зелёный
Поранил сердце Аполлона!
И между нами, сын, с тобой,
С тех пор не верил он в любовь!

- XXI -

Вот так-то! Правда, увлечения
Встречал по жизни наш герой,
Грешно скрывать, он предпочтенья
Мужчинам отдавал порой.
Нужны примеры?! Что же, слушай,
Вот сын Телефа, Кипарис,
Родные с Аполлоном души,
Всё выполнял, любой каприз!
И вот однажды на колени,
Любимец Кипарис упал,
Но об убитом он олене,

А не о друге горевал!
Герой подумал, что измена!
И в тот же час, почти мгновенно,
На том же месте в древо он
Был Аполлоном превращён!
Тебе, я вижу, интересно?!
Пожалуйста, продолжу я!
Жил Гиацинт, как нам известно,
Он сын спартанского царя!
Опять любимец Аполлоши,
При этом третий есть, Зефир!
Ночь, Гиацинт попутал ложе!
Соврал, мол, шёл он пить кефир!
Такой вот секс знавала древность!
Заметь, как Аполлон жесток,
К Зефиру ласковому ревность,
Любовник обращён в цветок!
Разборка! Аполлон под вечер
Пошёл, в кармане два ножа!
Зефир? На запад дунул ветер,
Подальше от греха сбегал!

- XXII -

Не нужно осуждать героя,
Советы глупые давать,
Не знаешь (тайну приоткрою)
Какая ждёт тебя кровать?!
И опускаться грех до травли,
Хотя народец наш горазд!
Всё из-за Дафны, давней травмы,
Но Аполлон не педераст!
Бисексуал, сынок, скорее,
Давай культурный прием пакт,
Известно, что в Гиперборее
И дети были, это факт!
Не все до нас дошли те дети,
Я точно знаю вот о чём,

Что Аполлона сын, Асклепий,
 Был знатным в те года врачом!
Смотрю, мой сын на шулки скорый,
 Весь в папу мальчик, молодец!
Ты говоришь, певец Киркоров
 Такой же, как и он, отец?!
Но с современностью так часто
 Вести не нужно параллель!
Но прав ты, боль любви несчастной
 Познал наш современный Лель!
К чему скрывать, когда известно,
 Таков сейчас весь мир искусств!
Простое им не интересно,
 Им острых не хватает чувств!
Выходит что? Сплошное б...дство!
 На Грецию кивают, Рим!
Не будем в споры углубляться,
 О музах мы поговорим.

- XXIII -

Вот на Большом театре кони,
 А в колеснице Аполлон!
Куда наш златокудрый гонит?
 И как туда забрался он?
Как символ высшего искусства!
 Твердят, мол, он нам Богом дан,
Чтоб добрые возникли чувства,
 У просветлённых россиян!
К нему неровно музы дышат!
 Поверь, все здравствуют сейчас...
Как обещал тебе я выше,
 О музах поведу рассказ...
Весной на склонах Геликона,
 Источник где священных вод,
Увидеть можно Аполлона,
 Он водит славный хоровод.
Парнас — гора подобна раю!
 Там музы, парень молодой,

Веночек сверху, он играет
Им на кифаре золотой!
Немного предводитель грустен,
А всё любви несчастной груз
(Но эту тему мы опустим),
За ним шагают девять муз.
Но на красавиц обнажённых
Совсем не смотрит Аполлон,
Они, сынок, ему не жёны!
Герой обходится без жён...

- XXIV -

Ступает первой Каллиопа,
Чуть округлив свои глаза,
Эпических поэтов попа,
Ой, муза я хотел сказать!
За ней весёлая Эвтерпа,
У лириков она в чести!
Мои стихи порою терпит,
Ну, если что не так, прости!
А третьей милая Эрата,
То муза всех интимных тем,
Моим любовным песням рада,
Но, если честно, то не всем.
За нею сразу Мельпомена,
Трагических то муза чувств,
Убийства где и где измены,
Я сам её чуть-чуть боюсь.
А пятой Талия шагает,
Комедий муза, кто не знает,
Хотел бы, кстати, с ней дружить,
Смешно писать про нашу жизнь!
Шестая кто там? Терпсихора!
То танцев муза, мой родной,
Для всех движенья в этом хоре,
Прописаны-то ей одной!
Седьмая — Клио, эта муза
Истории, но от жены

Походы ей налево мужа
Не интересны, не нужны!
Ураания для астрономов,
Вышагивает та восьмой!
Наука эта тем знакома,
Кто звёзды любит, милый мой!
А Полигимия девятой,
Поможет, коль слагаешь гимн!
Про попку я писал ребятам,
Обходятся поныне им!

- XXV -

Они идут за Аполлоном,
Поёт торжественно их хор,
Природа-мать заморожено
Всем им внимает с давних пор!
Когда же Аполлон и музы
К богам восходят на Олимп,
Ничто тем и никто не нужен,
Не нужно битв кровавых им!
Раздоры прежние забыты,
Царит святая тишина,
Покоится и Зевс со свитой,
А в свите не одна жена!
Звучит кифара Аполлона,
Он бьёт по золотой струне,
А на поляночке зелёной,
Танцуют боги много дней.
И Артемида в хороводе,
То Аполлошина сестра,
Всех впереди, видна порода!
Танцуют, пляшут до утра
В потоках золотого света,
Что излучает Аполлон!
Довольны боги, праздник этот
Устроил на Олимпе он!

- XXVI -

Папаша Зевс всё замечает,
И в сыне он души не чаёт!
Иных богов там больше ста!
Сынок, я вижу, ты устал,
Смотрю, смыкаются ресницы!
Пусть, мальчик, сон тебе приснится:
Гора, а под горой народ
Весёлый водит хоровод,
Где музы вместе с Аполлоном,
Искусств где плещутся знамёна,
Где жизнь привольна и чиста,
Целуют музы где в уста!
Прими их ласки благосклонно!
Остерегайся Аполлона!
Красавчик тем и знаменит,
В постельку может заманить!
Коварство помни Аполлоши!
Пока! До завтра, мой хороший!
За часом час и день за днём
Текут в бездонный водоём,
Известно, что умеют воды
Хранить столетия и годы.
Запущен сложный механизм,
И сверху кто-то смотрит вниз,
Вращается Земля-планета,
Ушла зима, приходит лето.
Умён Создатель и силен,
Не остановишь ход времён...

Содом и Гоморра (поэма)

- I -

Сынок, я вижу, что как взрослый
Читаешь Ветхий ты Завет,
Ответы ищешь на вопросы,
Их ищет каждый много лет.

Нам не уйти от разговора,
Сегодня прояснить должны,
За что Содом, а с ним Гоморра,
Два града Богом сожжены?

«Содом, то место есть разврата,
Там попрана была мораль!»
Всевышний так решил когда-то,
Об этом говорит скрижаль?

«Стереть с земли!» Считаешь, строго?
Да, да, так показалось нам,
Кто мог тогда поспорить с Богом?
Благочестивый Авраам?

Под содомией (браво, школы!)
Мы стали понимать потом
Не только связи однополых,
Но и сношения со скотом.

Содом — свод практик аморальных,
Увы, попали под запрет,
Анальный секс, а с ним оральный,
На тысячи и сотни лет.

Сегодня этот секс, как «здрате»,
Отмечу вот какой момент,
Назвать кого-то педерастом,
Так это сделать комплимент!

А карнавалы, гей-парады
В столицах, крупных городах?!
А наши короли эстрады?
Погрязло общество в грехах!

А как же продолжение рода?
Хороший, я скажу, вопрос,
Но кто услышит глас народа?!
Отстал ты, скажут, не дорос!

На Западе тебя осудят,
Возможно, станут обижать.
Должны продвинутые люди
Там сексменьшинства уважать.

Там церковь заключает браки,
Звучат где марши и слова!
Бывает, спорят аж до драки
За однополых, их права.

Их выбор защищают рьяно...
Давай, оставим на потом
И голубых, и лесбиянок,
У нас Гоморра и Содом!

- II -

Где были грады? Знаю точно,
На то нам новый атлас дан,
Вот берег речки, что восточный,
Река зовётся Иордан.

Земля та супротив Хеврона,
А справа высится за ним
Как и тогда, во время оно,
Великий Иерусалим.

Была, ещё отметить надо,
Земля Содомская тогда

Как коалиция, а грады
Как государства города.

Содома люди и Гоморры
Трудились строго до зари,
Общиной жили, у которых
Не главы были, а цари.

Земля там жителей кормила,
Там каждый третий винодел,
Жилось и славненько, и мило,
Никто грешить-то не хотел.

Когда же опускался вечер,
Когда все сделаны дела,
Куда пойти? Заняться нечем!
Чего-то требуют тела!

Вино толкает на соблазны,
За ширму прячется запрет,
Историй, вроде, много разных,
У всех, увы, один сюжет!

Что дальше? Балом правит похоть!
Понятно, побоку мораль!
И люди поступают плохо,
Нам их с тобой немного жаль.

Пошёл разврат! А где пределы?!
Грешил, похоже, каждый дом,
Оргазма требовало тело,
То место, что под животом.

И каждый раб, который Божий,
Становится разврата раб!
Порочный круг порвать не может,
Понятно, что Господь не рад.

Всё знает, видит и не дремлет!
Какой тут жалости прилив?!
Тогда и проклял Бог те земли,
Господь суров, но справедлив!

- III -

Ещё жил в дальние те годы,
Об этом важно помнить нам,
Отец еврейского народа
Благочестивый Авраам.

Молился истинному Богу
Не только ночью, но и днём,
Он выбрал трудную дорогу,
Я расскажу тебе о нём.

Когда до Рождества Христова
Осталась пара тысяч лет,
Как протекала жизнь святого?
Находим в Библии ответ.

На стройке Вавилонской башни
Трудилось множество родов,
Которые, и это страшно,
Сменили веру и богов!

Клонились идолам точнее!
Святой лишь только Авраам,
Вот вам особенность евреев,
Не торопился в новый храм.

Спешить не надо! Есть примеры
Полезные тебе и мне!
Тогда для сохранения веры
Избрал его Бог на земле.

«Смени сады и огороды! —
Бог Аврааму повелел, —

Отцом великого народа
Ты станешь, это твой удел!

От рода вашего Спаситель
На землю грешную сойдёт!»
И он пошёл искать обитель,
С ним сирота-племянник Лот

Да верная подруга Сара.
А дети? Не было детей,
Хотя была она не старой,
Родить не удавалось ей.

Хеврон — вот выбор Авраама,
Сюда Господь казал перстом,
А Лот в долине Иордана
Прижился в городе Содом.

В Мамврийской царственной дубраве
Раскинул Авраам шатёр,
В мечтах о роде и о славе
Он к небу руки распростёр.

Был зной полуденный в то время,
И солнце — раскалённый шар,
Пригрело Аврааму темя,
Возможно, солнечный удар!

Открыл глаза, пред ним три мужа
В одеждах белых восстают,
Отметил, значит, я им нужен,
Те просят у него приют.

За трапезой они молчали,
А уходя, сказал один:
«Гони из дома все печали,
У Сарочки родится сын!»

- IV -

Сбылось чуть позже предсказанье,
Об этом знает белый свет,
Бог Аврааму обрезанье
Устроил, с ним вступив в завет.

Конечно, Сарочка сначала
К потере отнеслась легко,
Но позже по ночам ворчала:
«Зачем так резать глубоко?!»

Ждала ребёночка рабыня,
Наш Авраам вошел во вкус!
То в прошлом всё, однако ныне
Судить святого не берусь.

А нет ли здесь противоречий?
Ведь факт прелюбодеяствия есть!
Зачем с рабыней были встречи?
Где святость Авраама, честь?

Признаюсь, ты подметил ловко
В святом момент неловкий сей,
Вот пишут, это тренировка,
Чтоб Сарочку любить сильней.

Слабеет чувственность с годами,
А быт замыливает глаз,
Всё это может (между нами)
Коснуться каждого из нас.

А тут красивая молодка
Призывно юбками шуршит!
О Саре говорить неловко,
Но что-то нужно для души!

И как-то раз, зажав в амбаре,
Для храбрости приняв сто грамм,

И предложил любовь Агаре
Благочестивый Авраам.

За деньги, ясно! Что тут скажешь?
Что человек, конечно, слаб!
А как хозяину откажешь,
Когда ты беден или раб?!

В амбаре первый раз на свете
Он удовольствие вкусил!
Подул, как будто, свежий ветер,
Принёс тот много новых сил!

Потом уж потянуло к Саре!
А ты подумал, что косяк?!
Вот так, благодаря Агаре,
И появился Исаак!

Теперь ты уловил идею?
Осудит пусть его любой,
А он святой! Сынок, надеюсь,
Потом и нас поймут с тобой.

- V -

А как же поступила Сара?
Народ еврейский к блюду строг,
Она миндальничать не стала,
Рабыню сразу за порог!

Картина Рубенса «Изгнание...»
Рабыня покидает дом,
Неотвратимо наказание,
Хотя Агара с животом.

Зачем с ней Сара так сурова?
Чего боится Авраам?
И бранное слетает слово,
Которое известно нам...

Не заступился и Всевышний,
«Сама, мол, под него легла!» —
Во след ей прошептал чуть слышно.
Такие вот, сынок, дела!

А Авраам? Он верил знакам,
И вскоре родился сын,
Его назвали Исааком,
Какое счастье для мужчин!

Когда же Исаак немного
Подрос, Всевышний попросил:
«Показывай, как любишь Бога!
Мне сына в жертву принеси!»

Вот Рембрандт «Жертвоприношение...»
С ножом над сыном Авраам,
Но ангел послан, ощущение,
Не пытка это, а обман!

Но пишут, это испытанье,
Надеюсь, смысл ты уловил?
А за любовь и послушанье
Господь его благословил.

Понятно, Авраам был счастлив,
Что дальше? Это не секрет,
Он с Господом встречался часто,
И жил почти две сотни лет.

- VI -

Как жил? Евреи все богаты,
Напомню, Авраам — еврей,
Был полон серебром и златом
Весь дом от окон до дверей.

Давал он деньги под проценты,
В местах тех знатный ростовщик,

А здесь какие сантименты?
Он — предприимчивый мужик!

В то время понимали люди,
В богатстве честном нет стыда,
Коровы, овцы и верблюды
Сбивались в тучные стада.

Верблюды все с двумя горбами,
На каждом выжжена печать,
Украл кто — суд, при Аврааме
За кражу проще отвечать.

С людьми делился понемногу
И с Богом он по мере сил,
Расположение от Бога
Ещё и этим заслужил.

Вот человек благочестивый!
Он Богу приносил дары,
На первый взгляд, вполне счастливый,
Но всё, однако, до поры...

Ничто не предвещало драмы,
Не вечно счастье почему?
Однажды Бог при Аврааме
Открыл намеренья ему.

Людьми Содомы и Гоморры,
Их поведением огорчён,
За их грехи, добавил, скоро
Те города накажет Он!

Добавил: «Пусть же в нашем доме
Сияет правды торжество!»
Тут вспомнил Авраам, в Содоме
Жил Лот! Вот кровное родство!

Погибнет ведь, как прочий грешник,
Со всем своим семейством Лот!
Помочь племяннику, конечно,
Хотелось дяде, добрый тот.

Но о родстве кто прямо скажет?!
Тот, очевидно, не еврей!
Не ровен час, Господь накажет,
Решил просить он за людей.

- VII -

Знаком я не с одним евреем,
В моей родне есть даже кум,
Евреев мы ценить умеем
За острый и пытливый ум.

А каковы их анекдоты?!
Феерия, скажу я вам!
Порою их ругает кто-то,
Но я отвлёкся... Авраам

Предстал смиренно перед Богом,
В глазах усталость от забот
И неподдельная тревога
За добрый, праведный народ,

И набок склонена головка,
Касается слегка плеча,
Но думал Авраам, как ловко
И правильно ему начать.

Не скажешь о семействе Лота,
Что, мол, родня, мол, так и так!
Поди, сочтёт за идиота,
Ещё обидится, Чудак.

Ведь Бог считает, что народы
Один талант имеют, ум,

И превосходство от природы
Он не доверил никому.

Однако Авраам находчив,
Плюс опыт прожитых годов,
Он начал так: «Великий Отче,
Неужто погубить готов

Ты праведников вместе с теми,
Кто грешен?! Любопытно нам...»
И Бог подумал, вот так тема!
«А сколько праведников там?»

«Полсотни, скажем, эти люди
Умны, невинны! Что тогда?»
«Раз пятьдесят, губить не буду,
Стоят пусть дальше города».

«А если сорок?!» «Я не трону,
Пусть далее себе живут!»
«А если тридцать? — дядя стонет, -
А если двадцать? Им капут?

А если десять?» В этом месте
Всё понял, встал, ушёл Творец.
Зачем внимать слезливой песне,
Когда так явственен конец?

- VIII -

На торг похожи эти речи!
А что, как говорят, потом?
По воле Бога в тот же вечер
Пришли два ангела в Содом.

Сидел наш Лот у врат Содома,
Смотреть он на закат любил,
Он пригласил пройти до дома,
Где накормил их, напоил.

Сгущался вечер, дело к ночи,
И почивать пришла пора,
А отдохнуть и ангел хочет!
Вдруг шум донёлся со двора.

В окошко Лот, толпа гудела,
Он вышел пообщаться с ней,
И зло, и запах беспредела:
«Скорей, Лот, выдай нам гостей!»

Они все жаждали расправы,
На это не согласен Лот:
«Скажите, по какому праву
Их казни требует народ?!»

В ответ кричали злые люди:
«Отдай!» и дальше матерки,
Текст полный приводить не будем,
Простые были мужики.

Что делать?! Дать что лютой стае?!
Что сделал праведный еврей?
Взамен толпе Лот предлагает
Двух незамужних дочерей.

Глаза на лбу! Свои ведь дети!
Не начал, почему, с жены?
Парням в округе сёстры эти
И на х.. не были нужны!

Но Лоту нужен был наследник,
Его поймёт любой из нас,
Возможно, это шанс последний,
Мелькнула мысль в тот жуткий час.

Толпа за дверью бушевала,
Не сразу догадался Лот,

Не потому, что девок мало,
Товар предложен был не тот!

Те не желали Лота слушать,
Они взломать грозили дверь!
Вот, злые люди — злые души!
И было так всегда, поверь.

Однако Лот был непреклонен,
Герой-то явно не простой!
«Гостей моих никто не тронет!» —
Толпе кричал еврей седой.

- IX -

А злые люди у порога
Им выдать требуют гостей!
Кто защитит? Молили Бога,
Просили вразумить людей.

А ангелы? Историк давний
Вот пишет, ангелы потом
Закрыли на засовы ставни
И затащили Лота в дом.

Толпа беснуется: «Осада!»
У двери ругань, суета!
И тут с небес на это стадо
Внезапно пала слепота.

И люди с воплями бежали
От дома Лота кто куда,
Лишь тени их сопровождали
В тот путь... Такая вот беда!

А ангелы сказали Лоту:
«Оставь с семейством этот дом,
Задержится тут если кто-то,
То пожалеет он о том!

Прогневался на вас Всевышний,
Нас, ангелов, послал сюда.
Греховный люд! Он видел, слышал.
Должны исчезнуть города!

Поверь, мы знаем, очень скоро
Вот здесь прервётся жизни нить,
Всех из Содома и Гоморры
Жильцов Он должен истребить!»

Лот медлит, уходить не хочет,
А ангел шепчет: «Не забудь
Забрать жену свою, и дочек,
И женихов для них, и в путь!»

Лот женихам сказал об этом,
Но получил от них отказ,
Другие были на примете,
«Но если так, то кончен сказ!»

А ангел снова шепчет: «Слушай,
Иди на гору, на закат,
Спеши, спасай свою ты душу!
И знай, нельзя глядеть назад!

Крепись! Для женщин будь примером!»
Вот «Бегство Лота...», наш сюжет
В картинах Рубенса с Дюрером,
Всё это Ветхий дал Завет.

- X -

Омыв лицо скупой слезою,
Пошёл он, помня уговор,
Взошло лишь солнце над землёю,
Пришёл с семейством Лот в Сигор.

Устали, подтянулись к скверу,
На лавки сели, и тогда

Пролил Господь огонь и серу
Дождём на эти города.

Как свечи полыхнули зданья,
Исчезло всё с лица земли,
В огне погибли горожане,
Уйти от кары не смогли.

Наказывать греховных надо,
Но так ли?! Лично не готов...
Так создал Бог прообраз ада
На месте этих городов.

Об оправданье нет и речи,
Напомню, там царил разврат,
Мне грешников утешить нечем,
Дорожка их прямая в ад!

Наверное, не знает кто-то,
Что стало с лотовой женой?
Когда ушло семейство Лота,
Казалось, горе стороной

Святых и праведных обходит,
Сошла лишь только с неба смерть,
Жена, из любопытства вроде,
Назад решила посмотреть.

Запрет от ангелов нарушен!
Напрасно Лот наш бился лбом,
Она вручила Богу душу
И стала соляным столпом!

Вот, посмотри, собора фрески,
Вот так наказана жена,
То в Переславле, что Залесский,
Но правда ведь для нас важна?!

В мешке, сынок, не спрячешь шила!
Другие версии встречал,
Мол, Лотова жена грешила,
Мол, Бог за это осерчал.

Любовничек её в Содоме
Остался! Ей, понятно, жаль!
Мне эта песенка знакома,
Она и посмотрела вдаль.

Итог? Отделалась испугом,
В семействе сохранив лицо,
Однако разлучил Бог с другом,
С одним содомским подлецом!

Встречал иное. Послушанье,
Мол, не в чести у наших жён,
Отсюда вот и наказание,
Что Бог, мол, этим раздражён!

- XI -

Три версии! Из них любая
Имеет право жить в веках,
Скажу, вперёд чуть забегаю,
Мне ближе та, что о грехах.

Но, если мы отбросим шутки,
Благочестивый Авраам
Пошёл в места те через сутки,
И что же он увидел там?

Где ранее Содом с Гоморрой
Два града пахли и цвели,
Всё прахом сделалось так скоро,
Дымок лишь в небо от земли...

Финита? Можно ставить точку,
Семейство в целом спасено,

Пытались Лот, его две дочки
В Сигоре жить, не суждено.

Был страх, Содома по примеру
Бог покарает и Сигор,
Переселился Лот в пещеру,
Он дальновиден и хитёр!

«Держаться дальше от пороков,
Грехов и низменных людей!
В горах недалеко до Бога!» —
Учил своих он дочерей.

Желанье даже камень точит,
С инстинктами нельзя шутить!
Без женихов остались дочки,
И как прикажете им жить?!

А в каждой материнства жажда,
В пещере где мужчину взять?
Поверь, и ты поймёшь однажды,
Жених — не муж, да и не зять!

Как быть? Подумали сестрицы
И, подпоив слегка отца,
Совокупились с ним девицы,
Чтоб роду не было конца!

Но секс с отцом-то не забава!
Виной всему вина стакан!
Родила старшая Моава,
Он предок всех моявитян.

То, что неловко между нами,
Приемлемо для многих стран,
Явила младшая Бен-Амми,
Вот предок всех аммонитян.

Сказал знакомый мой генетик:
«Уродов столько и калек
От связей родственных! Мне эти
Картины не забыть вовек!»

Не толерантно пишут, грубо,
Что у евреев, например,
Отсюда прикус, нос и зубы,
И есть проблемы с буквой «эр».

Вожди кто революций многих?
Опять еврейский всё народ!
А Маркс?! А Ленин?! Если строго,
Он просто нравственный урод.

- XII -

Вернёмся к Лоту. Нет ответа,
Как допустил такое Бог?
В скрижалях Ветхого Завета
Он к Лоту ведь отнюдь не строг.

Запоматовал, может, кто-то?
Населена, напомню я,
Земля тех мест детьми от Лота.
Смотри, вот Книга Бытия!

Историки вот пишут наши,
Не Лот виновен, а Содом
И воспитание мамыши!
Что, мол, еврейство, ни при чём.

И соплеменники Адама
За дочерей стоят горой,
Мне жаль их, это рода драма,
Но Лот, конечно, не герой.

Заметил, правды маловато,
И многие безбожно врут,

Что, мол, еврейки страшноваты,
Их просто замуж не берут!

Возьмём латинос?! Те другие!
То темпераментный народ!
Видал? А задницы какие!
А вертят как?! И всё вперёд!

Иные намекают тонко,
Что не от каждой ведь жены
Благочестивые потомки,
Мол, здесь еврейки не нужны.

Кому же верить? Мне, конечно!
Я в жизни виды-то видал!
Сам грешен, видел женщин грешных,
Прошли иные без следа,

Но были, память сердце греет,
И факты раз тебе нужны,
Встречал молоденьких евреек,
Они и пылки, и нежны.

Стройны и трепетны, красивы,
И очень чувственны везде,
Вирсавия так просто диво
Вот, у Брюллова на холсте.

А волос, попка, глазки, ротик?!
В неё влюбился царь Давид!
Вот почему, сынок, я против
Тех, кто огульно говорит.

Балуется такой обманщик
С мужчинами среди перин,
О чувственных еврейках раньше
Писали Лермонтов, Куприн.

Ведь глупо классикам не верить,
Которых видывал Парнас?!
Минуточку, прикрою двери,
Услышать мама может нас.

- XIII -

Не знаю, ты, сынок, заметил,
А если нет, я помогу,
В их семьях не родятся дети,
На каждом, так сказать, шагу?!

Про Авраама говорили,
Вопрос-то не такой простой!
Иосиф не помог Марии,
Там сделал дело Дух Святой!

Ой-ой! Забыл я, то Спаситель,
С чьим именем детей растим!
И, если я тебя обидел,
Меня ты, Господи, прости!

А вот у русских, слава Богу,
С детьми проблем подобных нет!
Когда целуешь недотрогу,
Задумайся на сей предмет!

Не ангел верх берёт, а демон!
Чтоб больно не было потом...
Немного отошёл от темы,
Вернусь. Гоморра и Содом,

Цари, один другого круче,
Но были там и зло, и блуд!
А библия чему нас учит?
Накажет Бог греховный люд!

Ты говоришь, что все мы грешны?
А мера?! Вот о том и речь!

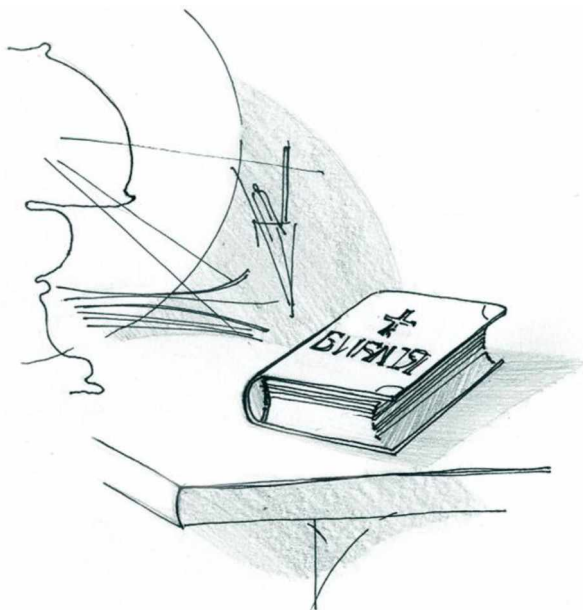
И важно, мы должны, конечно,
Любовь и нравственность беречь!

Молись и Бог грехи отпустит!
В грехах что главное? Размер!
И выше нос, не надо грусти!
С отца, сынок, бери пример!

Тебя минует то, что было
Четыре тыщи лет назад!
Глядишь, Господь и явит милость,
И попадёшь ты в райский сад!

Где яблони цветут и груши,
И хороводы у реки...
Пока, мой мальчик, папу слушай,
А честь и душу береги!

Июль 2014 года, Россия, г. Новосибирск

Женщины Петра Великого (поэма)

(Мотивы для очередного фильма
или театральной постановки о жизни Петра Первого)

«О, мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?»

А.С. Пушкин, «Медный всадник»

Введение

Сынок, тебе уже шестнадцать,
И ты, и сверстники твои
Так любят над судьбой смеяться
И бодро судят о любви.

Я не в обиде, ваше дело!
Не современны все отцы,
За борт швыряете их смело,
Но где примеры, образцы?

Кого вы выбрали в кумиры?
Посмотришь, на устах у всех
Воришки, ловкие проныры,
Богатство, слава и успех!

Увы, такое слышу часто,
Так мерзко, что хоть свет туши,
Поверь, сынок, не в этом счастье,
Не это важно для души!

Альбом листаешь о великих,
О людях, изменивших мир,
Здесь короли и Анжелики,
И Достоевский, и Шекспир.

А вот знакомые портреты,
И что тут пишут про Петра?
О дамах сердца? Нам об этом
С тобой поговорить пора.

Их было, если честно, много,
И в этом царь наш был велик,
Судить Петра не будем строго,
И тень бросать на светлый лик.

Так часто пишут, Пётр Великий!
Завоевания, дела,
На летопись тех лет взгляни-ка,
Его свершеньям нет числа!
Петра мне интересна личность,
Черты характера, душа.
Готов внимать, сынок? Отлично!
Садись и слушай не спеша.

Но главное, отмечу сразу,
Я не хочу раздуть пожар
В умах неопытных сограждан,
Боюсь, что хватит их удар.
Сынок, в течение рассказа,
Позволю я себе шутить,
Неловкие услышишь фразы,
За них прошу меня простить.

Однако, сын, к Петру вернёмся,
Готов ли правду ты принять?
Мы в жизнь царёву окунёмся.
Романов много, выбрал пять.
Обидятся другие дамы,
Что оказались «за бортом»?
Поэмы — это не романы,
Не нужно сожалеть о том.

Считается, прелюбодеи
У нас не совершают грех,
Зато убийцы и злодеи
Уже не вызывают смех.
Клеймим их дружно мы и строго!
И, слава Богу, сдвиги есть!
В ухабах выпала дорога.
Пройдём? Тогда хвала и честь!

Да, жизнь Петра, как то ни странно,
Не умещается в романы,
О нём писали много раз
И просто так, и под заказ.
И суммы нам теперь известны,
Заказы выполняли честно.
Но только, что ни говори,
Во все века вожди, цари
Ему клонились, как примеру,
И упивались им не в меру.
До боли случай вот простой,
О юности Петра Толстой,
Что назывался Алексеем,
Писал, «А мы ценить умеем! —
Сказал ему, — подобный труд!» —
Сам Сталин — лидер из иуд.

Я думаю, что здесь уместно
Дать и другой пример известный,
Оставил в памяти он след,
Хоть и минуло столько лет.

Заказ тот выполнил на славу
Сам Пушкин, написав «Полтаву»:
«И грянул бой, Полтавский бой!
Над падшим строем свежий строй.
Швед, русский — колет, рубит, режет,
Бой барабанный, клики, скрежет,

Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть, и ад со всех сторон...
Но близок, близок час победы!
Ура! Мы ломим, гнутся шведы.
О славный час! О славный вид!
Ещё напор — и враг бежит...
Пирует Пётр. И горд и ясен,
И славы полон взор его,
И царский пир его прекрасен
При кликах войска своего!»

Ну что тут скажешь, да, красиво!
К царю пришёл поэт счастливый,
Там тяжкий ждал его удар,
Ведь царь не выдал гонорар!

Известно, Николай, что Первый,
В поэму свой засунул нос,
Немалые потратил нервы
Наш Пушкин, но поправки внёс.

Но вот историки судачат,
Что в жизни было всё иначе,
Царь Пётр от страха задрожал
И с поля боя он сбежал.
И принял бы парад едва ли,
Но «победителя» догнали,
В Полтаве принял царь парад
И был победе славной рад.

Конечно, для тебя не новость,
Чуждачества царя, суровость,
Указы странные, слова,
Болит от коих голова.

Пример из книг, его все знают,
Боярам бороды рубил!

Зачем? Одни не понимают,
А для других наш царь debil.
Слабо ответить на вопросы?
А пострадавшим нет числа!
Но ларчик открывался просто,
Своя бородка не росла!

«Пример ещё?» Я слышу, кто-то
Рассказывает анекдоты,
И с пеной спорят до утра,
Что назван город в честь Петра,
Зовётся Северной столицей!
Увы, приходится дивиться.
Я задаю вопрос простой,
А разве жил он как святой?
Отнюдь! А всё довольно просто,
Тот Пётр — первейший наш апостол,
Христа который ученик!
А так ли царь наш Пётр велик?

Вопрос, сынок, простой и сложный,
Ты не поймёшь меня, возможно,
Но вот мой субъективный взгляд
На триста лет тому назад.

Известно, жили как холопы,
И что привёз он из Европы
Одежду, мебель и табак,
(Копировал их жизнь чуждак)
Науки, точные приборы,
И праздник Новый Год, который
С тех пор в начале января
По повелению царя.
Дел много, от тебя не скрою,
Он отошёл от домостроя.

Да, царь наш строил корабли,
Но что он думал о любви?
Была, хотим узнать мы с вами,
Любовь к жене, царице маме?
Познали детские сердца
Любовь Великого отца?

С позиций наших дней не правы,
Кто судит двор тех лет и нравы,
В наш непростой жестокий век
Нам важен Пётр, как человек!
Как уважал наш царь законы?
Как фаворитки жили, жёны?
Ведь этот год, друзья мои,
Не забывают, год семьи!

Вот Питер, слёзы от картины,
То от Второй Екатерины
Подарок, всадник на коне,
Кто скульптор? Некто Фальконе.
Рука вперёд, туда же очи,
Летит куда-то днём и ночью
Великий Пётр, под ним гранит...
Для нас тот всадник, как магнит!
Слова великого поэта
В душе про памятник про этот*:
«Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нём сокрыта!
А в сём коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?»

* Пушкин А.С. «Медный всадник».

Евдокия Лопухина

Жила в те времена лихие
Красавица, что Евдокия,
Из рода знатного она.
Фамилия? Лопухина!
Твердят, мол, не родись красивой!
И далее звучат слова,
Родиться надобно счастливой!
Насколько мудрость та права?
Поверь, такие поговорки
Живут, увы, до первой порки!
Историки тех давних дней,
Учтём, что есть среди них и враки,
Писали дурненько о ней,
Но муж её сестры, Куракин,
Который Евдокию знал,
О ней правдиво написал:
«Была она лицом изрядна,
Умом же среднего, а нрав
Был кротким, громко среди забав
Смеялась, и всегда нарядна!»
Ну, как портрет? А вот по мне,
Такие девушки в цене!

И вот Наталья, что царица,
Что мама юного Петра,
Решила, Петеньке жениться
Пришла счастливая пора.
Вот так, сын, начиналась драма...
Без лишних споров с женихом,
К чему тянуть, родная мама
Свела их как-то вечером.

Помилуйте, воскликнет кто-то,
Петру всего шестнадцать лет!
А об Отечестве забота?!
Вот цель, которой выше нет!

Невеста старше на три года!
Неудовольствие у дам,
Однако царь в глазах народа
Смотрелся-то не по годам!
Три года это вам не тридцать,
Как принято у нас сейчас,
Решенье приняла царица,
Какой тут может быть отказ?!

О, век семнадцатый, о, нравы!
Но вам я суть спешу открыть,
Женившись, получал царь право
Себя избавить от сестры!

Скромна красавица невеста,
Ей узковат уже корсет,
Волнуясь, не находит места,
За ней следит придворный свет.
Она пришлась Петру по нраву,
Хоть и стояла чуть дыша,
И царь воскликнул: «Боже правый,
Согласен! Как же хороша!»
Вот так наш царь в глазах народа
Нашёл лекарство от тоски,
А до того четыре года
Играл в потешные полки.

Союз отметили на славу,
Всяк получил, чего хотел,
Нашли для юноши забаву
И отодвинули от дел.

Кто против, увели в темницу,
Голицын сослан был в Сибирь,
Схватили Софушку-сестрицу
И заточили в монастырь.
Взяла в свои же руки скоро
Бразды правленья мать Петра,

На службе туча мародёров,
И нет казённого добра!
Несли размеренно и чинно,
Участвовал весь царский двор!
Петра же до её кончины
Не выпускали на простор.

Шло время, в спальне Евдокию
Царь постоянно навещал,
«А доказательства какие
К таким относятся вещам?»
Куракин пишет, что, однако,
В течение трёх первых лет
В угоду небесам от брака
Три сына увидали свет.
Наука слабовата наша
По части маленьких детей,
Почили Саша, после Паша,
А выжил только Алексей.

Поищем этому причины,
Не зря есть возрастной предел,
Понятно, люди — не машины,
Но Пётр в то время не созрел.

А как ты думал?! Не иначе
До истечения двух лет
Для размножения собачек
От клуба разрешенья нет.
Когда тебе всего шестнадцать,
Напрасно можно не стараться!
Поднимем и веков покров,
Был царь наш не вполне здоров!
Вот, летопись даёт отгадки,
Петра ведь мучили припадки!
И ладно бы они одни!
Известно стало в наши дни,

Что он был болен гонореей,
Мол, умер потому скорее,
Иначе царь бы долго жил
И много бы чего свершил.

Вот, тронул я здоровье скользом,
Об этом мало говорят!
В сокрытье тайны мало пользы,
А здесь здоровье-то царя!
Но такова система власти,
Сокрыта тайна за стеной,
Вам правду скажут лишь отчасти,
Когда уйдёт царь в мир иной.
Толкуют медицины тайну
На благо нам, народ любя!
Потом мы узнаём случайно,
Вожди ходили под себя...
Слабы, беспомощны, как дети,
Простой не могут дать ответ,
Но государству и планете
Они несут немало бед!

Прошу прощенья, без причины
Я покачал немного трон,
Но в памяти свежи картины
Московских пышных похорон.
Мелькают восковые лица
И исчезают в страшном сне...
Однако я вернусь к царице,
Посмотрим, сын, что стало с ней?

Свекровь невестку невзлюбила,
А заодно невинный плод,
Наталья, пищут, погубила
Лопухиных несчастных род.
Царица в слёзы: «Мол, не любишь?!» —
Куракин пишет, что Борис;

Ей Пётр: «Насильно мил не будешь!»
Короче, не сложилась жизнь.

Царь молод, требует молодку,
С утра пораньше, наш бизон
Бежит в немецкую слободку
К красотке местной Анне Монс.
Нам не найти её портрета,
Но с наших дней, их высоты,
Поверим, что девица эта
Была редчайшей красоты.
А свёл их Меньшиков, занятно,
В последствии светлейший князь!
Но при Петре Втором обратно
Светлейшего вернули в грязь.

Такие странные вот люди
Цвели при царствии Петра!
Мы ж о царице думать будем,
«Как ей жилось среди двора?»
Душа любви, вниманья просит,
Вот образец для наших дам!
Но царь её, по сути, бросил,
Архангельск, Лондон, Амстердам...

Когда свекровь, невзгод причина,
Ушла, как пишут, в мир иной,
Забыл царицу царь и сына,
Ходил другой он стороной.
Письмо из Лондона шлёт дяде,
Видна души царёвой ширь:
«Царице, мол, России ради
Постричься нужно! В монастырь!»
Короче, требовал развода!
Обычай на Руси такой,
Петру нужна была свобода,
Тут не стоял он за ценой!

Но Евдокия отказалась,
Мол, никуда я не пойду!
А в объяснении сказала,
Что сын имеет в ней нужду!
Отца царевич мало видел,
Тот был от них всегда вдали,
И материнские обиды
Невольно к сыну отошли.
Семь лет ему, не так и много,
Есть страх и бледность есть лица,
Здоров царевич? Если строго,
Он взял припадки от отца.
Из-за границы царь вернулся,
Однако не пошёл домой,
Сначала в блуд он окунулся,
Да на неделю! Боже мой!
К казённому прибегнул дому,
Надеялся, что в этот раз
С женой всё будет по-другому,
Но снова получил отказ!

«Царица где искала силы?»
Сын, наша вера не Коран!
Та Патриарха попросила,
И заступился Андриан.
А царь всё больше негодует!
И вот недели через три
Конвой! Царицу молодую
Сvezли в час утренней зари.
Известно, Пётр наш жаждал казни,
Так поступал английский двор!
«Не нужно подданных Вам дразнить!» —
Советник убедил, Лефорт.

Покровский монастырь, чьи стены
Застили ей надолго свет,
Постригли с именем Елены,
Искала правды, правды нет!

Архимандрит лишь молвил фразу,
 «Мол, стричь не буду!» Вот и зря!
И тут же взят он был под стражу!
 «За что?» Ослушался царя!
И обвинения в манифесте:
 «Противности в царице есть
И подозренья!» Если честно,
 За это слава ей и честь!

Царь тут же двух сестёр обидел,
 Чтоб не болтали при дворе,
Направил в ту же их обитель,
 Мол, за сочувствие к сестре!
«А содержание царицы?»
 Нет ничего для оных лиц,
Вот, в документах говорится,
 Царь много тратил на девиц.
«А относились как к царице?»
 Жалели, кланялись все ей.
С женой царь должен примириться,
 Взывал епископ Досифей.

В монашках провела полгода,
 В миранки перешла она,
Ей, не позволившей развода,
 Сочувствовала вся страна!
О, сердобольная Россия!
 За то горжусь своей страной!
Родилась девочка красивой,
 Но только счастье стороной...

Лет через десять знак от неба,
 (Ни слова от меня в укор)
Ей капитан был послан, Глебов,
 Что делал в армию набор.
И вот они сошлись однажды,
 Как мало надобно двоим!

Всё остальное ведь не важно,
Когда ты любишь и любим!
А Пётр пошёл своей дорогой,
Полны портреты светлых дум,
Царицу, сына он не трогал,
Но в восемнадцатом году
Царевича открыли дело,
Есть заговор! Ликует двор!
Тогда жену и сына смело
Снесли к противникам реформ.
Арестовали всех, и сразу
В Преображенскую тюрьму!
И смерть по Царскому Указу
Алёше, сыну своему!

Какие вызвал ощущения?
Скорее оторопь, чем грусть.
Во благо Родины лишения,
И здесь не до отцовских чувств!

И хоть не подавал он вида,
Но рядом есть, кто подпоёт,
Мужская завелась обида
На Глебова и на неё.
Влюблённые на ставке очной
Сознались, мол, вот так свезло,
Увы, теперь мы знаем точно,
Большая власть — большое зло!
Готов суд скорый и неправый,
Намёк «бесчестных укоризн»!
Да на Петра! И вот расправа,
«Отнять повелеваю жизнь!»

Пытали Глебова Степана
Железом, углями, кнутом!
«А тело?» То сплошная рана,
На кол посажен был потом.

Лицо улыбка озарила,
Он умер, слова ни сказав,
Петра же казнь лишь разозлила:
«Не дайте ей закрыть глаза!
Чтоб не повадно было дразнить!» -
Царь пригрозил своим перстом.
Пришли на Русь аресты, казни,
Кого-то выдрали кнутом.
Тогда монахини, монахи
Из Суздальских монастырей
Сложили головы на плахе
За то, что сострадали ей,
Игуменьи, митрополит Игнатий -
На Красной площади в Москве
В присутствии придворной знати
Катились главы по траве.

Ну, как, сын, царские решения?!
И церковь не жалела сил,
Собор Церковный к избиенью
Лопухину приговорил.
И вот в присутствии Собора,
Где Патриарх покрыт крестом,
Царицу нашу, словно вора,
Раздели, выдрали кнутом!
Взирала радостная свора,
Смеялась, мол, по мере сил
Наш царь за глубину позора
И за измену отомстил.

«Взглянуть бы мне на ту картину!»
Ты что, ведь это мазохизм!
Тебе, — шепчу на ушко сыну, —
Пока полезней онанизм!

Но мало всё! Казнили брата!
Подальше с глаз, на край земли

Царицу крепкие ребята
В Успенский монастырь свезли.
Покрыта кровью и позором,
В молитвах, в поисках добра,
Под строгим прожила надзором
До смерти Первого Петра.

Ты говоришь, сие жестоко?
Что делать, злые времена!
Заполучила от Востока
Такое варварство страна.
Нам может показаться странным,
Смерть мужа, как в темнице свет!
Однако время лечит раны,
На сердце оставляя след.

А Первая Екатерина
Наслушалась придворных дур
И Меньшикова, вот причина
Отправки жертвы в Шлиссельбург.
Но всё кончается на свете,
На небе взвесили дела,
А Бог, мы знаем, шельму метит,
Екатерина умерла.

О бабушке тут вспомнил кто-то,
И внуку на ухо шепнул,
И Пётр Второй её с почётом
В Москву в палаты возвернул.
Совет Верховный по Указу,
Признаем, правда всё же есть,
Восстановил почти что сразу
Достоинство царицы, честь!
Прошло всего четыре года,
Не стало первого лица,
Как говорили средь народа,
Болезни деда и отца!

Из мальчиков он был последним,
На царство претендентов нет!
Законный нужен был наследник,
Ей Тайный предложил Совет!
Та отказалась от престола,
Сказала: «Не велит мне Бог!»
Её решения простого
Тогда понять никто не смог.

При Анне, при императрице,
Случилось это через год,
Ушла народная царица,
Что делать, зная, пришёл черёд!
Последние слова отчасти
Под жизнью подвели итог:
«Познать позволил правду власти
И счастье женское мне Бог!»

Как смело сказано о власти!
Шутили баловни двора,
Её слова о женском счастье,
Конечно же, не про Петра!

На Новодевичьем царица
Последний обрекла покой,
Находится её гробница
Там рядом с Софьей и сестрой...

Анна Монс

Века те плесенью покрыты,
За книжками сидим вдвоём,
О фаворитках, фаворитах
Из них сегодня узнаём.
Я убедить пытаюсь сына:
«Коварный двор, жестокий век!»

Хоть кровь от сцен по жилам стынет:

«Но царь ведь тоже человек!»

Пытаюсь обелить героя,

Мол, поступал как прочий люд,

Хоть сам же путаюсь порою,

Где увлечение, где блуд?

Но походя судить не будем,

Легко навесить ярлыки,

Историки царям не судьи,

Как шутят злые языки.

И жизнь по-своему толкуют,

Петра деяния, бои,

Ну где бы книгу взять такую,

Сомненья чтоб прогнать твои?!

В моих ли это, мальчик, силах

Поднять истории пласты?

Я лишь о царских дамах милых,

И если что не так, прости.

Пишу подробно я про это,

И возвращаюсь вновь и вновь

К той теме, вечной для поэта,

А есть ли на земле любовь?!

Сейчас пишу с сердечной болью

Я об истории страны,

Ведь пред всеильною любовью

Цари, шуты ли, все равны.

Поверь, желает, как ни странно,

Любовь найти любой из нас!

О фаворитке Монс, об Анне

Я поведу сейчас рассказ.

Она, Кукуйская царица,

Ровесница Петра царя,

Как в документах говорится,

Была красива, как заря,

Как роза, небо голубое!
Все умилялись, царь и раб,
И на сокровище такое
Повёлся Пётр, был слаб на баб.
Считают маленьким недугом
Такую слабость, смех и грех!
До Анны царь с её подругой
«Дружил», с Еленой Фадермех.
А Аннушка была с Лефортом,
Который при дворе служил,
И тот, свою зажав аорту,
Петру подружку подложил.

Понятно нам, что в эти годы
Уже был Пётр давно женат,
Пойми, что гнут ветра свободы
Всех слабых! «Кто в том виноват?»
Сказались детские обиды,
Ведь рос парнишка без отца!
В те годы Пётр Великий видел
Не дальше своего конца.
О, страсти юности лихие!
Сослал в Покровский монастырь
Наш царь царицу Евдокию,
И хорошо, что не в Сибирь!

«А что же фаворитка Анна?
Какой оставила та след?»
Я на основе точных данных
Пишу тебе её портрет.
Она родилась под Москвою,
В большой семье немецкой, где
Сдружилась девочка с тоскою,
Тоска в немецкой слободе!
Папаша был богат не слишком,
Но содержал хороший дом,
Он занимался золотишком
И приторговывал вином.

Известно, немчура практична,
Заметив, что выиграла кровь,
Анюта молвила тактично:
«А где подарки за любовь?»
Царь к Анне крепко был привязан,
Сегодня нет сомнений в том,
Дарил ей из казны алмазы,
Из камня двухэтажный дом!
«Так мало!» — слышит милый голос,
За Анной закрепляет он
Дудинскую с дворами волость
И ежегодный пансион.

В России знают, немцы хватки,
Златая речка потекла,
И Анна с мамочкой за взятки
Чужие двигала дела
Во всём! А вид такой безгрешный!
Такие честные глаза!
Представь, в делах торговли внешней
Никто не мог ей отказать!
Собрался Пётр на ней жениться
И Анну усадить на трон,
Но вызвал нелюбовь в столице,
Чем был немало царь взбешён.

К Петру читаю письма Анны,
В которых слышен звон монет,
И нахожу, что, как ни странно,
Ни слова о любви в них нет!
Царь не доволен обращеньем,
Мол, почему так холодна?
И замечал, что отвращенье
К нему не может скрыть она.
А вот, смотри, описан случай,
То Меньшиков царю донёс,
Сказала Анна: «Царь вонючий!»
И сморщила с презреньем нос.

Тогда чуть Пётр остепенился,
Хоть и любил он горячо,
Иначе точно бы женился
Наш царь — великий дурачок.
Он вспомнил про другие страны,
Уехал страшно далеко,
«Уехал? Что же стало с Анной?»
Она утешилась легко.

Саксонский жил у нас посланник,
Утоп в Неве по пьянке он,
В его вещах нашли от Анны
С десяток писем, медальон,
И в письмах «Liebe» через слово!
И царь наш в гневе задрожал,
Любила-то она другого,
Когда он в Лондон уезжал!
И сразу стало сердцу больно,
Надеждам на любовь конец!
Но верный друг сказал: «Довольно!
Найдём другую!» Молодец!

Ему положена награда!
А ей? Доверимся молве:
«Ведь чтоб любить царя, то надо
Царя иметь Вам в голове!»
Однако отошёл не сразу,
Двор видит, царь не пьёт, не ест,
И взяли Аннушку под стражу,
Домашний, так сказать, арест.
Царь злился на неё два года,
За что же, право, не пойму!
Ну ладно бы, любовь до гроба,
А так — не повезло ему!

Любовь, сын, не всегда взаимна,
Надеюсь, понимаешь ты,
Когда поют друг другу гимны,
Кругом шампанское, цветы!

Ведь если разобраться строго,
Твердят учёные мужи,
Любовь даруется нам Богом,
И только тем, кто заслужил!

У них, короче, не сложилось,
О том ты голову не парь,
Не проявил Всевышний милость,
Петру обидно, он ведь царь!
Вот так людьми судьба и вертит!
Холоп ли, царь, ей всё равно!
Пётр через год другую встретит,
Но это новое кино...

А мы не будем торопиться!
Зачем же забегать вперёд?
Вернёмся к брошенной девице,
Посмотрим, как она живёт?

Понятно, Анна Монс не Дуня!
Не сладко ей жилось в плену!
Её судили, мол, колдунья!
И дом, и волю — всё в казну!
Мурыжили почти три года,
Но ценности вернули ей,
Была дарована свобода,
Домишко, тысяча рублей.
Последним же, кого любила,
Был пленный шведский капитан,
Петра же Первого забыла,
А далее сплошной туман.
Не просто след найти красоты,
Сам понимаешь, почему,
Скончалась Анна от чахотки,
Ну что ж, мир праху твоему!
Но память возвращает снова
К красивым голубым глазам...

Позволь, сынок, всего два слова
О женской о любви сказать?

Красавиц в жизни видел много,
На то мне даден глаз-алмаз!
Сводила, так сказать, дорога
Меня с красотками не раз.
Чего-то в них найти хотелось,
Что это? Детская мечта?!
Но находил я только тело
И вновь вздыхал, увы, не та!

А всё стремление к экстазу!
Хотел забыться, их любя,
Красотки, понял я не сразу,
Сын, любят только лишь себя!
Я сам люблю! Но это слишком!
Вот, вроде с виду хороша!
Ну а присмотришься, пустышка!
И долго ищешь, где душа?

Вот так в немецкую слободку
Наш царь спешил во цвете лет,
Приметив редкую красотку,
Летел как бабочка на свет.
И только к ней! Прямой дорогой!
Огонь в штанах, пожар в груди!
Потом озлобился немного...
Петра за это не суди.
И Анну нам судить не надо,
«О, не судите!» — учит жизнь.
Ну не сошлись немного взгляды,
Как говорится, разошлись.

История любви занята,
О ней немного погрустим...
Всё с Анной, думаю, понятно,
Но так ли всё понятно с ним?!

Екатерина Первая

А вот прекрасная картина!
«Художник кто?» Натье, француз,
То Первая Екатерина,
В ней всё являет тонкий вкус!
«Жена кого?» Петра, конечно!
Она сменила Анну Монс,
Не горевать о ней же вечно,
И полюбил другую он.

«Любить лишь можно раз на свете!»
И в этом ты, мой мальчик, прав,
Читая книги, верят дети,
В себя ту истину вобрав.
Но жизнь, сынок, сложнее сказок,
Неявны в ней добро и зло!
Любить пытался Пётр два раза,
Ему, однако, не сvezло!

Но прежде чем героев встреча
Случилась, можно без прикрас
Я поведу в сей чудный вечер
О детстве, юности рассказ
Всея Руси Императрицы!
И ты поймёшь, есть чудеса!
«Откуда эта царь-девица?»
Ну что ж, замри на полчаса!

Писал о ней романы кто-то,
В них смесь намёков, шуток, лжи,
Не опускаюсь до анекдотов,
Я призван правде лишь служить!

Она родилась по соседству,
Вот первый, так сказать, изъян,
В Ливонии, в то время шведской,
Царица наша из крестьян.

Когда те любовались крошкой,
От счастья слёзы потекли,
Они растрогались немножко,
Скавронской Мартой нарекли.

Но высшие вмешались силы,
Тот год был явно не простой,
Чума родителей скосила,
Осталась Марта сиротой.
А рядом кто? Печаль, разлука,
Казалось, в жизни света нет!
У пастора Эрнеста Глюка
Она жила шестнадцать лет.

«Пора подумать и о муже! —
Сказал ей Глюк, — Дружок, не плачь!
Посватался к нам Йоган Крузе,
Сосед наш, швед, драгун-трубач!»
Сыграли свадьбу, Марта рада,
Ведь счастье привалило ей,
Но на войну солдату надо,
Ушёл он через пару дней.
Мариенбург, припомни даты
В Великой Северной войне,
Штурм, взяли русские солдаты,
Досталось молодой жене.
«На откуп град!» — полки кричали,
И с ней сурово, без затей,
Солдат и капитан вначале
Сумели оценить трофей.
Град разорили, что ж, не жалко,
Военный требовал устав!
Глюк заступился, тут служанку
Заметил Шереметьев, граф.
Сие, конечно, не случайно,
Иным красавицам, друзья,
Вручает Бог с рожденья тайну,
И не заметить их нельзя!

Давай поговорим об этом,
Обсудим случай, не спеша,
Ведь Марта, судя по портретам,
Была безбожно хороша!

Граф с Глюком выпили за дружбу,
Вином вину загладил он,
На Государеву на службу
Был пастор тут же приглашён.
И Шереметьев против правил,
Конечно же, не по злобе,
В столицу пастора отправил,
Оставив Марту при себе.
Что делал с девушкою милой?
В вопросе этом граф не прав,
Красавицу, как пишут, силой
Любовницей заделал граф!

Сначала было сердцу больно,
Мечталось разве ей о том?
Но смотрит, вроде все довольны,
И ходят, вроде, под Христом.
В постели граф, как наказание!
«За что, мой Бог?!» Даю ответ:
Ведь Марте пастор послушанье
Привил, мы знаем, с юных лет.
Она не подавала вида,
Закрыла сверху в танке люк,
«Стерпи всё, такова планида! —
Говаривал ей пастор Глюк, —
Встречай молитвою зарницы,
С надеждою гляди вперёд!»
Считаю, в нынешних девицах
Покорности не достаёт!

Смиряться пред судьбою надо!
И, может быть, тогда придут

Любовь и нежность, как награда
Вам за терпение и труд!
«С кого пример?!» Да вот, с царицы!
Да, да, примера нет верней!
Вы верьте, и тогда случится
Всё тоже, что случилось с ней!
Лишь послушанье, и терпенье,
И вера всем чертям назло,
И хорошо бы, чтоб везенье
В постельку вашу заползло.

Фу, чёрт, опять пишу о счастье!
Пора нам тему поменять!
Заметил, сын, что тянет часто
На философию меня?!

Вернёмся к девушке милейшей,
Вот жизнь, забота и уход!
Но Меньшиков, наш князь светлейший,
Приехал в крепость через год.
А этот действовал без страха,
По поручению царя!
Увидел Марту он у графа
И взял, как нынче говорят!
Такая вот картина маслом!
«Что лучше?» Темпера, пастель!
Такое происходит часто,
Сменила девушка постель.

Но Марту, даже ненароком,
Не упрекну я, как и Вы,
Обидеть можно и намёком,
Но мужики-то каковы?!
Ну, прямо скотская порода!
«А с Меньшиковым как интим?»
Сынок, он тоже из народа,
Легко и просто было с ним!

Не то, что пожилой фельдмаршал,
 Был Меньшиков хорош собой!
«Во везануло! Что же дальше?»
 Казалось ей, пришла любовь!
Так славно в Питере им было,
 Она в богатстве и шелках!
Красавца-князя полюбила,
 Который раньше на лотках
С зайчатиною пирожками
 В Москве, как пишут, торговал,
Дружил со многими грехами,
 Известно, много воровал.
Ну а потом из грязи в князи
 Попал герой, с Петром резвясь,
Тебе замечу, в этой фразе
 Важнее будет слово грязь!

И в Марте князь души не чаял,
 Так славно было им вдвоём!
Но через год она случайно
 Предстала как-то пред царём.
В ту пору царь расстался с Анной,
 Пойми, он молод, полон сил,
Чтоб зализать былые раны,
 Он Марту в спальню пригласил.
Мол, посветить ему в тот вечер,
 Понятно, это был предлог!
Не мог же Меньшиков перечить,
 Был для него наш царь, что Бог!

Вот так ценить бы надо дружбу!
 Ведь друга помыслы чисты!
Герр Питер за такую службу
 Ему и земли, и кресты!
Обласканных не судят строго,
 Но бойся, сын, таких людей!
Ведь из казны, как пишут, много
 Нахапал этот прохиндей!

И спорить нам о том не нужно!
Считали люди в те года,
Всё для царя! Чтоб жил не скучно!
А остальное — ерунда!
Не в пользу бедных разговоры!
Да, царь наш редкостный нахал,
«Аналог где?» В законе воры!
В тюрьме так действует пахан.

Людей таких мы знаем с вами,
Считается, умеют жить!
Однако же вернёмся к даме,
Ей выпало Петру служить!
Да, да, любовница-служанка!
Давай, народ, суди-ряди!
Сначала Марту было жалко,
Но сказка, сын мой, впереди!
Ей не хватало грамотёшки,
Свидетельства есть той поры,
Чтоб Марту подучить немножко,
Вселили в дом его сестры.
Пример любви без предрассудков,
А для кого-то проститутка!
«А царь?» Условности долой,
Любовницу привёл домой,
«Она пока ведь не царица!»
Вот так, сын, можно поджениться!
Заткнули недовольным рот,
«А что народ?» Стерпел народ...

Прошёл лишь год, родила сына,
И нарекли его Петром!
Такая славная картина!
Второго родила потом!
Не выжили ни Пётр, ни Павел,
Не сберегли они даров,
Мы Марту упрекнуть не вправе,
То царь был не вполне здоров.

Не только вёл себя он странно,
Одиннадцать детей у них!
Елизавета лишь да Анна
Остались-то всего в живых!

«А с верой что?» О, это просто,
Перекреститься нужно ей!
«И кто отцом её стал крёстным?»
Как кто, царевич Алексей!
И вот она — Екатерина!
Страданий на картине ноль!
Но если взять Петрова сына,
То стал он крёстным через боль.

Ещё свежи на сердце раны,
За мать свою стоял горой!
Екатерину девкой драной
Он в гневе называл порой.
Напрасно головой киваешь,
Я вижу, с ним согласен ты,
То были, позже осознаешь,
Не ягодки, а лишь цветы.

«А что она?» Жилось не сладко,
Вот на картине вновь грустна,
Но гнев Петра, его припадки
Гасила лишь она одна.
Умела лаской и терпеньем
Снять корчи, головную боль,
Опять же, пред судьбой смирение!
А как ты думаешь? Любовь?!

Пойми, не каждая дорога
Ведёт, сынок, в любовный храм!
Прости, я отвлекусь немного,
Приму для храбрости сто грамм...
Как хорошо пошла, зараза,
И сразу глубже дышит грудь!

Тебе косить не нужно глазом,
Пока о водочке забудь!

О дамах. Знаю, очень многим
Важны влияние, деньги, власть,
Тогда они мужчине в ноги
Готовы яблоком упасть!
А кто пред ней, увы, не важно,
Чудак припадочный, debil,
Она бросается отважно,
Ей важно, чтоб её любил!
Что дети полные уроды,
Не важно, важен царский род!
Страдают то от них народы!
А я, понятно, за народ!

Да, таковы не все, конечно,
Иных из пары тысяч сто,
Вот те любить готовы вечно,
И не ответят ведь за что?
И поступают так, как учат,
Те сердцу верят, не уму!
Поверь, у нас иной тут случай,
И сам поймёшь ты, почему.
Поведаю я непременно
Ту тайну, только погоди!
Про Катериныны измены!
Да, да! Всё это впереди!

Когда она к царю без мыла
Проникла в сердце, в этот год
Под ручку со своею милой
Он в Прутский двинулся поход.
Там вскоре турки и татары
Зажали русских у реки,
Маячит плен для нашей пары!
Что это? Плата за грехи?!

У наших паника в обозе!
Историки тех лет не лгут,
На полном, так сказать, серьёзе
Хотели сдаться мы врагу
Екатерина, что не ново,
(Вот и пойми, где царь, где шут?)
Сказала твёрдое всем слово,
Мол, я сама всё разрешу!

К визирю в лагерь их сходила,
И пообщалась без стыда,
На самом деле, что там было
Мы не узнаем никогда.
Вот ты спросил: «Кому же верить?»
Конечно, можно взять на ум
Серёжки, кольца и потери
Значительных казённых сумм,
Что заключили мир позорный,
Но царь, солдаты спасены!
Петру же было не зазорно,
Что всё спасенье от жены.
К царице в письмах не случайно
Встречаем нежности царя,
Привязан был необычайно
Он к ней, вещдоки говорят.

Домой вернулись, их венчали,
Бесславный завершён поход,
Тут не отделаться речами,
Героя требовал народ!
И знак Святой Екатерины,
Который до сих пор в цене,
Царь лично благородно, чинно
Вручил за подвиг тот жене!
А после в честь её назвали
Екатерининский дворец,
И крупный город на Урале,
Ну что тут скажешь, молодец?!

Вот так! А ты подумал шутки?
«И всё для этой проститутки?»
 Сынок, то явный перебор,
 Церковный их венчал собор!
Согласно царскому закону
Сам Пётр держал над ней корону!
 «Жестоко поимел он Русь!»
 Отсюда боль у нас и грусть...

Шли годы, к торжеству Полтавы
 В Москве устроен был парад,
Народ наш валит на забавы,
 Пленённых шведов видеть рад.
Средь шведов шёл и Йоган Крузе,
 Который Марте мужем был,
Теперь он никому не нужен,
 Жена забыла, как любил,
И как она его любила,
 Понятно, рядом мужа нет,
О том, что было, позабыла,
 Но только не забыл наш швед!

Утрата, словно соль на ране,
 Такая боль всегда в цене!
Он пленным шведам и охране
 Поведал о своей жене.
Похабно так охрана ржала,
 Напрасно, честно говоря,
Его жена теперь рожала
 Детей для русского царя!
Петру, понятно, доложили,
 Смириться с этим он не смог,
Загрохотал тот швед служивый
 В Сибирь, в далёкий уголок!

Велел отречься от престола
 Царь Лёше, сыну своему,

Такого вот он был посола!
«А кто советовал ему?»
Царица! Пишут, так и было!
«А кто наследник?» Общий сын!
Пётр Алексея свёл в могилу,
Да, за ценой мы не стоим!

Летели месяцы, недели,
И вот уже на склоне лет
Их отношения охладели.
«Причина?» Это не секрет.
Вот здесь и встретим мы измену,
«А кто счастливый кавалер?»
Так вышло, что царю на смену
Пришёл царицы камергер.
В соку царица, всё понятно!
А Пётр? Уже не может он!
Замяли всё бы, неприятно,
Любовник-то был братом Монс!

«Главу рубите! — царь наш молвил
(Жестокость у вождей в цене), —
А голову в стеклянной колбе
Поставьте в спальенку к жене!»
«За что же мужика казнили,
Во цвете сил, во цвете лет?!»
Ей не прийти к его могиле,
Могилы той в помине нет.
«Всё это зависть, не иначе!»
Да, сын, верны слова твои,
Сегодня пишут, неудачлив
Великий был в делах любви.

Решил Пётр, выведу заразу!
С ней перестал общаться он,
Царице по его Указу
К нему был доступ запрещён!

Теперь и радости, и беды
Хранил в себе, ни слова ей,
Один лишь раз с ней пообедал
По просьбе дочери своей.

Мечтал он умереть скорее,
И умер от потери сил,
Но пишут, что от гонореи,
Которую не долечил.
Пред смертью вышло примиренье,
Они раскаялись в грехах,
Читаю вот стихотворенье,
«Скончался на её руках...»
Но раньше написал два слова:
«Оставить всё...» Сказала, ей,
Она-то царствовать готова,
Но нужно убедить людей!
А тут и Меньшиков, проныра,
Припомнил с ней былое, хват!
Вдвоём нагнули сильных мира,
И убедили весь Сенат!
И вот уже, Императрица,
Как пишется, всея Руси!
Да, да, сынок, тебе не снится,
Проверь, вон палец укуси!

Но правила Екатерина
Совсем не долго, года два,
Настигла и её кончина!
Запомни, сын, мои слова:
Я говорил, Бог шельму метит,
И у неё не долог век!
Ответственность за всё на свете
Несёт пред Богом человек!

Мария Гамильтон

В ухабах царская дорога,
А значит, остановок много,
И много женщин на пути!
Они царю любовь дарили,
Средь них есть Гамильтон Мария,
И нам её не обойти.

Есть документы и картины,
Пришёл шотландский род старинный,
Как нам сегодня говорят,
Из Альбиона, что в тумане,
При Грозном, при царе Иване,
Задолго до Петра царя.

Сроднился род тот с русской знатью,
С боярами сваты и сватьи,
У них и фрейлина была,
Она других смотрелась лучше
Нарышкиной Натальи внучка,
Кокеткой при дворе слыла.

«Так кто же героиня наша?»
То Гамильтон Мария, Маша,
Которую заметил он,
А дальше просто, вспышка страсти,
И повелительное: «Здрасте!
К царю зайдите, Гамильтон!»

В палатах царских там, у входа,
Пётр овладел ей мимоходом
И тотчас бросил! По рукам
Она пошла с руки царёвой,
Что было при дворе не ново,
Досталась царским денщикам.

Конечно, средь людей ничтожных,
Средь явных фаворитов, ложных,

Увы, жилось не просто ей!
И не однажды, говорили,
Была беременной Мария,
Но избавлялась от детей.

Не знаю, как сие случилось,
Мария Гамильтон влюбилась
В Орлова, словно, он ей муж!
Как в документах говорится,
Украла деньги у царицы
И драгоценности к тому ж!

И как ни горько, ни печально,
Открылось всё почти случайно,
Утерян важный документ!
И это при дворе не ново,
Но подозрение на Орлова!
Признался тот в один момент!

Суд царский, как известно, страшен!
Орлов подумал, из-за Маши,
Пал на колени: «Виноват!»
И рассказал про кражи эти,
И отчего погибли дети.
Царь крикнул: «Ей дорога в ад!»

Есть обвиненье для несчастной,
Мол, позволяла себе часто
Язвить про дивный цвет лица
Царицы нашей, Евдокии!
Ну как простить грехи такие?!
Царь Пётр кивает на Творца.

И за Марию заступиться
Пришлось тогда самой царице,
И та воззвала, мол, простим!
Добавив, сами не безгрешны!
Она была права, конечно,
Но государь неумолим!

От слов царя мороз по коже:
«Блюсти должны закон мы Божий!
В порывах разве доброты
Ей, умерщвленные когда-то,
Не дети, Родины солдаты?!
За что лишили их мечты?!»

Тебе я намекну тактично,
Что речь царя патриотична,
Ведь также говорят сейчас.
Опустим мелкие детали,
Марию Гамильтон пытали
В присутствии Петра не раз.

Она же с самого начала
В глаза глядела и молчала,
И так до самого конца!
А мы порой на женщин ропщем!
Не назван был её сообщник,
О нём ни слова, ни словца!

Ни покаяния, ни страха!
Уже ждала Марию плаха,
Палач ждал с острым топором,
И поджидала тьма народа,
Весна, прекрасная погода,
Народ считал, что поделом!

Немного отвлекусь. Поскольку
Наш царь в Великом был Посольстве,
Когда там отдыхал от дам,
Сходил он, просветиться чтобы,
В шекспировский театр «Глобус»,
Я должное Петру воздам!

На сцене той кипели страсти,
Не нашей, а английской масти!
Театр увлёк царя с тех пор,

Ему всегда сыграть мечталось
Большую роль, но не досталось!
Но с этих лет в нём жил актёр...

Приговорённая посмела
Пойти на плаху в платье белом
С отделкою из чёрных лент!
Кокетство оценил он сразу,
Пётр вышел, не моргнув и глазом,
На сцену! Писари тех лет

Вот так подали этот случай:
Марию царь не долго мучил,
Поцеловал, затем обнял,
Она упала, помолился,
Потом со сцены удалился.
Понятно, это был сигнал!

Дальнейшее повествование:
Когда она пришла в сознание,
Царя уже сменил палач,
Топор мелькнул и сделал дело,
Её головка отлетела,
Слетел на площадь детский плач.

Да, знал наш царь искусства цену!
Великий вылетел на сцену,
Поднял головку, вся в крови,
Он показал народу точно
Артерии и позвоночник!
Красиво, что ни говори!

Подумал о прекрасной даме,
Прижался царскими губами
К её бледнеющим устам,
Припомнил он былые ласки,
Закрыв ей осторожно глазки...
А дальше не для слабых дам.

Но дописать картину надо!
Царь крикнул: «Вот исчадь ада!
Туда тебе дорога, мразь!»
С её головкой к краю вышел,
Чтоб видели, поднял повыше,
А после бросил прямо в грязь!

Немного зрителю неловко,
Где кульминация, концовка?!
Но как он сделал, погляди!
Взглянул на храм, перекрестился,
Сошёл со сцены и простился!
Ну что ж, «Финита комеди!»

Мария Кантемир

О, давность лет! Почти забыты
Все фаворитки, фавориты,
Но будем помнить, мой кумир,
Княжну Марию Кантемир.
Отец, князь Дмитрий из Молдовы
Воспитывал её сурово!
Учил на совесть, не за страх,
Марию греческий монах.

Тебе я расскажу про это
И перечислю лишь предметы:
Отскакивали от зубов
Шесть европейских языков!
Латинский, греческий, французский,
Молдавский, итальянский, русский!
Философов, античный мир
Прошла Мария Кантемир.
Рисунок, множество историй,
«И алгебру пройти ей стоит,
И музыку, — твердил отец, —
И будет дочка молодец!»

Формировался разум детский
Пока в кампании турецкой,
 О ней сказать пришла пора,
 Отец союзник был Петра.
Но там случилось поражение,
И Прутский мир, и унижение
 Достались князю, как недуг,
 Короче, пострадал наш друг!

Немало было отчуждений,
Лишился князь своих владений,
 Бежали, вот читаю я,
 Пригрелась в Харькове семья.
Затем, тут тайну приоткрою,
Они осели в Подмоскowie,
 Местечко это выбрал князь,
 То «Чёрная — мой мальчик — грязь».
Зовётся Марьино сегодня,
Не в честь Марии, что Господня
 Святая Мать, как знаем мы,
 А в честь Марии той, княжны!
К ней здесь приставлен был куратор,
Иван Ильинский, литератор,
 Известнейший славянофил
 Культуру девочке привил.

Растёт она, умна, красива,
И рядом с ней отец счастливый,
 Вот князь в имении своём
 Знакомит девушку с царём.
Обнажены немного плечи,
И Пётр лишился дара речи,
 Открыл от изумленья рот,
 «Не царь, а полный идиот!»

Пред ним предстало совершенство,
Сулившее ему блаженство!

Как гром небесный, красота,
Во взгляде ум и простота!
При этом что-то есть такое,
Лишает что мужчин покоя,
А царь наш виды-то видал,
Но Маша — просто идеал!
Свежа, стройна, танцует ловко,
Клонит кокетливо головку,
Струится от улыбки свет!
А царь уже на склоне лет...
Почти полтинник, он не молод,
А тут его то в жар, то в холод!
Что с нами женщины творят?!
Оставим мы пока царя.

Тебе, сынок, признаюсь честно,
Что наблюдать мне интересно
За нашим братом! Снимем грим,
О похоти поговорим.
Неглупые вот пишут люди,
Мужчин нередко похоть губит!
В итоге от былой скалы
В остатке горсточка золы!
А сколько здесь несчастных судеб?!
Примеры приводить не будем,
Понять мне хочется меж тем,
Приносим жертвы мы зачем?

Да, секс, сын, не простая штука!
«А что нам говорит наука?»
Кто занят сексом с юных лет,
У тех не развит интеллект!
Казалось бы, сей вывод странен,
Но доказали англичане,
Что ранний секс наш злейший враг,
Вот так является дурак!

Сигнал стремительно и ловко
Из головы бежит к головке!
И кровь, о том мы знать должны,
Переливается в штаны,
И наш кобель спешит на случку!
Не женщину он видит, сучку,
Одно желанье, без затей
Красотку затащить в постель!

И здесь такой же самый случай,
Смотри, наш царь других не лучше!
Находим первый мы ответ,
Женился Пётр в шестнадцать лет!
К тому же нёс наш царь из детства,
Как груз, тяжёлое наследство,
За жизнь свою извечный страх,
Припадки, пена на устах!
Так часто в детстве унижали
И не по делу обижали!
Всё это залегло в мозги,
И Пётр хотел вернуть долги.
Царь верил, что настанет время,
Он поквитается со всеми,
Кто обижал его порой!
Пожалуйста, ответ второй!
И здесь, я думаю, полезно
Напомнить о его болезнях,
Сегодня в том секрета нет!
Вот третий, так сказать, ответ!

Позволю пару слов о власти,
Кипят в котле Шекспира страсти!
Правителей так портит власть,
Дорвались, пользуются всласть!
Там даже человек не глупый
Становится в момент залу...!

У власти логика своя:
Сегодня ты, а завтра я!

Я вижу общества уродство,
Кругом разнузданность и скотство!
Вверху на самом, на местах
Везде правители в грехах!
Власть предержажшие ретиво
Глядят на женщин похотливо,
Что дочь она, сестра и мать,
Никто не хочет понимать!
Не видят в даме человека!
Ну, кто наш царь? «Урод! Калека!»
Хотя, признаюсь, грешен сам...
Но что же делать нам, низам,
Когда вверху бардак творится?!
Вот почему порой не спится,
Пытаюсь объяснить жене...
Но речь сейчас не обо мне!
Калач я в этом деле тёртый,
Поэтому ответ четвёртый
В пороках власти отыскал,
Поймёт, кто был в её тисках.

А песня о любви последней?!
Царю мерещился наследник!
В живых сынов Петровых нет!
А вот и пятый вам ответ!
Ответы здесь не все, конечно,
Увы, не Бог поэт ваш грешный,
Прошу за то простить меня,
Хотелось лишь Петра понять...

Отвлёкся чуть, взывает лира,
Пора вернуться к Кантемирам!
«Что на дворе?» Двадцатый год!
У князя полон рот забот,

Он овдовел, и вот князь Дмитрий
На Трубецкой женился! «Хитрый!»
Настасья-то совсем юна,
Моложе Маши, но жена!
Вокруг Марии кавалеры,
Вот, Долгорукий князь, к примеру,
Но женихам за разом раз
Князь Дмитрий посылал отказ.
Княжна ни слова укоризны,
Её же в Питер к светской жизни
Свезли, а там что день, то бал!
Где царь княжну и поджидал!

Но развлечений, вот ведь жалость,
Мария избегать пыталась,
Что привело, как говорят,
К неудовольствию царя!
Царь в гневе! Он к княжне направил
Гостей, там Ягужинский Павел,
А с ним денщик и доктора,
«В Сенате не были вчера!
Лечитесь, коли не здоровы!
За что Вы так к царю суровы?
Они желают видеть Вас!
Желание царя — приказ!
Явите к Государю милость!»
И сердце девушки смягчилось,
Есть слабость девичьих сердец,
Просил об этом и отец...

Царя, его друзей, знакомых,
Мария принимала дома,
И Петр Толстой, отца друган,
Доволен, старый интриган!
Что делать, для людей отрада,
Поместье, царская награда,

Златишко, титулы, кресты!
Им дела нет до красоты
Своих любимых юных дочек!
Отец родства, богатства хочет!
И папы подложить не прочь
В постель к царю родную дочь!
Такие вот царили нравы!
«Куда смотрел ты, Боже правый?!»
А как ты думаешь, сейчас
Не тоже самое у нас?
Готов тебе примеров море
Я привести! Не будем спорить,
Вернёмся к Маше, их с царём
Князь Дмитрий оставлял вдвоём!

Царь вскоре полюбил Марию,
Они часами говорили,
Пришел и трепет в чувствах вновь,
Что значит, поздняя любовь!
Сначала ей неловко было,
Она впервые полюбила,
Но царь наш уверял княжну,
Что видит в ней свою жену!
Тогда и пал редут последний,
«Престола нужен мне наследник!
Родишь мне сына?!» Та в ответ:
«Рожу, а почему бы нет!»

Со стороны сие забавно,
А через триста лет подавно!
Шло время, не прошёл и год,
В Персидский двинулись поход!
Обоз пошёл в чужие дали,
Тогда Петра сопровождали
Екатерина, как жена,
И Маша, тоже, мол, нужна!

А с ней отец и брат для вида,
Царица терпит все обиды,
 Порой калилась добела,
 Княжна беременной была!
Но в Астрахани с младшим братом
Княжну упрятали куда-то,
 Вот так двор мальчика хотел!
 Смотри, не прост царёв удел!
Ну что ж, пришёл черёд для грусти,
Наследника на свет не пустят!
 А кто помог? Читаю я,
 Екатериныны друзья...

Мелькнули дни, прошли недели,
Вернулся царь, княжна в постели,
 Не выжил долгожданный сын,
 А это драма для мужчин!
Казалось, было всё гламурно,
И нате! Государю дурно!
 Какие здесь найдёшь слова?
 Ни встреч, ни писем года два.

А вскоре горе к ней слетело,
Отец скончался, что ж, за дело!
 Свершился, значит, Божий суд...
 И вдруг ей восточку несут,
Зовёт Марию царь в столицу,
Открылась с Монсом связь царицы,
 О, Господи, и срам, и стыд,
 И Пётр измены не простит!
Их связь возобновилась снова,
Напрасно всё! Судьба сурова!
 Не стало вскоре и Петра,
 Решил Всевышний, что пора...
Княжна серьёзно заболела,
Расстроились душа и тело,

Честолюбивые мечты,
Как оказалось, все пусты!
Понятно, в Питере, вначале,
Марию предали опале,
И отлучили от двора,
Так до Второго до Петра.

При нём возвращена в столицу,
Где встретила родные лица,
Служили братья при дворе.
Что пишется о той поре?
В годах тридцатых, как ни странно,
Мария при царице Анне
Была приглашена к двору!
Да, да, похоже, что не врут.

От светского устала шума,
В отказе Фёдор был Наумов,
Княжне казалось, будто он
Её богатством был прельщён.
Отвергла руку и грузина
Царевича Бакира сына,
Из писем можем мы узнать,
Московская к ней липла знать.
Вот место и стезе культурной,
Вела салон литературный,
Там брат её оставил след,
Известный в те года поэт.
Вела себя Мария смело,
Постричься в монастырь хотела,
Но Антиох, любимый брат,
Конечно, был тому не рад.
Уговорил сестру построить
Марии храм, хвала герою!
Понятно, Магдалины в честь,
И храм тот в наше время есть.

«Что это было? Покаянье?»
А кто-то скажет, что прощанье
С честолубивою мечтой!
Узнать нам не дано с тобой.

Шли годы и княжна старела,
Она болела то и дело,
Мария тихо умерла,
Закрыли в доме зеркала...
Об этом ли княжне мечталось?
Все сорок дней душа металась!
«А где нашла она приют?»
И как свершился Божий суд?»
Отправили её навечно
К Петру Великому, конечно!
Дала там волюшку слезам!
А почему, подумай сам!

Заключение

Ну как тебе портрет тирана?
Такой вот вышел винегрет...
На Родине зияют раны!
«Герой ли он?» Скорее нет.
Не только, сын, для меломанов
Я описал лишь пять романов,
Из жизни нашего царя.
Что вижу? Ушки-то горят!
С тобой мы увлеклись игрою
Актёров славных и лихих,
А я ищу, ищу героев,
Так хочется писать о них!

Сынок, чтоб поддержать интригу,
В старинную заглянем книгу,
От Соловьёва узнаём:
«Пора идти иным путём!

Так мы под русскими звездами
Необходимость осознали,
Пора, пора идти вперёд!
Кого-то ожидал народ...
Кого? Вождя! (читай, тирана)
И Пётр явился!» (как ни странно)
«Явление Христа народу!»
Ещё одну читаю оду.
Царю во славу и державы
Один отрывок из «Полтавы»:
«Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра».

Судить по правде если строго,
Деяний славных было много
И достижений куча! Вот:
Могучи армия и флот!
Страну собрал он по крупицам!
На Запад посылал учиться
Делам военным, ремеслу!
И это всё ласкает слух.
«Жесток?» От русской то натуры!
При нём пошёл подъём культуры!
У нас навечно в голове
Тот славный город на Неве,
«Кто неподвижно возвышался
Во мраке медною главой,
Того, чей волей роковой
Под морем город основался...»
Жаль, заколочено давно
То европейское окно.

Но патриотов не пугая,
Есть точка зрения другая,

Мол, вволю самодур больной
Поиздевался над страной!
Петром, к примеру, бунт стрелецкий
Подавлен был по-молодецки,
И головы пяти стрельцам
Царь отрубил, как пишут, сам!
«Птенцам» тут как ни расстараться?
Князь Меньшиков казнил все двадцать.
Но мало! Вешали других,
Под Софьино окно троих,
Пять месяцев тела висели,
Снимать, однако, их не смели,
Казнили тысячу стрельцов,
Остались семьи без отцов...
Чтоб бунтовать впредь не повадно!
С другой же стороны досадно,
Об армии не думал он,
Нанёс Отечеству урон!

Я знаю, это шок для правых,
Наш царь на Запад всё глядел,
Отсюда много странных дел,
Ломал обычаи и нравы!
Что в меру нужно, не вопрос!
Ходить людей заставил русских
В одеждах европейских узких
В сорокаградусный мороз.
И очень многие при нём
Увы, отдали Богу души,
Историк пишет, что нарушил
Естественный он ход времён.
Итог: восстание народа,
Октябрь семнадцатого года,
Как говорят, переворот.
Был мрак и хаос, и оттуда
На трон является Иуда,

Чьё дело до сих пор живёт.
Встречал я среди учений странных,
Что Пётр имел порой мужчин!
«Бисексуал?!» Нет точных данных,
Раз так, то верить нет причин!

Известно, что враги России
На земли русские косились,
Чернили всё, ругали всех,
А зависть, злоба — это грех!
Зубрит сегодня подчинённый
Петра Указы умиленно,
И принимает без обид,
Лихой, придурковатый вид.
Такие царские решенья!
На каждом подпись и печать,
Монарх эпохи просвещения!
Как говорят, ни дать, ни взять!

И если б только так, то ладно,
Но более всего досадно,
Что Пётр Антихрист для других,
И я скажу, немало их.
Кто жил, судьбой людей играя,
Кто мало добрых дел свершил,
Для тех, сынок, ворота рая
Апостол Пётр не открыл.
Поиздевался царь над верой,
И фактов много, и примеров,
Душа его теперь в аду,
С тиранами в одном ряду.

Царь сделал темой для пародий
Церковный русский наш собор,
Катался при честном народе
В санях на свиньях царский двор
На пасху, сын, в церковный праздник!
Дурной, как говорили, вкус!

Намеренно он Бога дразнил,
И вот итог! Мотай на ус!
Чтоб церковь сильно не мешала
Чин патриарха упразднил,
«А несогласных?» Их немало,
На Красной площади казнил.
Да, только так и не иначе!
Святейший учредил Синод,
Который сам же и назначил!
«А что народ?» Молчал народ.

Пойми, худое воспитанье
Заметно было с юных лет,
Возможно, это наказание,
Что у Петра здоровья нет.
«А что осталось?» В Эрмитаже
Картины, платья, шпаги, быт,
Но это в прошлом, кто-то скажет,
Но Пётр Великий не забыт.
Знакомая, сынок, картина?
Тут демократии не жди,
Не в том ли главная причина,
У нас тираны да вожди?

Одновременно злым и добрым
Великий реформатор был,
Трещали у народа рёбра,
Когда царь в гневе в раж входил.
Да, у Петра достоинств много,
Природный ум — так просто клад!
Но нет души без веры в Бога,
Отсюда низость и разврат.
Небесные затрону сферы:
А есть ли нравственность без веры?!
Есть Бог, запомни этот сказ,
В душе у каждого из нас!

Соблазнов, испытаний много,
«А что спасает?» Вера в Бога!
«А был ли Бог в душе Петра?»
Вопрос?! Заканчивать пора...

Сегодня чтят Петра злодеи,
Особенно среди славян,
Дурные проросли идеи
Из брошенных царём семян.
Стыдимся за свою державу
Мы, в плечи голову вобрав,
Повсюду попирают право,
Прав тот, сгребёт кто больше прав.
А вместо окон амбразуры,
Там пушки метятся в меня,
По городам стоят скульптуры,
Давно их нужно поменять.
Тем временем дорогу к трону
Протопал новый интриган,
Гляди-ка, царскую корону
Надел очередной тиран.

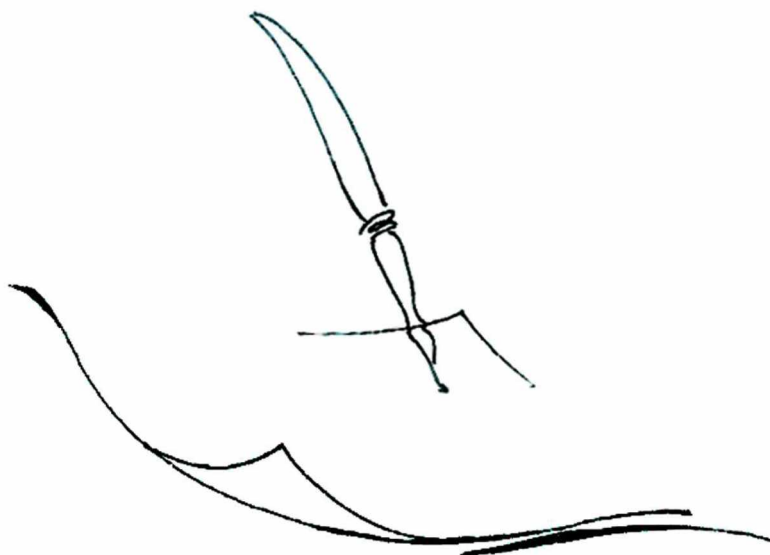
Сменили цвет фасад и задник,
Другими стали города,
Стоит, как прежде, Медный Всадник,
Его не тронут никогда.
Любовь к Петру привита с детства!
Взирает гордо с высоты
На величавое наследство,
Несут ли свежие цветы?
Как власти чтят Петра сегодня?
Портретов, фильмов, книг не счесть!

Совсем забыли, что Господня
На всё на свете воля есть!
Не просто, сын, в годах тех давних
Добро и зло нам отличить,

Железные закрыты ставни,
Но знай, что истины лучи,
Как воскрешение Христово,
Войдут, ворвутся в каждый дом,
И правда к нам вернётся снова!
Прости, опять я не о том...

Нева и Питер, Всадник медный,
Пред ним стоит потомок бледный,
В глазах его немой вопрос,
Куда Россию ты завёз?!

Россия, город Новосибирск, май 2014 года

Страсти Дон Жуана (либретто для мюзикла)

**По мотивам испанской легенды о дон Жуане и 1-й песни
поэмы Джорджа Байрона «Дон Жуан»**

Пьеса для музыкального театра в двух действиях

В пьесе заняты:

Дон Жуан — поэт и певец, красивый юноша, 18 лет,
Донья Инес — мать дон Жуана, знатная дама, 40 лет,
Лепорелло — слуга дон Жуана, 35 лет,
Дон Альфонсо — знатный господин, друг доньи Инес, 55 лет,
Донья Юлия — знатная дама, жена дон Альфонсо, 23 года,
Антония — служанка доньи Юлии, 35 лет,
Шут — весёлый малый без возраста,
Адвокат — друг дон Альфонсо, 45 лет, (роль без слов)
Элеонора — танцовщица и певица, подруга дон Жуана, 25 лет,
Дон Педро — знатный господин, любовник Элеоноры, 40 лет
Дон Сильва — командор, любимец Севильи, знатный господин,
около 45 лет.
Донья Анна — дочь командора дон Сильвы, 18 лет,
Дон Октавио — жених доньи Анны, 25 лет, (роль без слов)

**Настоятель и монахи монастыря Святого Франциска
Жители Севильи и слуги разного возраста,
В сценах спектакля также заняты другие артисты театра**

Действие происходит в испанском городе Севилья в сред-
ние века

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

На сцену (на фоне гостиной доньи Инес) выходит шут, спит на ходу, спотыкается, от звона колокольчиков на шапочке вздрагивает, просыпается, объясняется с залом:

Шут: Скажите, где найти обитель,
В которой ревностный правитель
Не ищет смысл, особый путь?!
Так трудно господам заснуть!
И на челе видна забота!
Ведь это трудная работа,
Обогатить друзей, подруг!
Поверьте, то не малый круг!
А за окном мелькают годы,
О поисках слагают оды!
Все ищут, только не найти
Вовек особого пути!
Пора прозреть! Ведь, если строго
На всё взглянуть, одна дорога
Их ожидает, прямо в ад!
Шучу! Коль глупо, виноват!
Стремится надобно б в Европу!
Иной же путь обратно, в ... эту!
Там были мы почти сто лет,
Но правды в этом месте нет!
Другую тайну вам открою,
Пришёл приказ: найти героя!
Но где?! Вот этот глуповат!
Тот зять, а этот вороват!
И где, в котором нет сомнений,
Тот образец для поколений!
Почти пропали, понял я,
Все ценности твои, семья?
Бросают жён своих, к примеру,
И президенты и премьеры!

Не только там, но и у нас!
Тащить такое на Парнас?!
Вот идеолог, с виду демон,
Всё требует смешные темы!
Трясётся жирненький живот... *(с пафосом)*
Не этим человек живёт!! *(Далее поёт)*

1-я песня шута

«Как часто мы...»

1. Как часто мы живём беспечно,
Но всё-таки есть то, что вечно!
И вот сейчас, друзья мои!
Я расскажу вам о любви!
2. И есть герой! Здесь, как ни странно,
Его я выбрал, дон Жуана!

В это время выходит дон Жуан, кланяется публике.

У вас в глазах немой вопрос,
Конечно, выбор мой не прост!

3. Что ж, я попробую ответить:
Мы с вами все немного дети!

На сцену выходит донья Инес, грозит пальчиком дон Жуану, тот отмахивается от неё.

И в этом милый персонаж
Похож на каждого из нас!

4. Хотим мы многого от жизни?!
Упрямы, ветрены, капризны?!
А чувства?! Сам тому не рад,
В любви не ведаем преград!

На сцену выходит донья Юлия, подходит к дон Жуану, берёт его под руку, с любовью смотрит в его глаза.

5. Признаться в этом, право, грустно,
Не ценим мы святое чувство!

В это время выходит дон Альфонсо, грозно смотрит на дон Жуана и донью Юлию, те расстаются, донья Юлия отворачивается от зала, у неё трясутся плечи

Вдохнули аромат, прошли,
Цветок любви лежит в пыли!

6. Он должен бы служить укором!
Но мы о нём забудем скоро!

На сцену выходит Лепорелло, показывает дон Жуану на плачущую донью Юлию, делает небрежный жест рукой, мол, найдём ещё таких красавиц! После этого на сцену выходит Элеонора, подходит к дон Жуану, танцует перед ним фламенко, тот подаёт ей руку, привлекает к себе, выходит дон Педро, смотрит грозно на Элеонору и дон Жуана

Расстаться им пришёл черёд!
И снова лиц водоворот!

На сцену выходит донья Анна, жители Севильи и монахи, они крутятся вокруг дон Жуана. Далее шут говорит:

И пылкие, как прежде, встречи!
И тот же жар, и те же речи!
Так с юных лет и до седин,
Истории один в один!

В это время все герои пьесы бегают по сцене друг за другом

Вот цирк! Признаемся друг другу,
Так лошадь бежит по кругу!
Однообразен этот бег! (далее с пафосом)
Но ты ведь выше, человек?!

В это время все герои пьесы покидают сцену.

Я знаю, женщинам не сладко,
Слова припасены, повадки
На случай этот или тот!
И песнь любви герой поёт!
Порой не замечает даже,
Что изменились чуть пейзажи...
Наш дон Жуан, наш сердцеед
Принёс он дамам много бед!
Тогда такие были нравы!
Куда смотрел ты, Боже правый!
А наказания черёд?!
Не будем забегать вперёд...

*В это время шут с таинственным видом уходит со сцены, вы-
бегают артисты хора и балета исполняют гимн любви:*

Гимн любви (*артисты хора и балета*)

1. О времени мы вам споём далёком,
Любовь там романтична и чиста!
Сначала руки, будто ненароком,
Ну а потом встречаются уста!
Сердца влюблённых бьются друг для друга,
Любовь невинна, уверял Платон!
Вы любите и вам не до испуга!
А как же страсть?! Об этом мы потом...

Припев: Для вас, блондинки и брюнеты,
Для вас написаны сонеты!
Для тех, кто любит и любим,
Поём сегодня этот гимн!
Любовь — блаженство и награда!
Вы любите? Шагайте рядом!
В сердцах у вас горит огонь,
Тот, что зажгла любовь! Любовь!
Тот, что зажгла любовь! Любовь!

2. Припомните томленье, ожиданье,
Случайный и невинный разговор,
И сердца трепет, тайное желанье,
Которое стремится на простор!
И нужно ли бежать от искушенья?!
А после долго сожалеть о том,
Что приняли поспешное решение!
А как же страсть?! Об этом мы потом...

Припев: Для вас, блондинки и брюнеты,
Для вас написаны сонеты!
Для тех, кто любит и любим,
Поём сегодня этот гимн!
Любовь — блаженство и награда!
Вы любите? Шагайте рядом!
В сердцах у вас горит огонь,
Тот, что зажгла любовь! Любовь!
Тот, что зажгла любовь! Любовь!

Далее артисты хора и балета убегают со сцены. В гостиную быстрыми шагами входят донья Инес и дон Жуан, за ними послушно Лепорелло, в дверях стоят служанки. Донья Инес поёт:

Песня доньи Инес

«Представлю сына»

1. Представлю сына — дон Жуана,
Хосе Идальго, дон, отец,
Весь чистокровный, без изъяна,
В него пошёл наш молодец!
В отца пошёл наш молодец! — все
Хосе ушёл из жизни рано,
Он был повесой, вот портрет! (*показывает*)
Инес я, мама дон Жуана,
Одна растила много лет!
Красавец вырос и поэт! — все

2. И утро каждое из спальни
К учителям вели его,
Во славу матушки-Испании
Растила сына своего!
Во славу сына своего! — все
Неясные в груди томленья
Да розовый туман кругом,
А я ему нравоученья,
Прогулки, фехтованье, дом!
Учёба, фехтованье, дом! — все
3. Он в восемнадцать, как мужчина
Смотрелся, подтвердит любой!
Держался благородно, чинно,
Был строен и хорош собой!
В Севилье подтвердит любой! — все
Так быстро вырастают дети!
Так быстро времечко течёт!
Кругом сплошная добродетель!
А слуги? — все
Но они не в счёт!! — Инеса
Служанки, слуги — все не в счёт! — все

После песни все, кроме доньи Инес уходят из гостиной, она присаживается на диван, смотрит на часы.

СЦЕНА ВТОРАЯ

В гостиную доньи Инес входит донья Юлия, радостная донья Инес приглашает ту присесть справа от неё на диван, начинает что-то рассказывать донье Юлии. Лепорелло наблюдает за ними из окна, делится впечатлениями со зрителями:

Лепорелло: Открою тайну, были, жили
Альфонсо и Инес, дружили!
То было в юности, давно,
Что вышло? Знать вам не дано!

Отец вот за другого выдал!
Инес же вкус Альфонсо, выбор,
Хвалила, тут я не совру,
Любила Юлю, как сестру!

Сегодня это знает школьник,
Три стороны — есть треугольник!
Не торопитесь, будет круг!
Пока ж любуйтесь на подруг... (далее поёт)

Песня Лепорелло

«Общение одиноким нужно»

1. Общение одиноким нужно,
Те часто прибегают к дружбе!
Здесь донья Юлия была
Находкой твёрдой, как скала!
2. Других подруг она не знала,
Заумных книжек не читала,
Романы, даже про любовь,
Откладывала вновь и вновь!
3. В то время так судили люди,
Довольно, если муж вас любит!
В Севилье жили так, увы!
Я вижу, что дивитесь вы?!
4. Душа её желает пищи,
И всё она чего-то ищет!
Считала, женский мозг горазд,
Возможно, что-то дружба даст!

Донья Юлия скучает, не слушает донью Инес, смотрит в дверь, не появится ли там лон Жуан? Из-за двери слышен радостный визг горничной, донья Инес смущённо опускает глаза, донья Юлия удивлённо поднимает брови. В гостиную вбегает запыхавшийся дон Жуан, несколько смущается. Донья Инес указы-

вает ему рукой слева от себя, он присаживается на диван, быстро успокаивается, поднимает глаза на донью Юлию и влюбленно смотрит на неё.

Донья Инес: А вот и он!

Инес обращается к Юлии, показывая на дон Жуана:

Надежда рода!
Как вырос мальчик, возмужал?!

Донья Юлия (с восхищением и лёгкой иронией):

Да, да! Во всём видна порода!
Ваш сын уже мужчиной стал!

Донья Инес: Он предпочёл другим деяньям
Петь песни и слагать стихи!

Донья Юлия: Да, он само очарованье!
О чём стихи? Не про грехи?

Донья Инес: Романтик! О любви, о розах!
О чувствах он писать горазд!

Донья Юлия (с пониманием кивает головой, кокетничает):

Понятно, о луне, о звёздах,
Прошу, порауйте же нас!

Дон Жуан (скромно опускает глаза, колеблется):

Мне, право, не совсем удобно...

Донья Инес: Конечно, дон Жуан польщён!
Вчера он пел мне бесподобно,
А вот при Вас он чуть смущён.

Далее донья Инес менторским тоном дон Жуану:

Раз дамы просят, значит надо!
На часик отложи дела!
Спой донье Юле серенаду.

Дон Жуан (с готовностью):

Какую?

Донья Инес: «Если бы могла...»

Донья Юлия одобрительно кивает ему головой, дон Жуан благодарит её кивком гордой головы. Донья Инес продолжает нахваливать сына:

Как пишет! Искренне и смело!

Донья Юлия: Не пошло?!

Донья Инес: (крестится, с испугом)

Боже упаси!

Куда пропал наш Лепорелло?!

Тут же появляется Лепорелло, с упредительной улыбкой и готовностью смотрит на донью Инес:

Лепорелло: Я здесь!

Донья Инес: (властно) Нам инструмент неси!

Лепорелло убегает из гостиной, донья Инес смотрит нежно ему вслед, потом, очнувшись, снова обращается к донье Юлии, показывая на дон Жуана, озабоченно:

Он всё страдает! А причины
У мальчика какие есть?

Донья Юлия (возражая донье Инес):

Ну что Вы, донья, он мужчина!

Донья Инес (со знанием дела, по-матерински):

Жуан не слушай, это лесть!

В это время Лепорелло приносит мандолину, подаёт её дон Жуану, сам садится на стул у стены. Дон Жуан перебирает струны, настраивает инструмент. Донья Инес предаётся воспоминаниям, доверительно общается с доньей Юлией:

Донья Инес:

Вчера он пел, я вспоминала
О славной юности своей!
Хоть лет уже прошло немало...

Глубоко вздыхает, далее резко переходит на другую тему:

Растим мы, донья, сыновей,
Желаем им добра и славы!
Страну чтоб славили и род!

Донья Юлия (прерывая донью Инес, с нетерпением):

Да, да! Во всём Вы, донья, правы!
Но дон Жуан, похоже, ждёт!

Дон Жуан кивком головы благодарит донью Юлию, что о нём ещё помнят, далее донья Юлия кокетливо обращается к нему:

Попросим милого поэта
Спеть дамам песню о любви!

Далее она с восхищением цитирует стихи, при этом донья Инес с некоторым удивлением смотрит на донью Юлию:

«Закат целуется с рассветом,
И там поют нам соловьи!»

Донья Инес (со знанием дела, грустно):

А после к нам приходит осень...

Донья Юлия (не обращая внимания на слова доньи Инес, дон Жуану проникновенно):

О, не томите! Просим, просим!

Дон Жуан с благодарностью манерно кивает головой, влюблено смотрит на донью Юлию, играет на мандолине, поёт серенаду:

Серенада дон Жуана

«Если б могла...»

1. Если услышишь вдруг ты
Шепчет о чём листьям ветер,
Вспомни, дрожали, дрожали кусты,
И шелестели в тот вечер.
Вновь под окошком стою,
Грудь лишь тобой моя дышит,
Песню любви я пою,
Если б могла ты слышать.
2. Если почувствуешь ты
Жаркого лета дыханье,
Вспомни про наши, про наши мечты,
Жаркие вспомни лобзанья.
Нам не вернуть тех ночей,
Ищем себе утешенье
В омуте чуждых очей,
Но не найти нам забвенье.
3. Если б увидела ты,
Как распускаются розы,
Нежные, нежные эти цветы
Наши б напомнили грёзы.

Память былой красоты,
Память о прошлой обиде...
Всё мне простила бы ты,
Если б могла всё увидеть.

Если б могла ты слышать ...
Если б могла ты увидеть ...

Во время пения дон Жуана, донья Юлия с любовью и пониманием сначала смотрит на него, ближе к концу серенады её взгляд устремляется через окно к небу. Дон Жуан закончил петь, воцарилось молчание. Донья Инес вопросительно смотрит на донью Юлию, мол, понравилась ли серенада? Та глубоко задумалась о чём-то, тяжело вздохнула, повторила «Если б могла...», вздрогнула, и в этот момент её взгляд вернулся в гостиную. Донья Юлия взволнована, обмахиваясь веером, обращается ко всем присутствующим:

Донья Юлия: Как редко мы такое слышим!
Прошу, пойдёмте в сад, подышим!

Лепорелло показывая головой на донью Юлию подмигивает дон Жуану, мол, молодец, хозяин! Все соглашаются с предложением доньи Юлии, встают, дамы берут дон Жуана под руки. Все направляются к выходу из гостиной.

Донья Инес: (видя состояние доньи Юлии, обращается к дон Жуану, строго, со значением):

Мой мальчик, я тобой горжусь!

Далее она обращается к донье Юлии:

Как Вам его талант и вкус?!

Донья Юлия в ответ поднимает глаза к небу, молча утвердительно кивает головой, незаметно сильно прижимаясь своими прелестями к дон Жуану. Тот, естественно, на седьмом небе.

Перед выходом из гостиной донья Инес вдруг вспомнила что-то важное, поворачивается к Лепорелло:

Донья Инес: Совсем забыла, что за наказание!
Дать нужно Лепорелло указание!

Она властно призывает идти за ней Лепорелло, тот разводит руками и покорно бежит за хозяйкой. Дон Жуан осторожно останавливает донью Юлию, задерживая ту в гостиной, где между ними происходит объяснение, по ходу которого они иногда апеллируют к зрительному залу.

Дуэт дон Жуана и доньи Юлии

«Я с Вами раньше»

1. Я с Вами раньше так любил ласкаться! — дон Жуан
И Вы так нежно гладили меня!
Однако Вам сегодня восемнадцать, — донья Юлия
И могут нас неправильно понять!
В глазах у доньи вижу я такое, — дон Жуан
Что сердцу, сердцу не даёт покоя!
2. Вы что-то мне вчера сказать хотели? — донья Юлия
С укором посмотрели мне в глаза!
У Вас так ласково глаза блестели! — дон Жуан
О, как Вы хороши! Хотел сказать.
Когда мы рук касаемся случайно, — вместе
По телу дрожь бежит! Откроем тайну...
3. Так мало времени проводим вместе! — дон Жуан
Приходится так часто тосковать!
Однако же во имя веры, чести, — донья Юлия в зал
Я отношение должна скрывать!
Я знаю, что одним усильем воли
Закончу всё! Одно мгновенье боли!
4. Хотела Вас просить о нежной дружбе, — донья Юлия
И впредь, прошу, ни слова о любви!

Синьора, мне как раз поведать нужно — дон Жуан
Сейчас сердечные дела свои!

Ведь Вы околдовать меня сумели!

Я больше не могу так!

В самом деле?! — донья Юлия

5. Я замужем! Меня не искушайте! — донья Юлия

Любви запретной воли я не дам!

Тогда в Мадрид уеду, так и знайте! — дон Жуан

О, нет! — донья Юлия

Донья Юлия поворачивается и идёт к выходу из гостиной Дон Жуан спешит за ней.

Вот и поймите наших дам! — дон Жуан в зал

Я буду на своём стоять упорно! — донья Юлия в зал

Похвально, мило, но и спорно! — дон Жуан в зал

Донья Юлия и дон Жуан выходят из гостиной.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Действие происходит в саду возле дома дон Альфонсо. Весенний вечер, донья Юлия прогуливаются по саду, дон Жуан и Лепорелло из-за изгороди, с правой стороны наблюдают за ней, любят, поют:

Дуэт дон Жуана и Лепорелло

«Смотрю на донью»

1. Смотрю на донью, красотой сражённый, — дон Жуан

О, то сеньора редкой красоты! — Лепорелло

Таких рисуют детские мечты,

Взирают на неё заворожённо — дон Жуан

Сеньоры все, она же непреклонна!

Она же непреклонна! — вместе

2. В глазах её смесь гордости и страсти,
Пора признаться и себе, и вам,
Так хочется служить таким глазам!
В них иногда, особенно в ненастье,
Является намёк на сладострастье!
Намёк на сладострастье.
3. На голые и трепетные плечи,
Спадают кольца шёлковых кудрей,
Ланиты озарил румянец ей,
Как небеса зарницы в тёплый вечер!
А декольте! Прости нам эти речи!
Прости нам эти речи! *(оба крестятся)*
4. Когда темнеет, птичий гомон тише,
Так часто смотрит донья вверх и вдаль,
Туда же шлёт и вздохи, и печаль!
Те птицами взлетают в небо выше!
А там ведь есть, кому тебя услышать!
Там есть, кому услышать! *(оба крестятся)*
5. А как плывёт, земли едва касаясь!
А величавый, неприступный вид!
Стройнее донья многих Афродит!
Всем с виду очень нравственной казалась,
Вот замужем, сие, конечно, жалость!
Конечно это жалость!

С левой стороны сада выглядывает дон Альфонсо, заметив его, дон Жуан и Лепорелло прячутся за изгородь. Дон Альфонсо осматривает сад на предмет наличия в нём соперника, не находит его, успокаивается, вздыхает и поёт:

Песня дона Альфонсо

«Не просто быть...»

1. Не просто быть красавицы супругом,
Когда тебе слегка за пятьдесят?!

Ей двадцать три уже! Но быть лишь другом,
О, нет! Мои глаза ещё блестят!
Меня природа одарила силой!
Душой я молод, это ясно мне!
Легко я справлюсь со своею милой,
И с ней мы будем счастливы вполне!
Да, будем счастливы вполне!

Припев: О, как на Севере комфортно людям!
Любой порок с намёком на любовь
Мороз и успокоит, и остудит,
И охладит до нужной меры кровь!
А здесь, в Севилье, солнце озорное
Ласкает сеньорит своей рукой,
Не оставляет даже жён в покое!
Здесь трудно мужу обрести покой!
Никак не обрету покой!

2. Сеньора лучшей партией считалась,
Живём мы в браке тихо года три,
Признаюсь, я её ревную малость,
И беспокойно как-то здесь, внутри!
Хоть жизнь течёт размеренно и строго,
Сомненья гложут, сам тому не рад!
Однако нам известно, что дорога
Приводит всех прелюбодеев в ад!
Приводит непременно в ад!

Припев: О, как на Севере комфортно людям!
Любой порок с намёком на любовь
Мороз и успокоит, и остудит,
И охладит до нужной меры кровь!
А здесь, в Севилье, солнце озорное
Ласкает сеньорит своей рукой,
Не оставляет даже жён в покое!
Здесь трудно мужу обрести покой!
Никак не обрету покой!

Дон Альфонсо ещё раз осматривает сад, не найдя кроме доньи Юлии там никого, удаляется в хорошем настроении. Донья Юлия меж тем зашла в беседку, увитую виноградом, которая находится в глубине сцены. Дон Жуан и Лепорелло снова появляются из-за изгороди. Лепорелло, показывая на беседку, в которой донья Юлия, подталкивает дон Жуана идти к ней. Сначала дон Жуан проявляет нерешительность, но потом, убедившись, что дон Альфонсо нет поблизости, набирается храбрости и быстрыми шагами идёт в беседку. Лепорелло наблюдает за ними, сообщает о происходящем зрителям, поёт:

Песня Лепорелло

«Цвела весна»

1. Цвела весна, кружились ароматы,
А донья Юлия в саду одна,
Красавица любитесь закатом,
Она мечтает, чуточку грустна.
И в этот час, рукой откинув ветки,
Явилась к ней другая сторона,
Проворно дон Жуан впорхнул в беседку,
Его улыбкой встретила она, *(оправдывая дон Жуана)*
Его улыбкой встретила она!
2. Едва заметно, легкое волненье
Коснулось её трепетных ланит,
Оно пришло, волшебное мгновенье!
Которое нас всех мечтой манит!
Глаза горят, желание проснулось!
Недалеко, однако, до греха!
И в этот миг нечаянно коснулась
Его руки красавицы рука, *(оправдывая дон Жуана)*
Его руки красавицы рука!
3. Понять легко: в крови металось пламя.
И солнце село, и взошла луна!
Её щеки коснулся он устами!
Ах, Боже мой, что делает весна!

О долге на мгновенье позабыла,
Позволила ласкать себя ему,
Сказала: «Ни за что!», и уступила, *(апеллируя к залу)*
Мы с вами все свидетели тому!
Мы с вами все свидетели тому

СЦЕНА ЧЕТВЁРТАЯ

Действие происходит в прихожей, перед спальней доньи Юлии. Горит камин, на диванчике сидят Антония и Лепорелло. Лепорелло с любовью смотрит на Антонию, с чувством поют, подражая дон Жуану.

Дуэт Лепорелло и Антонии

«Когда приходит первая любовь»

1. Когда приходит первая любовь, — Лепорелло
Когда вскипает молодая кровь,
Уносит далеко тебя течение!
Туда, где Ваших плеч и губ влечение!
Я повторять Вам буду вновь и вновь,
Приходит к нам с любовью наслажденье!
Наслажденье!
2. Забудешь разве радостный Ваш смех?! — Лепорелло
И, если познаёшь в любви успех,
То лишь одно есть верное решение,
Любовь! Любовь твоё предназначенье!
Нас уверяют, наслажденье — грех,
Но этот грех — такое наслажденье!
Наслажденье!
3. А что потом, скажите, что потом? — Антония
Когда в слезах, трясущимся перстом
Мы просим, просим от любви защиты!
Когда, когда любимые забыты!
Любимая, Вы в мой войдите дом, — Лепорелло
Для Вас одной все двери там открыты!
Там открыты! *(распахивает свои объятия)*

Закончив петь, Лепорелло пытается поцеловать Антонию, но та аккуратно отстраняет его, показывая на камин.

Антония: Как нынче в ноябре прохладно!
 Взгляните, есть ли там дрова?

Лепорелло: Да, есть! Однако мне досадно,
 Что Вас не трогают слова!

Антония: Я, Лепорелло, Вам не верю!
 И песни все — напрасный труд...

Антония внезапно замолкает, поднимает указательный палец к губам, прислушивается к шагам в коридоре:

Вы слышите?! Там шум за дверью?!
Что за возня?! Сюда идут!!

Антония вскакивает, выглядывает в дверь, ведущую на лестницу, в испуге бежит к дверям спальни доньи Юлии, по ходу кричит:

Антония: Сударыня, хозяин! Правый Боже,
 Полгорода сюда ведёт с собой!
 Известный адвокат идёт с ним тоже!
 Конец нам всем! Пропали! Боже мой!

В это время Лепорелло ловко выпрыгивает в окно, которое находится справа от входа в спальню доньи Юлии. Антония убегает в спальню синьоры. Слышно из-за двери, как Антония оправдывается:

Я не спала! Я в том не виновата!
Видать, подозревали Вас давно!
Неужто, за грехи пришла расплата?!
Здесь низко, пусть он прыгает в окно!...

СЦЕНА ПЯТАЯ

Действие происходит в спальне доньи Юлии. Окно, которое выходит налево, закрыто. Испуганная донья Юлия сидит, обложенная подушками, Антония суетится вокруг неё. В это время дверь в спальню резко открывается, входит дон Альфонсо с адвокатом, друзьями и слугами. Донья Юлия намеренно зевает, потягивается. Антония сбивает подушки и поправляет одеяло.

Антония: Синьора, потревожу Вас немножко,
Присядьте средь подушек на кровать!
Позвольте, я прикрою Ваши ножки?
Зачем Вам помешали почивать?!

Донья Юлия уже пришла в себя, огляделась, поёт дону Альфонсо с вызовом.

Дуэт доньи Юлии и дон Альфонсо

«Зачем Вы здесь?»

1. Зачем Вы здесь? Ответьте мне на милость! — донья Юлия
Какие привели сюда дела?

Показывает на остальных визитёров:

А свора эта вся, зачем явилась?
Уж лучше б я до свадьбы умерла!

Пришедшие с доном Альфонсо пытаются выйти, но тот останавливает их, указывает рукой на шкаф, приказывая грозным голосом:

Куда же вы? Не надо, не спешите! — дон Альфонсо
Ищите! Хорошенько здесь ищите!

2. Ищите всюду! Как Вы пали низко! — донья Юлия
Вы перебрали, как всегда, вина?
Я всё терпела, но уж это слишком!
Так знайте, я Вам больше не жена!

Визитёры всё перерывают, вытаскивают из шкафа женскую одежду, белье. Дон Альфонсо не обращает внимания на выпадь доньи Юлии, он продолжает руководить обыском:

Ищите! Ещё раз всё переройте! — дон Альфонсо
И посмотрите там,

Дон Альфонсо указывает на окно в спальне:

окно откройте!

Визитёры открывают окно, смотрят вниз, отрицательно кивают головами дону Альфонсо, донья Юлия внимательно наблюдает за обыском.

3. Наслушались Вы разных слухов вздорных, — донья Юлия
Бродяг домой ведёте, как в притон!
Таков удел, однако, жён покорных

Далее апеллирует к Антонии:

И верных долгу своему при том!
Ищите, не вступайте с доньей в споры! — дон Альфонсо
Смотрели за диваном и за шторой?!

Визитёры быстро и чётко исполняют указания дона Альфонсо, снова отрицательно кивают головами

4. Зачем я графам, лордам отказала? — донья Юлия
Они просили все моей руки!
За Вас пошла! Я проявила жалость!
За старика, советам вопреки!

Постепенно былая уверенность пропадает в голосе дона Альфонсо, он ещё надеется найти в спальне любовника

Искали вы везде, в шкафу, в прихожей? — дон Альфонсо
И что? Как нет?

Визитёры отрицательно кивают головами дону Альфонсо.

Такого быть не может!

Видя, что визитёры никого не могут найти, донья Юлия начинает открыто издеваться над растерявшимся доном Альфонсо.

5. Кого же, сударь, Вы найти хотели? — донья Юлия
Любовник молод и хорош собой?!!
Когда такие мысли в дряблом теле,
Пора и на заслуженный покой!
Что, не нашли?! Какая же досада! — дон Альфонсо

Хлопает рукой себя по ноге, потом показывает на голые плечи доньи Юлии, делает знак рукой Антонии:

Антония, прикрыть синьору надо!

Антония накрывает голые плечи донье Юлии платком, а та с новой силой обрушивается на дона Альфонсо, которому уже неудобно перед визитёрами, он сам не свой:

Донья Юлия: Спасибо, очень даже мило!
Ревнуете-то невпопад!
Вас нагота моя смутила?
Иссяк упрёков водопад?

Далее донья Юлия показывает рукой на адвоката

Не зря ж Вы взяли адвоката!
Пора составить протокол!
Где место, подписи и дата!
Скажите, почему он зол? (*дону Альфонсо*)
Вы завтра ждите уж у двери,
Оденемся, по крайней мере!
Я спать хочу, ступайте прочь!

Далее она жеманно жалуется Антонию:

Испортили такую ночь!

В это время Антония перестаёт суетиться вокруг кровати доньи Юлии, подбегает к визитёрам, выталкивая в дверь по одному обескураженных, непрошенных гостей, не трогает только адвоката и дон Альфонсо, причитает:

Антония: Идите же, тут много дела!
Прибраться после вас хотела,
Ведь с улицы вся эта мразь

В это время она показывает на визитёров и на пол:

К нам принесла такую грязь!
К чему вся эта суматоха?!
Синьоре, видите, как плохо?! (Донья Юлия)
Прилягте, донья, на кровать!
Вам дурно?

Предпоследним уходит адвокат, пожимая плечами, за ним, качая головой, выходит дон Альфонсо, бросая в дверях:

Дон Альфонсо: Мне на всё плевать!

Громко хлопает дверь. Донья Юлия прижимает указательный палец к губам, но через минуту, когда шаги на лестнице затихают, громко смеётся! В это время из-под одеяла выползает весь красный Дон Жуан, он качает головой, тяжело дышит, не может сказать ни слова. Донья Юлия с нежностью смотрит на него, гладит голову, ласково:

Донья Юлия: Весь красный! Как тебе там было?
Не задохнулся, мой любимый?

Далее донья Юлия грозно в сторону двери:

Ввалился ночью! Вот нахал!
Всех не на шутку напугал!

Дон Жуан постепенно приходит в себя, пытается шутить:

Дон Жуан: Немного душно, но приятно!
Ну, если что, готов обратно!

Донья Юлия протягивает к нему руки, театрально:

Скорей ко мне, мой друг, иди!
И успокойся на груди!

Донья Юлия заключает его в свои жаркие объятия, она от удовольствия закрывает глаза, дон Жуан уже успокоился, обнимает и целует донью Юлию. Антония смотрит на них, качает головой, поёт:

Песня Антонии

«Дрожу вся»

1. Дрожу вся, что за наказание — Антония
Служить подобным господам?!
Да прекратите вы лобзання,
А вдруг вернётся?! Что тогда?!

Донья Юлия браво вторит ей:

- Пускай вернётся! Не беда! — донья Юлия
2. Такая вышла заварушка! — Антония
Принёс же чёрт их в этот час!
Ну разве вам любовь — игрушка?!
Куда же мне упрятать Вас?! (*крутит головой*)
Вот, можно в шкаф упрятать Вас!

Антония насильно отрывает полубоубнажённого дон Жуана от доньи Юлии, ведёт к шкафу, по ходу осматривает его:

3. Сеньора, он ведь молод слишком!
Не понимаю наших дам!
Ну что за вкус?! Совсем мальчишка!
Идите в шкаф и стойте там!

Затирает дон Жуана в шкаф, тот пытается вырваться, Антония строго:

И тихо-тихо стойте там!

Далее Антония обращается к донье Юлии:

4. Ну ладно б двадцать пять иль тридцать...

Слышно похрапывание из шкафа, Антония строго:

Не спите там, я Вас прошу!
Хозяин может возвратиться!

Слышны шаги в прихожей, Антония смотрит на дверь:

О Боже, что опять за шум?!

Донья Юлия уже с испугом:

О Боже, что опять за шум?! — донья Юлия

С Ц Е Н А Ш Е С Т А Я

Действие происходит в спальне доньи Юлии. Донья Юлия восседает на кровати, вокруг неё суетится Антония. Входит с виноватым видом, с повязкой на голове угрюмый дон Альфонсо, делает знак Антонии уйти, та смотрит на донью Юлию, которая знаком успокаивает её. Антония делает книксен, уходит. Дон Альфонсо поёт:

Дуэт Альфонсо и Юлии

«Простите мне...»

1. Простите мне, виной молва, — дон Альфонсо
Дурные сны и голова, (показывает на повязку)
Гуляют по Севилье слухи...
Разносят слуги да старухи?! — донья Юлия

Скандалов, сплетен не терплю! — дон Альфонсо
Известно, как я Вас люблю!
Так глупо...

В это время дон Альфонсо пытается подойти к кровати, на что донья Юлия отвечает ему повелительным жестом и тоном:

Отойдите к двери! — донья Юлия
Как можно разным слухам верить?!

Дон Альфонсо отступает, продолжает виновато оправдываться, снова пытается подойти ближе к кровати:

2. Мне доносили раза три, — дон Альфонсо
Клевещут, чёрт их побери!
Я Вас нечаянно обидел,
Поверил, а ведь сам не видел!
Лишил рассудка страх измен!

Дон Альфонсо падает на колени перед кроватью:

Прошу прощения с колен!

Донья Юлия непреклонна, она повелительным жестом показывает ему на дверь, дон Альфонсо снова отступает.

Помилуйте, с меня довольно! — донья Юлия

Донья Юлия театрально хватается за сердце

Ой, почему так сердцу больно?!

Далее донья Юлия переходит в атаку:

3. Сказали б лучше о своём,
С Инес ведь Вы грешны вдвоём?

В этот момент шкаф качнулся, дон Альфонсо бросил взгляд на шкаф, но пытается быстро возразить донье Юлии:

Откуда эта сплетня злая?! — дон Альфонсо
Вы думали, что я не знаю?! — донья Юлия
О, ужас! Но настанет час,
Когда проснётся совесть в Вас!
Простите, ангел мой, и снова... — дон Альфонсо
Я больше не скажу ни слова! — донья Юлия

Дон Альфонсо снова падает на колени перед кроватью, говорит умоляющим тоном:

Дон Альфонсо: Пошады я у Вас прошу!
Донья Юлия: Ни слова больше не скажу!
Дон Альфонсо: Простите мне, забудем оба...

В этот момент дон Альфонсо случайно под кроватью натывается рукой на мужские башмаки, достаёт их, изумлённо смотрит на свою находку, качает головой. Резко поднимается, смотрит в глаза доньи Юлии, далее гневно:

Пардон, а это что за обувь?!!

Донья Юлия растерялась, не знает что ответить, Дон Альфонсо вертит перед глазами башмаки, прикладывает их к своим башмакам, багровеет, бросает взгляд на шкаф, грозно:

На месте быть! Отсель ни шагу!

Дон Альфонсо срывает с головы повязку, бьёт себя по лбу:

Ну как же позабыл я шпагу!

Дон Альфонсо выбегает из спальни доньи Юлии, та быстро вскакивает с постели, подбегает к шкафу, открывает его, выводит за руку дон Жуана со словами:

Донья Юлия: Беги, мой друг, беги скорей,
В окно, пожалуй! Так верней!
Там, вроде, никого не видно!
Мы расстаёмся! Как обидно!

Дон Жуан настолько растерян, что не может сказать ни слова, донья Юлия по-хозяйски открывает окно, останавливает возле него дон Жуана, нежно прижимается к нему:

Донья Юлия: Дай поцелую! *(целует его крепко и долго)*
 Поспеши!
 Прощай, звезда моей души!

Дон Жуан, пометавшись между окном и дверью, бросается к двери, распахивает её и сталкивается с доном Альфонсо, который возвращается со свечой и шпагой. Дон Жуан кулаком сбивает его, дон Альфонсо кричит от боли, роняет свечу, та гаснет, он теряет шпагу, они дерутся в прихожей. Вбегает в спальню Антония, она кричит, усиливая суматоху:

Антония: Сюда скорее! Воры! Воры!
Дон Альфонсо, озверев:
Дон Альфонсо: Убью! Не потерплю позора!

Дон Альфонсо весь в крови, дерётся с дон Жуаном, они влетают в спальню доньи Юлии, та с криком «Ах!» падает в обморок, вбегают слуги, всё перевернуто, разбито, Антони рыдает. Дон Альфонсо на секунду опешил, дон Жуан, воспользовавшись моментом, вырывается из рук дон Альфонсо, выскакивает в открытое окно спальни и исчезает.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Действие происходит в гостиной доньи Инес. В гостиную быстрыми шагами входят донья Инес, дон Жуан, за ними послушно Лепорелло. Донья Инес поёт:

Дуэт доньи Инес и Лепорелло

«Какой скандал!»

1. Какой скандал! По всей Севилье скоро, — донья Инес
Склонять нас будут злые языки!
Смотрите шире, почему так скромно, — Лепорелло
Известны в мире наши земляки!

Я свечи ставила святой Марии-деве, — донья Инес
Но почему так вышло, не пойму?
Вы об Адаме вспомните, о Еве, — Лепорелло
Запретный плод так сладок почему?

2. Откуда эта дьявольская сила?! — донья Инес
О, как же голова болит моя!
Я дон Жуана отослать решила
С тобой, мой друг, в далёкие края!
Сеньора, Вы во всём, конечно, правы, — Лепорелло
Хоть это всё похоже на побег,
А в тех краях царят какие нравы?!
Едино всё! Таков уж человек!

3. Теперь мой сын в Севилье под запретом, — донья Инес
А дон Жуана имя на устах!
Мне говорили, мог бы стать поэтом,
О бабочках писал бы, о цветах!
Слыхали о судьбе подруги милой? — Лепорелло
Муж в монастырь её сослал вчера, — донья Инес
Чтобы она грехи там замолила!
Пусть Бог простит!
Простите, нам пора! — Лепорелло

Во время пения дон Жуан виновато переводит взгляд с доньи Инес на Лепорелло, мимикой лица подыгрывая им. После последних слов Лепорелло дон Жуан с готовностью вскакивает, подбегает к матери. Короткие проводы, слёзы доньи Инес, напутствия. Дон Жуан и Лепорелло выбегают из гостиной, донья Инес подходит к окну, машет отъезжающим платком, слышен удаляющийся цокот копыт.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Действие происходит на фоне монастыря. Слышно, как сначала приближается цокот копыт, потом удаляется. Донья Юлия в одеянии монахини подходит к окну, смотрит на дорогу, поёт:

Песня доньи Юлии из монастыря

«Нас разлучили, не стихает боль»

1. Нас разлучили, не стихает боль,
Счастливые романы так не часты!
Та страсть переросла в любовь!
Уехал ты, а я — несчастна!
И некому сказать мне про беду,
Умчался ты неведомой дорогой,
Остаток дней своих я проведу
В раскаянье, в молитве строгой.

Припев: Я буду жить, дышать одним тобой!
Один лишь ты мне вечно будешь сниться!
Мне суждено хранить в душе любовь,
Тебя любить и за тебя молиться!
Люблю тебя, мой мальчик, милый мой!
Прости меня, прости, мой голубь ясный!
Останься навсегда моей весной!
Люби меня! Всё было не напрасно!

2. Как воды в океан несёт река,
Вот так мои мечты к тебе летели!
Казалось, держит лук судьбы рука,
Но стрелы не достигли цели!
Ты будешь жить, других любить, ласкать,
Я знаю, что не может быть иначе!
К любимой будешь на коне скакать,
Желаю я тебе удачи!

Припев.

По окончании песни донья Юлия уходит вглубь своей кельи.

КОНЕЦ ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Действие происходит в саду возле дома (он на сцене справа) дон-на Сильвы — командора. Вечер, дон Сильва и его дочь, донья Анна, сидят в беседке (в центре сцены). Слышно пение соловьёв, звучит райская мелодия. Они поют:

Дуэт командора и доньи Анны

«Тихий вечер, соловьи»

1. Тихий вечер, соловьи — донья Анна

Напевают о любви,

Разве что-то есть любви дороже?!

Стал я часто замечать, — командор

На покойную ты мать,

Ангел мой, так сильно ты похожа!

Припев: Неизбежно расставанье, — вместе

И слова все на прощанье

Нами были сказаны!

Точно знаем, что в разлуке

Будем помнить друг о друге,

Навсегда мы связаны!

Навсегда мы связаны!

2. В сердце самое проник — донья Анна

Дон Октавио, жених,

Влюблена, хоть мало мы знакомы...

Это жизнь, вам добрый путь! — командор

Но меня не позабуди!

Вспоминай очаг родного дома!

Припев.

Далее донья Анна взволнованно:

Донья Анна: На душе моей отрадно!

Обращается к отцу:

Но становится прохладно!

Донья Анна набрасывает на плечи платок, командор встаёт, показывает на закат:

Командор: Солнце село, спать пора,
Расстаёмся до утра!

Командор даёт руку донье Анне, она встаёт, он нежно, по-отечески обнимает дочь, они вместе уходят в дом. Сначала свет загорается в двух комнатах дома, но через некоторое время гаснет. Тишина. Вскоре раздаётся приближающийся цокот копыт, потом слышно, как лошади остановились, слышны приближающиеся шаги. Слева к изгороди дома крадутся дон Жуан и Лепорелло. Лепорелло ворчит:

Лепорелло: Вне дома с вами мы лет десять...

Дон Жуан: Твоё нытьё меня так бесит!

Лепорелло, оправдываясь:

Лепорелло: Инесс я, донью, вспомнил, дом...

Дон Жуан: Молчи! Поговорим потом! (далее поёт)

Дуэт дон Жуана и Лепорелло

«Вчера я видел»

1. Вчера я видел мельком донью Анну, — дон Жуан

Как спелый персик!

Восемнадцать ей! — Лепорелло

И замуж собралась!

Я ждать не стану, — дон Жуан

Дон Жуан в предвкушении добычи потирает руки:

Сегодня будет девочка моей!

О доме лучше думать, чем о чём-то?! — Лепорелло

Зачем Вам эта глупая девчонка?!

Дон Жуан показывает Лепорелло жестом, мол, не твоего ума дело, веди себя тише! Они подходят к изгороди перед домом, заглядывают за изгородь. Тихо. Везде погашен свет. Становится темно.

2. Пришли!

— дон Жуан

Лепорелло узнаёт дом, со страхом:

Дом дона Сильвы?! Командора?! — Лепорелло

Иди, взгляни, случайно нет собак? — дон Жуан

Я не пойду! — Лепорелло

Ступай без разговора! — дон Жуан

Чего это артачишься, дурак?!

Мне голос внутренний сказал: «Не надо!» — Лепорелло

И боязно, когда собаки рядом!

3. Откуда здесь собаки?! Ведь не лают!

— дон Жуан

Лепорелло принимает позу, гордо:

В неблагоприятных этаких делах — Лепорелло

Участвовать я больше не желаю!

И так склоняют нас на всех углах!

Интимной тайны явно не открою, — дон Жуан

Но вижу, что-то случилось с тобою!

4. Быть может кошелёк тебе поможет?!

Дон Жуан достаёт кошелёк, бросает его Лепорелло, тот ловко ловит кошелёк, с сомнением:

Возможно, но сомнения в груди... — Лепорелло

Лепорелло снова принимает позу, гордо:

К тому же репутация дороже!

Дон Жуан бросает ему второй кошелёк, Лепорелло радостно ловит его, мол, другое дело! Дон Жуан машет на него рукой, далее показывает на дом:

Понятно всё с тобой! Иди! Иди! — дон Жуан

Лепорелло, вздыхая:

Ну что ж, уговорили на участие!

Далее в зал, оправдываясь:

Хотя, конечно же, не в деньгах счастье!

Убирает кошельки в карман, ловко перепрыгивает через изгородь. Исчезает в темноте, вскоре он возвращается, показывает жестом хозяину, что всё в порядке. Дон Жуан снова потирает в предвкушении руки, приказывает Лепорелло:

Дон Жуан: Пока я в дом хожу, ты стой на страже!
Как только выйдем с ней, уедем сразу!

Дон Жуан скрывается за изгородью. Вскоре в доме зажигается свет, в окнах видны силуэты дон Жуана и командора дон Сильвы, слышен громкий разговор:

Командор: Ну, здравствуй, негодяй! Зачем ты здесь?!
Дон Жуан: За доньей Анной, будущий мой тесть!

Видно, как участники диалога одновременно выхватывают шпаги, начинается схватка. Сначала слышен возглас дон Жуана, потом предсмертный крик дон Сильвы, видно, как он падает, как выбегает к ним донья Анна, она кричит и сразу же падает в обморок. Дон Жуан подхватывает её на руки и исчезает из поля зрения. Вскоре он появляется перед Лепорелло, на его плече обмотанная в покрывало донья Анна. Дон Жуан грубо сбрасывает донью Анну на руки Лепорелло со словами:

Дон Жуан: Давай-ка, помогай мне! Вот прими!
Ты слышал, как кричала, чёрт возьми!

Лепорелло, приняв донью Анну, со страхом:

Лепорелло: Вы что же, закололи дона Сильву?

Дон Жуан: Он тоже меня ранил... Но не сильно!

После осмотра своей раны, дон Жуан радостно:

Дон Жуан: Уверен, рана скоро заживёт!

Лепорелло: От страха, видно, заболел живот!

Лепорелло держится за живот, но дон Жуан, оглядываясь, командует:

Дон Жуан: Давай, неси, не ровен час, погоня!

Берут покрывало с двух сторон, несут. Лепорелло ворчит:

Лепорелло: Вы думаете, так удобно донье?

Уносят донью Анну, вскоре слышен удаляющийся цокот копыт.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Действие происходит в таверне. За столами сидят восемь мужчин и три женщины, веселятся, выпивают, закусывают. Среди присутствующих дон Педро. Звучит музыка, на сцену вылетает Элеонора, она зажигательно танцует фламенко, все с любовью смотрят на неё, потом с завистью на дона Педро, который, вальяжно развалившись, наслаждается этой картиной. По окончании танца раздаются бурные аплодисменты, кто-то кидает Элеоноре цветы, ревнивый дон Педро вскакивает, хватается за шпагу, ищет взглядом смельчака. Элеонора жестом успокаивает его, снова звучит музыка, Элеонора поёт (стихи Г.А. Беккера в переводе А. Плотникова):

Песня Элеоноры

«Я и ты»

1. Волна без пляжа, плачущая где-то,
Летающая в ночи к тебе комета,
Желанье вечное, в душе тая,
Как хрипы ветра, жалоба моя,
Всё это я!
Всё это я!
Всё это я!
2. Хочу тебя коснуться, как виденье
Мелькаешь всякий раз воздушной тенью,
Ты исчезаешь, как туман, как сон,
Над озером летает звук, как стон,
И тонет он.
И тонет он.
И тонет он.

Слышен приближающийся цокот копыт.

3. Струится ткань из лёгкого тумана,
Кайма на берегу из пены рваной,
И звуки арфы золотой слышны,
Зефир целует, льётся свет волны!
Всё это — ты!
Всё это — ты!
Всё это — ты!

При исполнении последних трёх строчек дон Педро млеет, а Элеонора с надеждой смотрит на входную дверь, закрывает глаза, в это время в таверну стремительно входит дон Жуан, за ним Лепорелло. Раздаются бурные аплодисменты, Элеонора открывает глаза и видит перед собою свою прежнюю любовь:

Элеонора: Я так ждала, любовь моя!

Смотрит на него с любовью, с некоторым недоверием:

Так это ты?!

Дон Жуан: (гордо) Да, это я!

Лепорелло незаметно присаживается за ближайший столик. В это время дон Педро вскакивает, как ужасенный, подлетает к дон Жуану, решительно:

Дон Педро: Синьор, сюда Вы опоздали!

Дон Жуан отвечает с усмешкой, уверенно:

Дон Жуан: Я опоздал сюда?! Едва ли! (далее Элеоноре)
Элен, кто этот господин?

Элеонора, немного смутившись, с пренебрежением:

Элеонора: Да так, знакомый мой один!

Дон Педро: Но как же так, Элеонора?!
Забыли Вы меня так скоро?!

Дон Педро пытается приблизиться к Элеоноре, но дон Жуан загоразживая её, далее решительно дону Педро:

Дон Жуан: Синьор, уйдите, я спешу!
Не то Вас шпагой попрошу!

Дон Жуан и дон Педро одновременно выхватывают шпаги, начинается схватка, которая быстро завершается элегантным выпадом дон Жуана и уколом в сердце дон Педро. Дон Педро вскрикивает и бездыханно падает. Женичины в таверне взвизгнули. Элеонора вскрикивает, после чего прижимается к дон Жуану. Дон Жуан удовлетворён. Гордо, спокойным тоном:

Дон Жуан: Увы, теперь он холодный труп!

Дон Жуан вынимает и бросает кошелек на ближайший стол:

Убрать его! Плачу за труд!

Два господина берут кошелёк, подходят к дону Педро, берут того за руки и за ноги, несут к выходу, в это время дон Жуан берёт со стола салфетку, вытирает кровь со своей шпаги, целует её, обращается к ней:

Дон Жуан: Благодарю! Достигла цели! (далее в зал)
 Зачем же запрещать дуэли?!

Делает жест в сторону двери, куда выносят тело дона Педро:

Вот так достойно умереть!

Присутствующие в таверне постепенно приходят в себя:

1-й господин: Скажите, что такое смерть?

Дон Жуан ухмыляется, звучит бравурное танго, он поёт и танцует, Элеонора танцует возле него:

Песня дон Жуана в таверне

«Что такое смерть?»

1. Ну что такое смерть? Увы,
 Банально, продолжение жизни!
Увы, законы таковы:
Над всеми нами перст судьбы,
Но не теряйте головы!
 С рождения до тризны!
Когда поманит из окна
 Тебя красотка нежным взглядом,
Беги скорее, жизнь одна!

Дон Жуану протягивают бокал вина, он поднимает его:

За женщин пьём бокал вина!
И сердце трогает струна,
 Когда подружка рядом!
 Когда подружка рядом! (поют все)

Припев: Пусть сожаленья
Уйдут в забвенье,
Придут мгновенья,
Где наслажденья!
Где неба синева,
Зелёная листва,
Кружится голова!
Слова любви, любви слова! *(поют все)*

Дон Жуан выпивает вино, за ним следуют остальные:

2. Что жизнь?! То вечный карнавал
И наслажденье без запрета!

Дон Жуану протягивают новый бокал вина, он поднимает его:

Поднимем же вина бокал
За плечи, ножки, губ коралл!
За то, что шпага и кинжал
Верны руке поэта!
Нас в неизведанную даль
Несут стремительные кони!
И снова лёгкая вуаль
Прикроет глаз твоих печаль,
И для врагов, конечно, жаль,
Уйдём мы от погони!
Уйдём мы от погони! *(поют все)*

Припев

Дон Жуан вместе со всеми выпивает вино. В таверне все восторженно смотрят на дон Жуана, женщины пытаются приблизиться к нему, но разгорячённая Элеонора их опережает, она страстно обнимает дон Жуана за шею:

Элеонора: Я вся пылаю! Вся в огне!

Показывает взглядом на лестницу, ведущую на второй этаж:

Пойдём, красавец мой, ко мне!

Дон Жуан и Элеонора убегают по лестнице в её комнату, слышно, как дверь запирается на задвижку изнутри. Все постепенно успокаиваются, вспоминают произошедшую на их глазах дуэль, пьют вино, с завистью смотрят на дверь комнаты Элеоноры, с пониманием кивают головами. Звучит минорная мелодия, Лепорелло, который до этого момента писал что-то гусиным пером, отрывается от письма, поёт:

Песня Лепорелло

«Любовь сердца пленяет»

1. Любовь сердца пленяет нам весной,
Тогда поэты пишут вам сонеты.
Всё в прошлом! Не случается со мной,
Не повторяется картина эта!
Всё в прошлом! Не случается со мной,
Не повторяется картина эта!
2. Былой отваги нынче в сердце нет,
Закрыта тайная калитка сада,
Седы виски мои, я сердцем сед,
Ни гнева, ни восторга мне не надо!
Седы виски мои, я сердцем сед,
Ни гнева, ни восторга мне не надо!
3. Жаль, дни любви прошли, сошла вода,
И лишь туман над речкою клубится,
Я больше не поверю никогда
Ни женщинам, ни вдовам, ни девицам!
Я больше не поверю никогда
Ни женщинам, ни вдовам, ни девицам!
4. Спокойно сердце бьётся, знаю я,
Его не тронут пламенные взоры,
Немного стал писать для вас, друзья,
Про дон Жуана вот пишу, синьоры!

Во время исполнения этих строк Лепорелло кладёт на стол гусиное перо и делает жест в сторону двери Элеоноры.

Немного стал писать для вас, друзья,
Про дон Жуана вот пишу, синьоры!

Во время исполнения последних слов мужчины один за другим встают, подходят с угрожающим видом к Лепорелло:

1-й господин: Скажи нам, это не обман,
Хозяин твой есть дон Жуан?!
2-й господин: Убил синьора командора
И надругался над синьорой?!
3-й господин: Над доньей Анной, ангелком?!
Он тот, спросили мы о ком?

Лепорелло пытается уйти от ответа, с виноватой улыбкой:

Лепорелло: О, не совсем, ну как сказать...

Лепорелло пытается встать и выскочить из таверны, но его решительно останавливают:

4-й господин: Сидеть! Смотри-ка нам в глаза!
Он тот преступник и развратник?!

Лепорелло снова встаёт, пытается выйти, но его опять решительно останавливают.

1-й господин: Сидеть! Иди сюда, обратно!
2-й господин: А ну-ка честно нам скажи,
Ты состоишь при нём всю жизнь!
3-й господин: Его слуга ты, Лепорелло?

Лепорелло безнадежно вздыхает, разводит руками, пытается неловко оправдываться:

Лепорелло: Да, это я... Но вот в чём дело...

Но синьоры его уже не слушают, они резко вынимают шпаги, идут к лестнице и осторожно поднимаются по ней. В это вре-

мя Лепорелло выскакивает из таверны, обегает её, кричит в окно второго этажа;

Лепорелло: Хозяин, к вам беда! Беда!
Скорее прыгайте сюда!

Слышно, как мужчины стучат в дверь:

4-й господин: Открой, Элеонора, двери!
1-й господин: Мы кое-что должны проверить!

Слышен голос Элеоноры, кокетливо:

Элеонора: Минуточку! Иду, иду!
Себя в порядок приведу!

Слышно, как открывается окно, как дон Жуан выпрыгивает из окна вниз. Через мгновение слышен удаляющийся цокот копыт.

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

Действие происходит во внутреннем дворе монастыря Святого Франциска. Всё готово к открытию памятника командору. Слева, издалека дон Жуан и Лепорелло наблюдают за церемонией. Настоятель монастыря дёргает шнур, покрывало с памятника падает, 1-й и 2-й монахи собирают и уносят его, донья Анна, дон Октавио, а за ними уже остальные жители Севильи возлагают цветы к ногам командора. Вся в чёрном донья Анна стоит возле памятника, гладит ногу отца, плачет, поёт:

Песня доньи Анны

«Прости, отец...»

1. Не сохнут слёзы на глазах,
Прости, что вышло так ужасно!
Твоя душа на небесах,
Отец, я знаю, там прекрасно!

Тебя любили все, цветы
У ног твоих сейчас алеют,
Разбиты девичьи мечты!
В Севилье нас с тобой жалеют!
Жалеют!

Припев: Прости свою родную дочь,
Которая тебя так любит!
Нас разлучила злая ночь,
Нас разлучили злые люди!
Злодеев ждёт Небесный суд,
Там страсть не путают с любовью!
Я верю, судии придут
И отомстят за нас с тобою!
И отомстят за нас с тобою!

2. Ты там, где тихо и светло...
Я всё отдам без сожалений
За то, чтобы вернуть тепло,
Тепло, тепло твоих коленей!
Стоишь ты в камне, как живой,
И мне, я чувствую, незримо
Киваешь мудрой головой,
Будь счастлив там, отец любимый!
Любимый!

Припев.

Дон Октавио уводит плачущую донью Анну, уходит настоятель монастыря, жители Севильи постепенно расходятся, остаются одни монахи. Они некоторое время совещаются между собой:

Песня монахов монастыря

«Ты где, убийца и развратник?!»

1. Ты где, убийца и развратник?! — все
Хочу сегодня вам сказать: — 1-й монах
Что мы его, монахи-братья,
Должны сурово наказать!
Должны сурово наказать? — все

Снискал всемирную он славу, — 2-й монах
 Не с той, как нужно, стороны.
 Отправим мы его по праву
 Под землю, в царство Сатаны!
 Под землю, в царство Сатаны! — все
Припев: Скрывать мы имени не станем, — все
 Конечно, речь о дон Жуане!
 И должен быть наказан он
 За беды всех севильских жён!
 За беды всех севильских жён!
 Одно есть верное решение:
 Приходит за грехи отмщенье!
 Бальзам вам для душевных ран,
 Погибнуть должен дон Жуан!
 Погибнуть должен дон Жуан!

Услышав эти слова, дон Жуан и Лепорелло заходят за стену.

2. Как заманить его? — все

1-й монах приглашает остальных подойти поближе, шепчет:

На счастье — 1-й монах
 Есть ахиллсова пята!
 Он пленник вожделенной страсти!
 Откроем для него врата!
 Откроем для него врата! — все
 На завтра в монастырь под вечер — 1-й монах
 Его заманим!
 Уговор?! — 3-й монах
 Здесь правый суд и те же речи! — 1-й монах
 Суровым будет приговор! — 4-й монах
 Суровым будет приговор! — все

Припев.

Монахи уходят, вскоре к памятнику подходят дон Жуан и Лепорелло. Дон Жуан в хорошем расположении духа, ироничен.

Дон Жуан: Ты слышал, им нужна погибель?!

Лепорелло: Не только слышал, но и видел...

Дон Жуан: Смотри, как памятник хорош!

Лепорелло: Он как живой! И так похож!

Дон Жуан по-деловому хлопает по ноге командора:

Дон Жуан: Так вышло, но Ваш век короткий...

Лепорелло кивает головой в сторону выхода:

Лепорелло: Как убивается сиротка...

Дон Жуан: Да, это жизнь! Суров закон:

Не я его, убил бы он!

Лепорелло: Вы правы, господин, конечно...

Дон Жуан перебивает его, с пафосом:

Дон Жуан: А вот пред нами просто вечность! (*Лепорелло*)

Пора идти, дела нас ждут!

Лепорелло: Позвольте, я побуду тут?!

Дон Жуан машет на него рукой, поворачивается, идёт обратно. Лепорелло внимательно рассматривает лицо командора, вдруг командор головой кивает ему. Лепорелло вскрикивает от ужаса, поворачивается и бежит за дон Жуаном, тот останавливается. Лепорелло подбегает к нему, запыхавшись:

Лепорелло: Живой он! Головой кивает!

Всё видит он! Всё понимает!

Дон Жуан: Несёшь опять какой-то бред!

Далее дон Жуан весёлым тоном, с иронией:

На ужин или на обед
Велю позвать я командора! (*смотрит на небо*)
Зови на ужин, ужин скоро!

Лепорелло: От страха я чуть не того... (*гладит живот*)
Дон Жуан: На ужин позови его!

Лепорелло нерешительно возвращается к статуе:

Лепорелло: Побеспокою Вас, простите,
Прийти на ужин не хотите?

Статуя командора в ответ утвердительно кивает головой, Лепорелло снова вскрикивает, приседает, резко поворачивается и снова бежит к дон Жуану. Тот весело:

Дон Жуан: Ну что?
Лепорелло: Ответил, что придёт!

Лепорелло с гримасой боли хватается за свой живот:

Ой, что-то заболел живот!

Убегает вперёд дон Жуана, тот, насвистывая весёлую мелодию, уходит вслед за ним. Через некоторое время слышен удаляющийся цокот копыт.

СЦЕНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Действие происходит возле ворот монастыря Святого Франциска, которые находятся в левом углу сцены. Слышен приближающийся цокот копыт. Вскоре к воротам подходит дон Жуан, за ним Лепорелло, который держится за живот. Они останавливаются у ворот. Дон Жуан достаёт из кармана записку, некоторое время читает её, поёт гордо, с пафосом и иронией, подражая дамам:

Дуэт дон Жуана и Лепорелло

«Увидела, о всех забыла»
1. Увидела, о всех забыла! — дон Жуан
Мгновенно Вас я полюбила!
Так благодарна я судьбе!

Далее с удивлением обращается к Лепорелло:

Увидела? Не пишет где?
Однако вот не пишет, где?! — вместе

2. Мы с Вами встретимся случайно, — дон Жуан
И наш роман пусть будет тайной!
Вас буду ждать в монастыре!
Как странно, что в такой дыре! — Лепорелло
Так странно, что в такой дыре! — вместе

3. Там в ходе дружеской беседы — дон Жуан
Я собираюсь Вам поведать,
Как обижает старый муж!
Да, да, конечно! Знаем уж! — Лепорелло
Да, да, конечно! Знаем уж! — вместе

4. Красива я и так богата! — дон Жуан
Жаль, Вас не встретила когда-то!
В любви бы жили мы лет сто!
Конечно, жили бы! А то?! — Лепорелло
Конечно, жили бы! А то?! — вместе

5. Постскрипtum: Как Вы хороши! — дон Жуан
Вы, дон Жуан, бальзам души!
Вы мой единственный мужчина!
А подпись? — Лепорелло
Вот стоит, Кристина! — дон Жуан
И подпись вот стоит, Кристина! — вместе

Далее дон Жуан обращается к Лепорелло, с интересом:

Дон Жуан: Кто передал тебе записку?
Лепорелло: Монах... (далее, показывая на записку)
Высокопарно слишком?

В это время откуда-то сверху каркает ворон, Лепорелло поднимает голову вверх, указывает дон Жуану на этот предупреждающий знак, но дон Жуан отмахивается от него, после чего

подходит и решительно стучит в дверь, дверь тут же открывается, выходит 1-й монах. Дон Жуан гордо:

Дон Жуан: Назначили мне встречу тут!
1-й монах: Пожалуйста, давно Вас ждут!

Дон Жуан кивает Лепорелло, мол, видишь, всё в порядке, монах пропускает в дверь дон Жуана и Лепорелло, входит за ними в монастырь сам. В зале темно. Неожиданно монахи хватают дон Жуана и Лепорелло, связывают их, дон Жуана усаживают в центр на импровизированную скамью подсудимых, Лепорелло — на скамью в зале. Слева появляется настоятель монастыря — судья, справа сидят присяжные заседатели — монахи. Судья бьёт молоточком в тарелочку, поёт:

Песня монахов монастыря и дон Жуана (суд)

«Начнём с прелюбодейства...»

1. Начнём с прелюбодейства с доньей Юлей!

Дон Жуан: Тут всё взаимно! Нет моей вины!

Судья: Севилья растревожилась, как улей!

Вы до чужой ходили до жены!

Дон Жуан: Всё это ханжество и предрассудки! *(далее шутит)*

Я был Адамом, Евою она!

Судья: Здесь, в храме, не уместны Ваши шутки!

Вердикт суда?

Присяжные монахи: Доказана вина!

Доказана, доказана вина!

Судья дон Жуану, показывая в сторону присяжных монахов:

Судья: Вот видите, доказана вина!

Дон Жуан пытается что-то сказать, но судья продолжает:

2. А скольких дам, синьор, Вы взяли силой?!

Вот дочка командора, например!

Дон Жуан: Она меня так сильно укусила!
Дикарка! Видно, вышла из пещер!
Судья: Над знатной доньей Анной надругались!
Она была невинна и юна...
Дон Жуан: Пришла любовь, и тут не до регалий!
Судья: Вердикт суда?
Присяжные монахи: Доказана вина!
Доказана, доказана вина!
Судья: Вот видите, доказана вина!

Дон Жуан снова пытается что-то сказать, но судья энергично продолжает:

3. Теперь убийства!

Дон Жуан: Это же дуэли!
Судья: Они в Испании запрещены!
Был командор, на прошлой же неделе
Убит дон Педро! Все возмущены!
Дон Жуан: Дон Педро? Он — любовник Леоноры!
Принципиальность ваша не видна!
Судья: Мы с Сатаной тут не вступаем в споры!
Вердикт суда?
Присяжные монахи: Доказана вина!
Доказана, доказана вина!
Судья: Вот видите, доказана вина!

Судья встаёт, бьёт молоточком в тарелку, давая понять, что суд окончен. Дон Жуан вскакивает со своей скамьи, пытается выиграть время, кричит:

Дон Жуан: Не торопитесь! Вывод слишком скорый!
Я, может быть, раскаяться хочу!
Судья: Всё кончено! К чему нам разговоры?!
Пора работу дать и палачу!

Во время суда бледный Лепорелло крутит головой, пытается вырваться, но безуспешно. Два монаха подходят к дон Жуану и уводят его за дверь. Вскоре из-за двери раздаётся предсмерт-

ный крик дон Жуана. Лепорелло хватается за голову, а когда отнимает от головы руки, видно, что он поседел. Пытается что-то сказать, мычит, он стал немым. Судья переводит взгляд на Лепорелло, потом обращается к монахам-присяжным:

А что с тобой? Ты ждёшь суда, прислужник?!
Твою судьбу решил, как пастырь, я:
Со дня сегодняшнего ты послушник
Святого этого монастыря!

Лепорелло на радостях перекрестился, монахи подходят к нему, развязывают его и уводят внутрь монастыря. Все покидают сцену. Через некоторое время в монастыре появляется настоятель монастыря, к нему бегут возбуждённые жители Севильи. Настоятель монастыря спокойно, рассудительно:

Настоятель: Я вижу, вас сегодня много!
Откуда же в глазах тревога?
1-я жительница: Прошу, скажите правду нам,
Ушёл из жизни дон Жуан?!
1-й житель: Все говорят! Севилья в страхе!
Есть слух, замешаны монахи!
2-й житель: Кивают все на Божьих слуг,
Что их, мол, это дело рук!
Настоятель: Монахи?! Нет! Молились дружно!
Известно, это их оружие!
А дон Жуан? Так он грешил...
3-й житель: Но кто же суд над ним свершил?!
2-я жительница: И как?! Не знаете, случайно?
Настоятель: Ну что ж, для вас открою тайну!

В это время в одежде послушника к настоятелю монастыря подходит седой Лепорелло, молча кивает ему головой. Настоятель монастыря показывает рукой на Лепорелло, как на подтверждение своей версии, приглашает прихожан:

Пройдёмте в дальний угол.

Показывает на дальний угол, идёт туда, все идут за ним. Настоятель монастыря начинает свой рассказ:

Всё было так: нам всем помог...

Настоятель монастыря и прихожане уходят со сцены.

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ

Действие происходит в богато убранной комнате дома дон Жуана. Вечер, дон Жуан ужинает под огромным своим портретом, Лепорелло подносит ему блюда, подливает в бокал вино.

Лепорелло: В свой дом прокрались мы, как воры...

Дон Жуан, не отрываясь от трапезы, раздражённо:

Дон Жуан: Ну что опять за разговоры?!

Лепорелло: Представьте только, дом, семья!

Дон Жуан отрывается от трапезы, более раздражённо:

Дон Жуан: Ты видишь, ужинаю я!?

В это время в дверь излишне громко стучатся, дон Жуан небрежно указывает Лепорелло рукой в сторону двери, тот с недовольным лицом идёт открывать дверь, выходит из комнаты. Раздаётся за дверью крик, бледный Лепорелло вбегает в комнату, прячется за шкаф, ничего сказать не может, только с ужасом в глазах показывает на дверь рукой. Входит каменный гость — статуя командора.

Дуэт командора и дон Жуана

«Изволили позвать на ужин»

1. Изволили позвать на ужин,

— командор

И в час назначенный я здесь!

Дон Жуан растерялся, но приглашает гостя к столу:

Вы, кстати, не хотите есть? — дон Жуан
Нет, нет, Ваш ужин мне не нужен! — командор

Дон Жуан продолжает есть, удивлённо:

Тогда чего же Вам угодно?! — дон Жуан
Чтоб Вы покаялись в грехах! — командор

Дон Жуан прекращает есть, в глазах его появляется страх, командор подходит к столу напротив дон Жуана, смотрит ему в глаза, угрожающе звучит его голос:

В глазах я замечаю страх,
На всё ведь воля есть Господня!

Лепорелло из-за шкафа испуганно выглядывает, слушает их диалог. Дон Жуан постепенно приходит в себя, отвечает с нотками небрежности:

2. Зачем же?! Каяться не стану! — дон Жуан

Далее более уверенно, с гордостью:

Я буду жить, как раньше жил!
И наслаждаться в меру сил!

Командор разводит руками, удивлённо:

Ответ такой мне слышать странно! — командор
Женитесь, дело то за малым,
Вы тихо жили бы с женой!

Дон Жуан с раздражением и злой иронией:

Зачем?! Вы — камень, я — живой!

Далее с гордостью, с нотками романтики:

Всю жизнь гонюсь за идеалом!

Командор апеллирует к залу, с горькой усмешкой:

3. Скорей комедия, чем драма! — командор

Командор дон Жуану с иронией:

Догнали?
Нет, но я стремлюсь! — дон Жуан
Вот, на свиданье тороплюсь!

Командор дон Жуану опять с иронией:

Опять очередная дама?! — командор

Дон Жуан не слышит вопроса командора, напевает уже веселым голосом, с нафосом и театральными жестами:

И я, предчувствуя разлуку,
Вам говорю: пока, пока! — дон Жуан

Командор подходит к дон Жуану, протягивает ему руку:

Вот на прощание рука,
Синьор, позвольте Вашу руку! — командор

Дон Жуан колеблется несколько мгновений, но под давлением взгляда Лепорелло нехотя протягивает командору свою руку. Раздаётся страшный удар грома, сверкает молния, каменный гость проваливается в преисподнюю, увлекая за собой дон Жуана. Лепорелло на коленях подползает к краю ямы, заглядывает в неё, крестится, далее с ужасом:

Лепорелло: Куда Вы?! Дон Жуан?! Синьор?!

Лепорелло ждёт ответа, прислушивается, кивает головой:

Наверно, Вы уже в аду?!

Лепорелло хватается в ужасе за голову, а когда разнимает руки, его голова уже вся седая. Крестится:

И что мне делать с этих пор?! (жест на яму)
Туда за Вами не пойду!
Конечно, мой удел не сладок,
Я ведь предчувствовал беду!
На волю отпущу лошадок,
Замаливать грехи пойду!

Лепорелло снова крестится, встаёт с колен, пытается что-то сказать, не может, мычит. Он в ужасе убегает со сцены.

СЦЕНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Действие происходит на фоне комнаты дон Жуана. На сцену выбегает шут, колокольчики весело звенят на его шапочке, шут ходит по сцене, общается с залом:

Шут: Как вам история моя?
Теперь вы с ней знакомы!
Но, то заморские края,
У нас-то по-другому!
Позвольте в яму заглянуть,

В это время шут подходит к яме на сцене, говорит с пафосом:

В пристанище порока!

Заглядывает в яму, вздрагивает, далее испуганным голосом:

Ну что тут скажешь? Просто жуть!
Темно там и глубоко!
Кругов там много и колец...

Шут отходит, машет на яму рукой, поворачивается к залу:

История задела?
Вам не понравился конец?
Что стало с Лепорелло?
Я сам, признаюсь, не пойму,
Где плакать, где смеяться?!

И дон Жуану почему
Все подражать стремятся?
Сбежал от Юлии герой,
Когда настала осень!
А в этом зале кто святой?!
Кто первым камень бросит?!

Шут подходит к рампе, внимательно смотрит в зал:

Что, нет таких?! А может, есть?!
Скорее прячьте взгляды!
Я в них могу не то прочесть,
Уж лучше бы не надо!
Понравился монахов суд?
Похоже на расправу?!
А что потом в народ несут!?
По-моему, не правы!
По сути, это клевета!
И в том видна сноровка!
Мне за служителей Христа
Тут несколько неловко!
Обиды ни к чему! Шучу!
Я их не критикую!
Признаться вам, друзья, хочу,
Историю такую
Я неудачно завершил,
Не на мажорной ноте!
Так мало места для души,

В это время шут прикладывает руки к своей груди.

Зато так много плоти!

В это время шут показывает руками округлые формы.

И плотских, так сказать, утех!
За то меня осудят!
Но не судите, это грех,
Не забывайте, люди!

Шут, показывая рукой на портрет дон Жуана, поёт:

2-я песня шута

«Конечно, добрый зритель вправе»

1. Конечно, добрый зритель вправе — *шут*
 За пьесу осудить решительно!
Но дон Жуан стремился к славе,
 А с этим всё так относительно!
Любовь познал он слишком рано!
 Отметить стоит обязательно,
Нашла и слава дон Жуана!
 Он стал героем нарицательным!

В это время на сцене появляются артисты хора и балета:

Припев: Под мирным небом и в пылу сражений — *шут и хор*

Всегда найдётся тысяча причин,
Естественно, для грубых осуждений
Мужчин и женщин, женщин и мужчин!
Кому не лень, бичуют все пороки,
От юных лет до старческих морщин!
Важнее из истории уроки
Извлечь для милых женщин и мужчин!
Важнее из истории уроки
Извлечь для милых женщин и мужчин!

2. Для тех из нас, кто верит в сказки, — *шут*

Всегда есть верное решение,
Однако не найти подсказки,
Когда пред Вами искушение!
Спешим на первое свиданье,
Так робко выглядим, застенчиво!
Грехов дарю вам оправданье:
Безбожно вы красивы, женщины!

Припев: Под мирным небом и в пылу сражений — *шут и хор*

Всегда найдётся тысяча причин,

Естественно, для грубых осуждений
Мужчин и женщин, женщин и мужчин!
Кому не лень, бичуют все пороки,
От юных лет до старческих морщин!
Важнее из истории уроки
Извлечь для милых женщин и мужчин!
Важнее из истории уроки
Извлечь для милых женщин и мужчин!

По окончании песни шут под аплодисменты артистов и зала с высоко поднятой головой гордо покидает сцену, далее звучит музыка, в исполнении артистов хора и балета начинаются заключительные песня и танец:

Песня-прощание с дон Жуаном

«Другое время...» *(артисты хора и балета)*

1. Другое время и другие нравы!
А, если что не так, то нас поправят!
История пришла издалека,
Но, то Севилья, средние века!
Там оказался дон Жуан во власти
Той самой, что его сгубила, страсти!
Но кто-то скажет, что герой искал,
Но так и не нашёл свой идеал!
Сегодня же, отметим мы тактично,
К любви подходят слишком прагматично!
Поэтому для женщин разных стран
Пришёл поэт, красавец дон Жуан!
Пришёл поэт, красавец дон Жуан!
2. Другое время и другие люди!
Героя нашего не все осудят,
Для Вас он дьявол, Вам он молодец,
А истиной владеет лишь Творец!
Судили как наперсника разврата?!
Ну что за суд, раз нет там адвоката?!

А палача жестокая рука?!
Но, то Севилья, средние века!
Но часто дон Жуана поведение
Естественно, достойно осуждения!
Не всё понятно, времени туман!
А был ли, в самом деле, дон Жуан?!
А был ли, в самом деле, дон Жуан?!

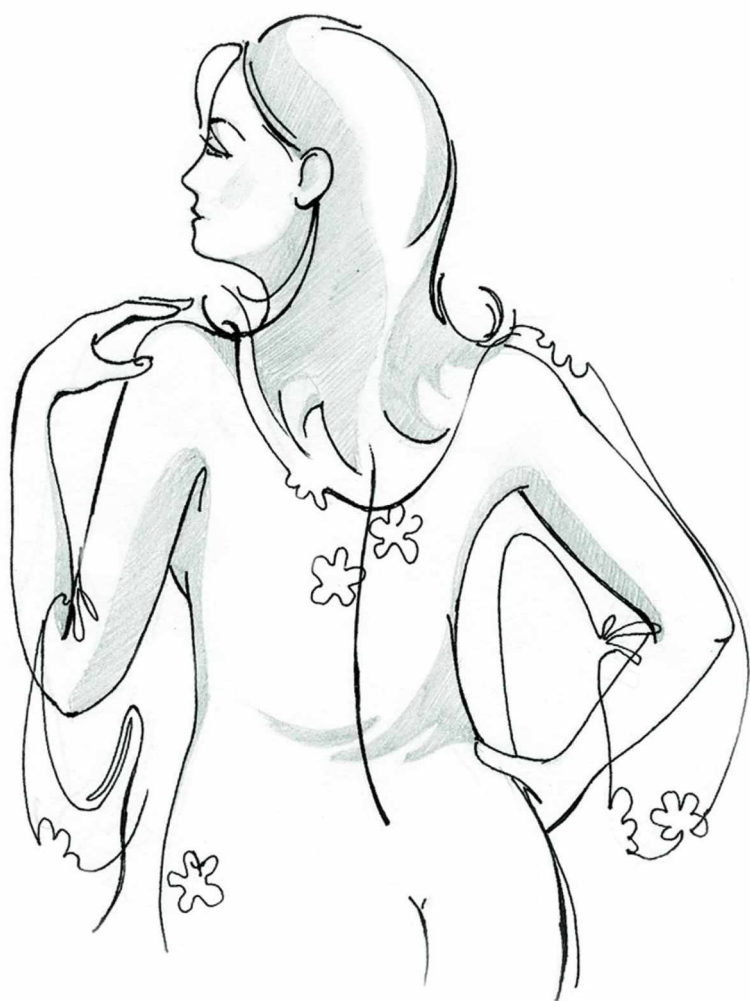
3. Для тех, в любовь кто верит без обмана,
Нам стоило придумать дон Жуана!
Добавили адреналина в кровь,
Романтику, поэзию, любовь!
Что он развратник, верно лишь отчасти,
Для многих дон Жуан стал жертвой страсти!
Да, страсть — порок, но он не из простых,
Понять героя надо и простить!
Но дон Жуан ушёл, на сердце грустно,
У всех он непростые вызвал чувства!
На этой ноте завершим роман,

Далее поют эсеницы хора и балета, при этом они возлагают
цветы к портрету дон Жуана:

До новых встреч с тобою, дон Жуан!
До новых встреч с тобою, дон Жуан!

*По окончании песни под бравурный марш, который переходит
в аплодисменты, артисты хора и балета покидают сцену.*

КОНЕЦ ВТОРОГО ДЕЙСТВИЯ

САМЫМ БЛИЗКИМ

Новогоднее пожелание

Моим друзьям

Сверкает купол небосвода,
Чего-то ждёт краса-природа!
 Что ожидает нас с тобой?
 Надежда, Вера и Любовь?
Что ждём от Нового мы Года?

Душе волнительно и тесно,
Но ожидание чудесно!
 Скользит с небес бесшумно снег
 И застилает белый свет,
Знакомая струится песня...

Под снегом прячется дорога,
Печаль уходит и тревога,
 Я что-то доброе найду
 В ушедшем навсегда году,
Хоть было радости немного.

Звучат знакомые мотивы!
Я наблюдаю, как красиво
 Снежинки водят хоровод,
 Сейчас наступит Новый Год!
Пусть станет он для нас счастливым!

Пусть обойдут нас всех потери,
Придёт достаток в наши двери!
 Пусть сердце плещется в груди,
 Пусть радость ждёт нас впереди!
Я так хочу, я в это верю!

На рубеже веков

Алле Игоревне

Я серьёзно ведь, без дураков,
И без глупых шуточек, замечу,
Нам с тобой на рубеже веков
Подарил Всевышний встречу!

Счастье в жизни ищет человек,
Ветры перемен качают нервы,
Мы уснули, был двадцатый век,
А проснулись — двадцать первый!

Оглянусь назад, ты кем была
Для меня на дьявольской планете,
Без любви, душевного тепла
Я не выжил бы на свете.

Сотни лет пройдут и сто веков,
Отлетят далёко наши души,
Буду там, у вечных берегов,
Я твоё сердечко слушать.

Долго буду крепко обнимать,
В тех местах неведома усталость,
Любящая дочь, жена и мать,
И во всём ты состоялась!

Ангел мой парит меж облаков,
Жизнь и сон, и всё так скоротечно!
Только там, на рубеже веков,
К нам любовь пришла навечно!

Твоё обаяние

Елене Юрьевне

На меня лавиной горной
Ты идёшь походкой гордой,
Ранишь шпильками паркет,
Столбенею от восторга,
В чём же красоты секрет?

Да, такую встретишь редко,
Всё имеет сердцеедка,
Глазки, губки, ножки, стать!
И совсем чуть-чуть кокетка,
Вынужден сие признать.

Быстро делаешь всё, ловко,
От рождения сноровка,
Словно к нам пришла весна,
Наклонилась чуть головка,
Вот и шейки белизна!

Ты цветы и угощенья
Принимаешь без смущенья,
Ласковый порхает взгляд!
Не уходит ощущение,
Что влюбился! Вот же гад!

Ради солнечной улыбки
Мелкие прощу ошибки,
Вот, моя вам доброта!
Заполняют душу скрипки,
Ты всесильна, красота!

Я признаюсь, если строго,
Что таких, как ты, немного!
Так растрогала, до слёз!
Но зовёт тебя дорога,
Всем влюблённым «До свидос!»

Лодочка

Виктории Леонидовне

Помнишь, как летела лодочка,
Пели в парусе ветра?
А какой была походочка,
Та, что от бедра?

Были девочками первыми
Мы на улице своей,
Были честными и верными,
Уж куда верней!

Где же вы, мои хорошие?
Где ты, первая любовь?!
Вечер, грудь мою непрошено
Наполняет боль.

Не решишь проблемы вечные,
Вот опять идёт гроза,
И ветра, всё больше встречные,
Смяли паруса.

Обращаются по отчеству,
От бывшего нет следа,
И так близко одиночество,
Голова седа.

В памяти листаю бережно
Лица славные на вид,
В нашем месте возле бережка
Лодочка стоит...

Радость встречи

Ирине

Нас разбросал судьбины ветер,
Не виделись почти пять лет,
Но вот тебя я снова встретил,
Навстречу мягкое: «Привет!»

Ругаем искренне дороги,
Понятно, за рулём она,
Шикарны, как и прежде, ноги,
Мила всё так же и стройна.

Вопросов много: «Где ты? Что ты?»
«А ты?» «Тебя я видеть рад!»
Высокие всё те же ноты,
Улыбка та же, поза, взгляд.

На губках тот же цвет помады,
Глаза по-прежнему чисты,
Друг другу, кажется, мы рады,
Немного изменилась ты...

В окошке ничего не видно,
Сегодня снег стеной с небес,
Хандра, и грустно, и обидно,
Не жду от жизни я чудес...

Но завтра, верю, будет лучше!
Твои я губки и глаза
Рисую, солнца нежный лучик,
И счастья катится слеза...

Ёлка, огоньки горят

Гале Н.

Ёлка, огоньки горят,
На исходе декабря
Память бьёт в виски прибоем,
Вспоминается былое...

Вижу в окнах огоньки,
Детство, домик у реки,
Ёлка в центре, в печке пламя,
Мама, папа рядом с нами.
Школа, ёлка, хоровод,
Здесь встречают Новый год,
Боже, лет минуло сколько!
Помню, ёлка пахнет ёлкой.

Наша очередь с утра,
Нарядилась детвора,
Зайцы, волки, среди которых
Есть принцессы, мушкетёры.
Нарисованы усы,
Медленно идут часы,
В счастье, в чудо дети верят,
Мы зовём, открыты двери,
И заходит Дед Мороз,
Он на ёлку нам принёс
Розовый мешок подарков,
Всем и весело, и жарко!

Вот за ручки мы с тобой,
Вот стихи наперебой,
И в сердцах у нас по праву
Гордость за свою державу!

За окошком снова снег,
Той державы больше нет,
Целая ушла эпоха,
Не скажу, что стало плохо.
Но другие времена,
Новая теперь страна,
В ней царят иные нравы,
Возвращён орёл двуглавый,
Возвращён петровский флаг,
Старый друг и старый враг.
Только что-то потеряли,
Что найдём теперь едва ли...

Снег, начало января,
Ёлка, огоньки горят,
Вновь спешат куда-то люди.
Что же с нами дальше будет?

Возле рынка

Возле рынка из коробки,
Что стоит внизу, у ног,
На прохожих смотрит робко
Беспородный тот щенок.

Кем-то отдан на продажу,
Корм закончился давно,
Все достоинства покажет
Продавец вам, всем смешно.

Нынче ведь не то, что прежде,
У торговли явный бум!
Шлёт сигнал щенок надежде
Белым пятнышком на лбу.

Две недели! То не мало!
Вот опять с небес вода!
Рано разлучили с мамой,
И, похоже, навсегда.

Три сестры, два брата были,
Только вот найти их где?!
Может, всех их утопили
В бочке, в дождевой воде?

Сколько ждать тебе осталось?
Не поймёшь ты одного,
Ну когда проявит жалость
Тот, рождён ты для кого?!

Юбилейные весы

Вилли Бахману

Утро, тикают часы,
Вроде бы, мне рано.
Словно из тумана
Кто-то вытащил весы,
Парень, с виду странный,
Приглашает рьяно.
«Взвесим добрые дела,
Вижу, их не слишком,
Можно кучей, списком!
Много подарил тепла
Ты друзьям и близким?
Не летал ли низко?»

За окошком сыплет снег,
Клён стоит нарядный,
Вновь вопрос досадный;
«Что-то сделал или нет
В жизни безотрадной?»
И в груди прохладно.
Дети есть, построен дом!
Вон, стоит на горке!
«Это отговорки!
Что оставил напотом?
Отвечай мне твёрдо,
Ты ведь парень гордый!»

Вот пристал, ядрена вошь!
По какому праву?!
Сон мне не по нраву.
«Помни, в вечность зря плюёшь!
Ты достоин славы
И любви державы!»

Принял я на грудь вчера
Много, если честно...
Вот стихи для песни!
За работу, брат, пора!
Дай, Отец Небесный,
Мне мотив чудесный!

Утром

Алле Игоревне

Утром, на излёте ночи,
Посетил тревожный сон,
Кто-то, может даже Он,
О любви напомнить хочет.

Промелькнули, словно тени,
Те слова, что не попад,
Твой волшебный аромат,
Неподдельное смущенье.

Сохнут губы, ты их лижешь,
Трепет сердца, тела дрожь,
Как вонзают острый нож,
Первая приходит близость!

Но картинка вдруг застыла!
Жаль, событий этих нить
Невозможно повторить!
Неужели это было?!

Было! И цветы, и свечи!
Тридцать пять минуло лет...
Рядом спишь ты, тёплый плед
Прикрывает твои плечи.

На ресницах лучик света
Проявляет буйный нрав.
Может, где-то был не прав,
Ты прости меня за это...

Утро на даче

Пора вставать, ведь лапой будит
Меня мой верный пёсик, Вудик.
 Который час? Ведь только шесть!
 Смотри, твоя повсюду шерсть!
Я друга упрекнул не смело...
С утра не слушается тело.
 Я не со зла, дружок, поверь!
 Выходим, запираю дверь.

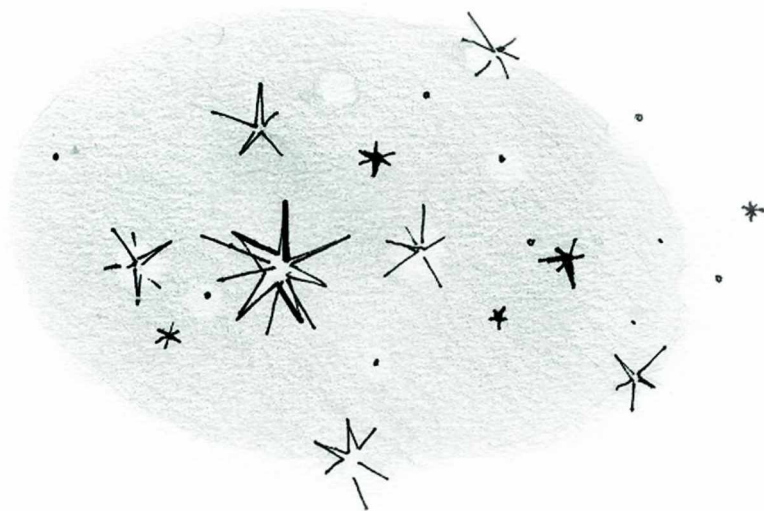
Светает и, пока не поздно,
Сбегают с небосклона звёзды,
 Им ясный месяц вслед грустит
 И провожает Афродит.
В слезах стоят повсюду травы,
Считают, звёздочки не правы!
 Авроры лёгкая рука
 Багрянцем кроет облака.
Те задрожали от испуга,
Боятся потерять друг друга!
 С чего?! Ведь встретились вчера,
 Вам по домам пора с утра!

Но с Вудей нам до них нет дела,
Последняя звезда сгорела...
 Подали голос воробьи,
 На тропку вышли муравьи,
На Запад потянулись тени,
А на Восток листва растений.
 Куда мы катимся?! Летим?!
 Что счастье?! Призрак или дым?!

Ответов мы, увы, не знаем.
Откликнулись собаки лаем,
 Могли поспать ещё часок!
 Вступил соседа молоток,

Сосну долбил упорно дятел,
Так рано! Малый, видно, спятил.
Поспать бы дали небесам!
Прижалась к западным лесам
Та тень, что под окошком
У дома поспала немножко.
Да, этот мир совсем не прост!
В траве мелькает Вудькин хвост...

От леса потянулись птицы,
А этим-то чего не спится?!
И вдруг с Востока, сбросив сон,
Вкатилось солнце колесом!
Окинуло хозяйским взглядом
Округу, вроде бы, порядок!
Небрежный знак лучом своим
Подало птицам, пойте гимн!
Заполнили те криком дали,
Видать, команду долго ждали.
Ну что за гимн?! Ах, Боже мой!
Пойдем-ка, Вудичка, домой!

Я не успел

Светлой памяти моей мамы

Я в сердце чувствую порою
И боли, и неясный шум,
Но лишь глаза на миг закрою,
То сразу в мамин дом спешу.

В котором скромно всё и строго,
И мама накрывает стол.
Какая длинная дорога?!
Как долго до тебя я шёл?!

Кивает мама, мол, работа,
И тихо говорит о том,
Что дети — главная забота.
А мама?! Мама на потом?!

Та слабость длится две минуты,
Пришла пора открыть глаза,
Куда?! Кругом вериги, путы!
От страха высохла слеза.

Зачем живём? Что любим, ценим?
Мне это осознать помог
Одним холодным днём осенним
С рыданиями сестры звонок...

Ищу тепло родного взгляда
В тех снимках, старых и простых.
Напрасно всё, искать не надо!
Я не успел... Господь, прости!

ПЕСНИ О ЛЮБВИ

Новый год

Насте Тарабакиной

1. Новый год —

Весточка от Бога!
У ворот
Подожди немного.
Старый ждёт,
Он вот-вот отчалит,
Новый год
Мы с тобой встречаем!

Припев: И родные и друзья
В нашем доме снова,
Старый год забыть нельзя,
Вспомним добрым словом!
Время движется вперёд,
Стрелки мчат по кругу,
К нам приходит Новый год,
Рады мы, как другу!

2. Новый год —

В новый мир дорога!
Пусть уйдёт
Из груди тревога,
От невзгод
Нас избавь, печали!
Новый год
Мы с тобой встречаем!

Припев: Как и в прежние года,
Мы сидим сегодня,
Ты приходишь к нам всегда
Ночью новогодней.
В гости ждёт тебя народ
В городах и сёлах,
Песней встретим Новый год
Праздничный, весёлый!

Оглянись назад

1. Ты спешишь, дела, заботы,
Замечаешь, смотрит кто-то
Словно вспомнил что-то, на тебя.
Обращён тот взгляд откуда?
В этот миг слетает чудо,
Слышишь, в небе ангелы трубят!
На устах застыло имя,
Имя девочки любимой,
Для кого сейчас ты свет в окне?
Только рвётся там, где тонко!
Где же ты, моя девочка,
Что была так рада раньше мне?

Припев: Оглянись, твой взгляд
Обращён из прошлого,
Я тебе, хорошая,
Бесконечно рад!
Посмотри в глаза,
Затаи дыхание,
Наших губ касание,
По щеке слеза!
Свет чудесных глаз
Позовёт в грядущее,
Там, я знаю, лучшее
Ожидает нас!
Расцветает сад,
Вновь пора весенняя,
Там любовь — спасение!
Оглянись назад!

2. Вот стою я возле дома,
Вижу, всё здесь по-другому,
Только знай, спасибо, что была!
Век пришёл других героев,
И мне кажется, былое
Промелькнуло, словно взмах крыла.
Но туда, где светят звёзды,
Нам с тобой вернуться поздно,
К сожаленью, с горки только вниз!
На земле ничто не ново!
Подбираю долго слово
И кричу я снова, оглянись!

Припев.

По Млечному пути

Ирине А.

1. Ночь пришла, пора идти
Мне по Млечному пути,
В небеса зовёт дорога.
Сам не знаю, почему
Тянет к дому твоему?
Погрущу немного у порога.
- Не тревожу сладкий сон,
Я, наверное, смешон...
Помню, мне была ты рада,
Был и я безмерно рад,
А над нами звездопад!
Снова август, время звездопада...

Припев: Нашей юности пора,
Словно было всё вчера,
Мы бродили до утра,
Рядом сосны вечные.
Путеводная звезда
Отгорела навсегда,
Не найти теперь следа,
Всё тропинки Млечные...

2. В небе звёздочки горят,
Верю, было всё не зря,
Коротки ночные встречи,
Кажется, часы спешат,
И сжимается душа,
Тихо гаснут звёзды, словно свечи.
Нам с тобою повезло,
Всем чертям шепчу назло,
Беречь не нужно раны!
Не печалься, не грусти,
Но по Млечному пути
Я тебя покину утром ранним...

Припев.

Ты всегда со мною

Лене

1. Прихожу я в парк уснувший
Где шепчу, шепчу слова
Обнажённым деревьям,
Изливаю снова душу.
Здесь зимой всё по-другому,
И следов вчерашних нет,
Их накрыл пушистый снег,
Словно чистый лист альбома.
Снег скрипит, о чём-то плачет,
Он оплакивает нас,
Расставанья тяжкий час!
А могло всё быть иначе...

Припев: Вечер спустится и снова,
Снова мысли о тебе,
Ты одна в моей судьбе!
Я тобою околдован!
Лишь глаза на миг закрою,
Предо мною снова ты,
И улыбка и цветы!
Будешь ты всегда со мною!

2. Помню трепетные встречи,
Словно было всё вчера!
Знаю, будут до утра
Сниться губы, руки, плечи.
Почему так сердцу больно,
Если всё прошло давно?!
Утро, льётся свет в окно,
Мой вопрос застыл невольно.
Что со мною? Я ли это?
Отчего усталый вид?
Только зеркало молчит,
На вопросы нет ответов.

Припев.

Спит равнина белая

1. Спит равнина белая,
Близок час рассвета,
Что со мной ты сделала,
Озорная, смелая?
Не найду ответа...

Всё забудешь скоро ты,
Позвала дорога,
Знаю, мысль та спорная,
Лезет к нам которая!
Полежим немного?
Полежим немного?

Припев: Спит равнина белая,
Спит равнина снежная...
Кто меня согреет?!
Жду тебя, как прежде я!
Милая и нежная,
Приезжай скорее!

Жду тебя, как прежде я!
Милая и нежная,
Приезжай скорее!

2. Луч от неба просится,
Тучи стали грудой!
За ближайшей просекой
Засверкали россыпи:
Жемчуг, изумруды!

На успех заточены!
Ну, куда мы катим?!
Снова многоточие...
Отпускать не хочется
Из своих объятий!
Из своих объятий!

Припев.

Разлуки нет

1. Вот и дождь, пора осенняя
В час назначенный причалит,
Не могу найти спасения
От тоски и от печали.
Может, спутница случайная
В этот час меня услышит,
Льётся музыка печальная,
И о чём-то плачут крыши.

Припев: Снова слышу те же речи,
Жаль, что верил им я зря,
Говорят, разлука лечит,
И клин клином, говорят.
Те советы мне знакомы,
Не они лишают сна,
У любви свои законы,
Только как любовь узнать?
Испытал я боль и муки,
Наконец нашёл ответ,
Нет покоя от разлуки,
Для любви разлуки нет!

2. Принесёт весна волнение,
О тебе заново раны,
И разбудит птичье пение,
И поднимет утром ранним.
И черёмуха распустится,
Как невеста в платье белом,
И моя пусть вспомнит спутница,
Как мы с ней любили смело.

3. Отчего судьба обманная
Отпустила нам немного?
Расступилась даль туманная,
Забрала тебя дорога.
На душе опять сумятица,
Я кричу, никто не слышит...
Отчего же слёзы катятся?
Отчего же плачут крыши?

Припев.

Твои окна

1. Тысяча причин,
Но нет ответа,
Телефон молчит,
За что мне это?!
Знай, я номер твой из памяти сотру!
- Да, имей ввиду,
Что в тот же вечер
Сразу я пойду
К другой навстречу!
Вместе с ней пройдем по твоему двору!

Припев: По ромашке гадаю,
Обрываю цветы,
Окна с правого краю
Светят мне с высоты.

Силуэт твой в окошке
Узнаю без труда,
Пожалей, хоть немножко,
И спускайся сюда!

2. Окна не горят,
А дело к ночи!
Трачу время зря?
Волнуюсь очень!
Только всё равно хочу тебя найти!

Тайну мне открой,
Пусть даже злую,
Может быть другой
Тебя целует?!
Может, разные у нас с тобой пути?

Припев.

Где ты?

1. Есть чудеса на свете,
Чудо связал с тобой,
Помнишь, тебя я встретил?
В сердце гудел прибой,
Значит, пришла любовь!
Целое лето вместе!
Помнишь, букеты роз?
Пели с дождём мы песни
И не боялись гроз...
Поезд тебя унёс.

Припев: Но на исходе лета
Мне не найти ответа,
Кто от меня унёс
Светлую прядь волос?
Может, ответит ветер,
Где же тебя мне встретить?
Может, ответит дождь,
Где же меня ты ждешь?
Дождик молчит и ветер,
Кто же тогда ответит,
Как позабыть вокзал?
Встречи, твои глаза?
Может, ответит осень,
Лист на тропинку бросит
В нашем с тобой саду...
Но я тебя найду!

2. Люди тепло одеты,
Осень, снега, дожди,
Где ты, ответь мне, где ты?
Знай, ты в моей груди!
Только не уходи!
Что от тебя осталось?
Соль на губах от слёз,
В сердце, о чём мечталось,
В памяти стук колёс,
Поезд тебя унёс...

Припев.

Мчится авто по улице

1. Вечны законы природы,
Время пришло и весне,
Пара влюблённая бродит,
Розы стоят на окне.

Если любовь к вам приходит,
Мигом седлайте коней!
Парень, одетый по моде,
Едет к подружке своей!
Едет к подружке своей!

Припев: Мчится авто по улице,
Брызги из-под колёс!
Кто-то опять целуется,
Кто-то не прячет слёз.

В окнах погода вешняя,
Ветер свистит в ушах,
Тема свиданий вечная,
К милой летит душа!

Парнем народ любитесь,
В город весну принёс!
Мчится авто по улице,
Брызги из-под колёс!

2. Он окатил пешехода,
Надобно ближе к стене!
Сорри! Такая погода
Держится несколько дней!

С милой своей глаз не сводит,
Словно не видел сто дней,
Льются весенние воды,
Улица тонет в огне!
Улица тонет в огне!

Припев.

ПЕРЕВОДЫ С НЕМЕЦКОГО

О переводах

С Александром Плотниковым я познакомилась около десяти лет назад, когда он работал над поэтическими переводами таких великих немецких поэтов как В. Гёте, Г. Гейне, Ф. Шиллер. Сначала я скептически отнеслась к его начинанию, ведь произведения этих поэтов переводили многие, в том числе классики русской поэзии А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Е. А. Баратынский, Б. Л. Пастернак и другие. Можно ли перевести стихи немецких классиков лучше, можно ли найти что-то новое в оригиналах? Тогда я не смогла ответить на эти вопросы. Однако, когда я ознакомилась с первыми поэтическими переводами Александра Плотникова немецких классиков, поняла, что классика потому и бессмертна, что все поэты и переводчики пытаются найти в ней что-то новое, ранее не открытое, свое. И с тех пор мы работаем вместе над поэтическими переводами с немецкого. Хочу отметить, что сегодня и я, и мои коллеги, переводчики, считаем поэтические переводы А. Плотникова с немецкого одними из лучших в нашей литературе.

В новую книгу Александра Плотникова «Просится душа в полёт» вошли переводы четырех стихотворений члена Союза писателей СССР, журналиста и общественного деятеля Вольдемара Александровича Гердта, поэта с непростой судьбой. В. Гердт, приволжский немец, в 1941 году в начале Великой Отечественной войны был депортирован на северный Урал, а после войны был сослан на Алтай, вот почему стихи его наполнены болью и страданием, любовью и надеждой. Особое место в творчестве Вольдемара Гердта занимают такие темы, как любовь, родина, природа и дружба, поэтому он так близок Александру Плотникову. Создаётся впечатление, что стихи В. Гердта в переводах А. Плотникова излучают тепло, идут от сердца, и приходят к сердцу, они несут людям радость и искренние эмоции. Переводы А. Плотникова точны по содержанию, красивы по форме, выверены по стилю, полны творческих находок. Автору удалось легко передать мироощущение В. Гердта, его особое настроение и состояние души.

Интересной страницей в творчестве А. Плотникова являются переводы восьми стихотворений Розмари Штрайт. В оригинале они звучат просто и лаконично, передают особое восприятие жизни аутиста. Розмари Штрайт выпала нелегкая судьба, она проживает в специальном интернате Берау (Швейцария, немецкий кантон Берн). Много времени проводит за рисованием, ручным трудом, пишет стихи. Последнее – почти чудо!! Антенны ее души очень чувствительны, и воспринимают окружающий мир скорее не на уровне интеллекта, а на уровне мистики. Она знает, что спасение – в любви, и это дает ей силу и утешение. Поэт и переводчик А. Плотников нашел «ключик» к ее стихам, его переводы точны и эмоциональны, полны любви и надежды. Если Вы допускаете родство душ, то, читая переводы А. Плотникова, ещё раз убедитесь в этом.

Надеюсь, многих читателей тронут чудесные поэтические переводы Александра Плотникова.

Переводчик, Галина Мироненко

Из Вольдемара Гердта

Тоска по Родине

Подскажите, подскажите, час тот ближе?
И я Родину любимую увижу?

Снова слышу крик я журавлиный,
Жалобно курлычут надо мной
В синем небе птицы, ровным клином
Возвращаются к себе домой.

Странники свободы, пилигримы,
Всё зовут, догадываюсь я,
Из зимы холодной, страшно длинной
В дальние от этих мест края,
О краях тех в сердце ноют раны,
Там уже сейчас цветут тюльпаны.

Если б знали, что на сердце у меня?!
Если бы они могли меня понять?!

Разделили, унесли бы в дали
Боль в груди и тягостные сны,
И, конечно же, мои печали,
Те, что от весны и до весны.

Я тоской по Родине наполнен,
Рубят крылья воздух, журавли
В моря синеве, в эфирных волнах,
Словно, растворяются вдали.

И с собой мою тоску несут туда...
Принесут ли возвращение? Когда?

Северный Урал, 1942

Моя родная речь

Я юности лишён был, что не ново,
Когда с порога изгнан был родного,
И только ты, моя родная речь,
В чужом краю смогла меня сберечь.

С тобой, язык, шёл босым и голодным,
Шел по студёным лужам и болотам,
Опоры нет во мраке пустоты,
Единственной опорой мне был ты.

С тобой сидел за проводом колючим,
Где вши с клопами не упустят случай,
Мне утешеньем был ты и тогда,
На той подушке с корочкою льда.

Тебе, язык, бессонными ночами
Я мог тайком излить мои печали,
Смеялись, издевались надо мной,
Зачем? За что? Ты знаешь, мой родной...

Как Гофман за тебя пошёл на смерть,
Так за тебя хотел я умереть!
Когда уйдут под крышку гроба муки,
Тебя несут пусть дальше мои внуки...

Северный Урал, 1943

Свидание с Родиной

Когда журавль на Родину стремится,
Плывут моря и горы, весь полёт
Перепополняет радость сердце птицы,
Его свиданье с Родиною ждёт!

Она согреет в дождь и ночью длинной,
Когда он мёрзнет на чужой земле,
Умножит силы крыльев журавлиных,
Когда твой клин теряется во мгле.

Чем дальше путь, тем радостнее встреча,
Он на родном болоте, у гнезда!
Герой наш грациозный в тот же вечер
Исполнит танец чудный без труда.

От счастья танцевать он долго будет,
Кричать и звать крестьянина в поля,
Сказать нам хочет: «Дорогие люди,
Прекрасны дом, родимая земля!»

Алтай, 1979

Прощание с музой

Так было до меня,
С тобой простился, лира,
Затихла песнь моя,
Пуста моя квартира.

Так вышло, не хотел...
О, не дружи с тоскою!
Есть общность душ и тел,
Ты навсегда со мною!

Меня найдешь в пути
Ты в правнуках чудесных...
Не плачь и не грусти
О песнях бесполезных.

Алтай, 1988

Из Райны Ешке

Зимнее утро

На ветках, некогда зелёных,
 Мерцает иней серебром.
Он, силами зимы пленённый,
 В том царстве спит глубоким сном.

Светлеет небо как-то странно,
 То лучик солнца ищет след,
Но вот сквозь пелену тумана
 Пробился бледно-серый свет.

Так медленно зимой светает!
 Явился миру новый день,
И в свете утра тихо тает
 Сестра холодной ночи — тень.

Как бриллиант зима сверкает!
 Зовёт роскошный белый край!
Мелькают мысли птичьей стаей,
 О, ночь холодная, прощай!

Из Розмари Штрайт

Дождь

Этот дождик подарок от Бога,
Пролегла дождевая дорога
Сквозь меня, только льёт он и льёт,
И чудесную песню поёт!

Будь со мною, мой дождик прекрасный,
Ты приходишь ко мне не напрасно,
Шум дождя, признаю, он один,
Так тревожит, до самых глубин.

Поднимал ты меня не однажды,
Становился любимым днём каждый,
Вновь пишу я под звуки твои,
О, небесные звуки любви!

Цвета

Синий

О небо! Не нужны слова,
Кругом сплошная синева,
Тот свет бодрящий, ясный,
Далёкий и прекрасный!

Красный

Его в себе не нахожу,
С любовью на тебя гляжу
И вижу, сквозь страдания
Горит огонь желанья!

Жёлтый

Струится мягкий свет на нас
И только здесь, и в этот час!
В лучах, наверх зовущих,
Я в прошлом, я в грядущем.

Зелёный

В зелёный сад любить зовут,
Связал нас чистый изумруд,
Там мох как шёлк сверкает,
Растёт и умирает.

Моя душа

Увы, такое дело,
В оковах моё тело,
Я точно знаю, что вдвойне
Труднее в этом мире мне.

Но так случается со мной,
Со всеми, кто мечтает,
Как будто крылья за спиной,
Душа моя летает!

В просторном небе я кружу,
О, это наслаждение!
Пытаюсь, но не нахожу
Причин для возвращенья.

Другое дело, на земле
Я, словно птица в клетке!
Так тяжело, не комфортно мне,
Здесь я грущу не редко.
И здесь завишу, Боже мой,
От чьей-то воли доброй, злой...

Со мною рядом здесь, увы,
И радость, и печали,
В таком же положении вы,
Без крыльев за плечами.

Да, да, всё так! На том стою!
Я это точно знаю!
И потому судьбу свою
Покорно принимаю!

Хоть иногда летаю!
Довольна я и этим,
А мой секрет, считаю,
Пусть знают все на свете!

23 марта 2007 года

Здесь и сейчас

Что общего с тобой у нас?
Живём мы здесь, живём сейчас!
И ты живой свидетель,
Что вместе мы на свете.

Когда явились мы с тобой,
Тогда вокруг была любовь,
И мир наш, таинств полный,
Любовью был наполнен.

И лентой синей в славный час
Создатели обвили нас,
Связала пуповина,
Никто в том не повинен.

Вот так возникли я и ты,
Пришли из вечной темноты,
Мы в мир добра и света!
И кружится планета,

Здесь волны катятся, бегут,
А я стою на берегу,
Мне вольно и беспечно,
И пусть так будет вечно!

1 июня 2007 года

Слова

Есть чудеса на свете!
В лицо мне дует ветер,
Слова, как то ни странно,
Нанизаны в пространстве.

Но смысл, согласно чудесам,
Ищу по вашим я глазам,
И буквы этой стае
Я подобрать пытаюсь.

Порой не просто с ними,
Меняются картины,
И не всегда сознанья луч
Находит сразу нужный ключ.

Вопросы встали снова:
Что раньше, смысл ли, слово?
А содержание тех слов?
И не один вопрос не нов!

То таинство для многих,
Во мраке их дороги,
Всё есть давно, но на пути
Мне только нужно смысл найти!

13 июля 2007 года

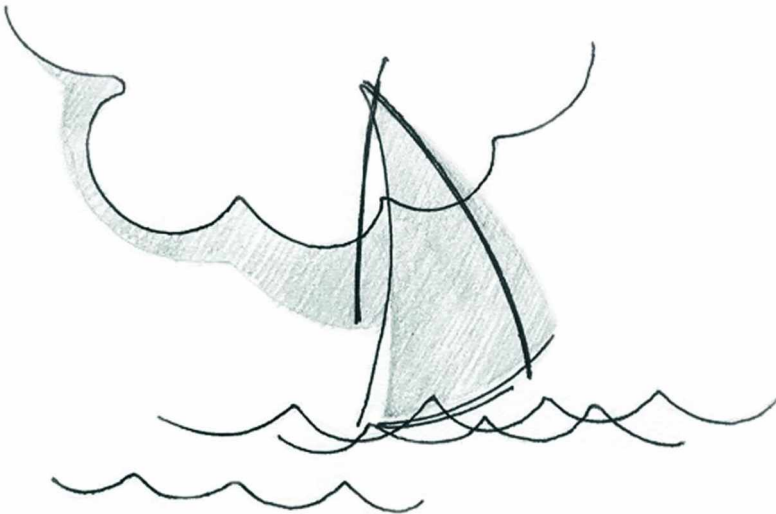
Я есть, и нет меня

Да, такова судьба моя,
Я есть, и, вроде, нет меня!
Чего же ждать? Летят года,
Мне лучше станет ли, когда?

Отчаянье да вздохи,
Дела мои так плохи!
Опять вопрос ко мне пришёл,
Когда же будет хорошо?!

С вопросом этим я живу
Давно во сне и наяву,
Того, что есть, мне мало,
От мира я устала...

апрель 2007 года

Я зависима

Как сложен этот механизм!
Но мой зависим организм,
Да, да, такое дело,
Признаюсь в этом смело.

Ещё в одном признаюсь я,
Не слушается он меня,
Хоть механизм и ловкий,
Но как без тренировки?

Чтоб хорошо мне было здесь,
На этот случай тело есть,
Тут вот какое дело,
Не выжить мне без тела.

Душа моя, вот прецедент,
Изящный, тонкий инструмент!
Искрится чудно, странно,
Как облачко тумана.

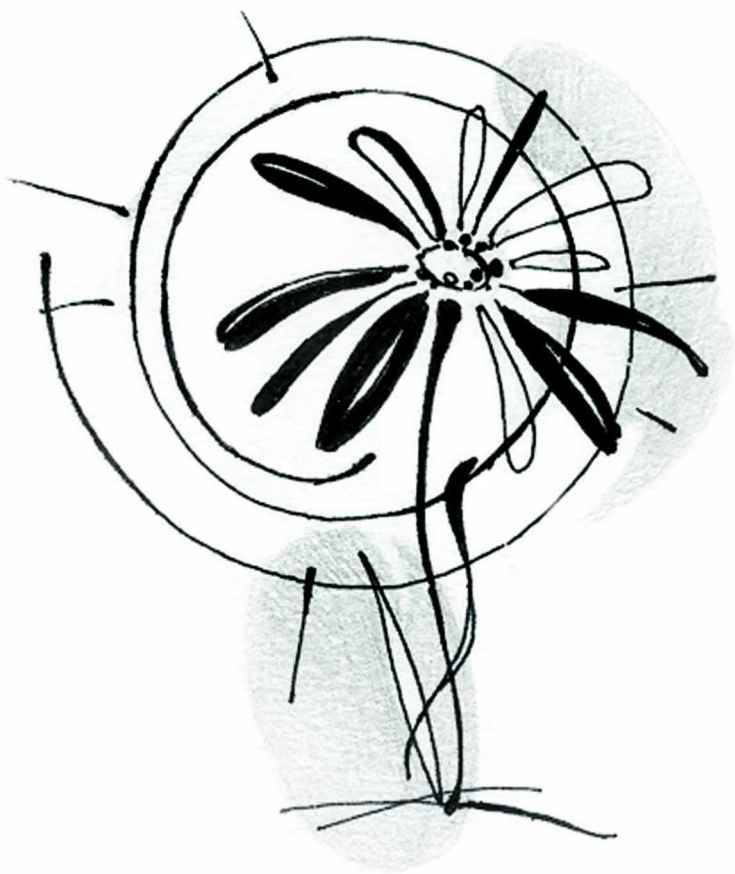
Моя душа, поверь краса,
Чиста как поутру роса!
Моя душа такая,
И блещет, и сверкает!

Однако, грубый мир вокруг,
Не просто выжить, милый друг!
Одно я знаю точно,
Ей нужен панцирь прочный.

Ещё хочу сказать одно,
Мне в этой жизни знать дано,
Что время скоротечно,
И что есть бесконечность!

Она по духу мне близка,
Её не скроют облака...
Ещё что? Нет сомненья,
В одной любви спасенье!

15 июня 2007 года

Грубые люди

В автобусе следят за мной,
Пугают глупой болтовнёй
Две пошлые девахи,
Свои скрывая страхи.

Так хочется сказать, друзья,
Ущербны вы ведь, а не я!
Они же скалят зубы
Бестактно, пошло, грубо...

А я живу в иных мирах,
В которых мне не ведом страх,
Но вам, как то ни странно,
Не снятся эти страны.

Мой внутренний закон таков:
Жить нужно без цепей, оков!
Мои свободны взгляды,
Чему безумно рада.

И миссии моей в том суть!
Примите мой особый путь,
Вас призываю взглядом,
Остановиться надо!

Спокойно в стороне стою,
О времени, любви пою,
Пошли, прошу я лиру,
Любовь и мне, и миру!

3 марта 2007 года

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Рыбалка под Сургутом (повесть)

- I -

Начало августа в Сибири часто совпадает со временем отпусков, а к отпуску любители рыбалки готовятся загодя, тщательно подбирая и одежду, и обувь, и препараты от гнуса, и рыбацкие принадлежности, и, естественно, выпивку, и оригинальную закуску, например, морских петушков, чтобы чем-то выделиться в кругу сотоварищей по рыбалке. Кроме того, в первых числах августа заканчивался набор студентов на очное отделение в вузах Новосибирска, и мы ожидали приказа о зачислении по одной из академий Новосибирска. Но вот приказ подписан, одновременно подписан и отпуск руководителю группы рыбаков — президенту академии Ивану Васильевичу. Сразу уточню для любопытных, что должность президента вуза введена в России сравнительно недавно, около десяти лет назад, ранее на неё приказом министра назначался бывший ректор этого вуза, который до момента своей добровольной отставки проработал на этой должности не менее двух сроков, то есть более десяти лет, и заслужил своими неусыпными трудами расположение и высокую оценку учредителя своей работы, а это, как правило, Министерство образования и науки или Министерство по профилю вуза. И вот, когда Ивану Васильевичу исполнилось семьдесят лет, он, что вполне логично, ушёл в отставку, провёл в академии выборы нового ректора, результаты которых устроили учредителя, после чего в приказе Министерства, утвердившего нового ректора, появился пункт о назначении Ивана Васильевича президентом этой же академии. Работа, как у нас иногда выражаются, не пыльная, что-то типа главного советника нового ректора, чтобы на первых порах тот не наломал дров. При этом достигалась, говоря модным языком, преемственность руководства, можно даже сравнить это с наставничеством, которое имело место в нашей жизни до девяностых годов. Не стану подвергать такую практику назначения сомнениям, тем более, что и на уровне руководства нашего многострадального государства слово «преемник» встречается. И хотя мне кажется, что преем-

ственность на самом верху сближает нашу страну с такими режимами, как Северная Корея, Куба, Венесуэла или Сирия, которые по этому признаку и являются нашими стратегическими партнёрами и лучшими друзьями, я знаю, что не все мои сограждане разделяют мою озабоченность сложившейся преемственностью власти. Поэтому прошу, оставим эти бесплодные споры, ведь на носу рыбалка!

Несмотря на свои семьдесят лет, Иван Васильевич выглядит превосходно, на вид ему нельзя дать и шестидесяти. Интеллигентен, энергичен, подтянут, опрятно одет, всегда причёсан, при любых обстоятельствах чисто выбрит, лёгок на ногу, и, что на мой взгляд, не менее важно, он всегда с улыбкой и оптимизмом смотрел в завтрашний день. Признаюсь, мне часто не достаёт многого из перечисленного, особенно оптимизма, поэтому я завидовал белой завистью тем качествам его характера, которые выгодно отличали Ивана Васильевича от моих сверстников, пятидесятилетних ворчливых «старичков», обрюзгших, полупьяных, вечно небритых, помятых жизнью в прямом и переносном смыслах. Они и сами не могли найти радость в жизни, и не давали радоваться другим. Почему он другой, думал я? Наверное, потому, что в наследство от родителей ему досталась крепкая иммунная система деревенского ребёнка, а родился Иван Васильевич в небольшой деревушке северного Казахстана, которая стояла, да и сейчас стоит на берегу Иртыша, где и доживают свой век две его младшие сестры. Но, по-моему, самое главное, что он в детстве получил хорошее воспитание, в первую очередь, от своей мамы, Екатерины Антоновны. Отца своего, Василия Ивановича, который погиб в начале Великой Отечественной войны, когда мальчику едва исполнилось шесть лет, он практически не помнил. Иван Васильевич с детства, как и любой нормальный деревенский мальчик, был приучен к нелёгкому труду, которого в деревне с ранней весны до поздней осени хоть отбавляй. Он рано познал истину: как летом потопашешь, то есть поработаешь, так и зимой полопашешь, то есть поешь. Но главное, чему научила мама своего сына, это отличать белое от чёрного, добро от зла, хорошее от плохого, постоянно твердила ему, что самое плохое, когда о твоих делах будут дурно говорить люди. То есть мама научила сына беречь честь смолоду! Может, по-

этому Иван Васильевич вырос человеком добрым, милосердным, работоспособным и, что не менее важно, порядочным. Конечно, он, как всякий русский человек, выпивал, но в отличие от окружающих его людей никогда не напивался. Человек, как говорится, старой закалки! Согласитесь, сегодня у нашей молодёжи сплошная каша в голове, нет ориентиров в жизни, а на уме одни деньги. Жалко их...

Наша компания, состоящая из четырёх человек, собралась в новосибирском аэропорту Толмачёво у стойки регистрации с табличкой «Сургут» за полтора часа до вылета самолёта. Кроме Ивана Васильевича и меня на рыбалку полетели Владимир Семёнович - проректор по науке академии, где президентствовал Иван Васильевич, и Виктор Алексеевич — чиновник, начальник одного из многочисленных управлений, с которым давно и плотно сотрудничала академия. С Владимиром Семёновичем и Виктором Алексеевичем я был давно знаком, но такой дружбы, которая сложилась у нас с Иваном Васильевичем, у меня с ними не было. Мы часто встречались, улыбались, пожимали при этом друг другу руки, иногда по каким-то датам даже выпивали вместе, но не более того. Как охарактеризовали бы наши отношения коммунисты, мы были товарищами. В самолёте Иван Васильевич сидел рядом с Владимиром Семёновичем, а я с Виктором Алексеевичем. Время лёта до Сургута около двух с половиной часов, надо чем-то занять себя. Мне на помощь пришёл Виктор Алексеевич, который полтора часа подряд занимал меня рассказами о своих многочисленных поездках на охоту и рыбалку, причём, в отличие от меня, он был любителем рыбалки не только летней, но и зимней. Надо отдать ему должное, рассказчиком он был отменным. В рассказах Виктора Алексеевича присутствовали и эпитеты, и метафоры, и сравнения, они были наполнены жизненной мудростью и народным фольклором, и, что больше всего радовало моё сердце, в них были тонко подмечены нюансы природы тех мест, о которых он вёл речь. Согласитесь, такой рассказчик встречается не часто среди чиновников средней руки, к которым принадлежал Виктор Алексеевич, поэтому я воспринял наш совместный полёт, как дар Божий, и с большим вниманием слушал его. Сначала он рассказал про охоту на медведя в Томской области, где его

и четырёх его друзей сопровождали местные жители с натасканными, как он выразился, на медведя лайками. «Шкура у меня дома на стене висит!» — этими словами он завершил этот рассказ. Потом без какого-то логического перехода он повёл рассказ о том, как прошлой весной он с друзьями летал на вертолёт на рыбалку на север Красноярского края, в район Туруханска, где, по его словам, совершенно дикие места, на которых за неделю пребывания они так и не встретили ни одного аборигена. После этого он неожиданно для меня стал говорить о рыбалке, но вдруг перескочил на охоту на китов, опять же с большой группой друзей, в каком-то море, название которого я сразу же выбросил из головы и сейчас уже не вспомню.

Да уж, умеют наши чиновники жить на широкую ногу, думал я, слушая его рассказы. К этому выводу меня подтолкнуло недавнее посещение квартиры Виктора Алексеевича, расположенной в самом центре нашего города, в элитном доме, в которую около полуночи мы с Иваном Васильевичем буквально на своих плечах внесли нашего пьяного товарища после очередного банкета в академии, приуроченного к какому-то надуманному юбилею. Возле своей двухуровневой квартиры он вдруг встрепенулся, ожил, почувствовал себя, как рыба в воде, и предложил заглянуть к нему на пару минут. Мы согласились, в основном из любопытства. Виктор Алексеевич провел нас по квартире: одна комната первого этажа была «охотничья», здесь хранились снаряжение для охоты, сейф с оружием, на стенах висели охотничьи трофеи и фотографии хозяина возле убитых животных. На втором этаже, в «рыбацкой» комнате, на стенах висели огромные высушенные плавники, морской ус, головы каких-то рыб, среди которых я узнал только щучью, естественно, фотографии, на которых наш герой позировал с пойманной рыбой. Здесь же стоял огромный шкаф, который был наполнен различными рыбацкими принадлежностями импортного производства. Кроме этих комнат, внизу, справа от входа, был расположен большой, квадратов на тридцать, зал с камином, спальня, просторная кухня-столовая, ванная комната и туалет, на втором этаже располагались раковина для умывания и душ, туалет, две спальни и рабочий кабинет хозяина. Обставлено всё было стильно и дорого,

во всём чувствовалась рука профессионального дизайнера. У меня, помню, тогда мелькнула мысль, хорошо, что Виктор Алексеевич не увлёкся, что сейчас модно среди чиновников России, горными лыжами, теннисом или бадминтоном, а то для размещения экипировки и фотографий, связанных с этими видами спорта, ему понадобилась бы ещё пара этажей. Жена его, Елена Станиславовна, которую он представил нам с Иваном Васильевичем, как бизнесвумен, занималась, как это принято в нашей стране, каким-то бизнесом, связанным с деятельностью своего мужа. Дочь училась в Англии на последнем курсе колледжа, по окончании которого собиралась продолжить обучение там же в одном из престижных университетов. Сын, которого почему-то дома не оказалось в это время, и который, по выражению отца, опять шляется где-то, заканчивал одну из престижных гимназий города, и в семье пока не решили, где он будет учиться дальше.

Простите, забыл сказать, что как только наш самолёт набрал высоту, на которой нам разрешили расстегнуть привязные ремни, Виктор Алексеевич достал из своей ручной клади запакрованную бутылку дорогого шотландского виски, который в последние годы полюбило наше чиновничество, плитку горького шоколада и лимон. Через несколько минут этот лимон ровными дольками разрезала и подала нам вместе с пластиковыми бокальчиками симпатичная стюардесса Лариса. По многозначительным взглядам, которыми с ней обменивался Виктор Алексеевич, можно было сделать вывод, что они с ней давно знакомы, но он развеял мои подозрения, сказав, что видит её впервые, просто между ними с первого взгляда возникла взаимная симпатия и пошутил далее, возможно, даже любовь. Наверное, подумал я, стюардесса по ряду внешних признаков смогла распознать в моём соседе незаурядную личность, каковой в её красивых голубых глазах мог быть или крупный бизнесмен, или успешный чиновник высокого уровня. Судя по жёнам первых лиц нашего государства, стюардессы умеют это делать. Виктор Алексеевич предложил выпить, как он выразился, по рюмочке виски, Ивану Васильевичу и Владимиру Семёновичу, которые сидели впереди нас на противоположном ряду, но те дружно

и без колебаний отказались от такого предложения. Но это нисколько не расстроило Виктора Алексеевича, он повернулся ко мне и с игривой улыбочкой предложил: «Ну что, начнём?!» Почему я должен отказывать ему? Ведь никаких причин для этого не было, поэтому я ответил коротко и просто: «Давай!», и он налил нам по первой.

Пил Виктор Алексеевич красиво, не разбавлял виски тоником или другой безалкогольной жидкостью, оказавшейся в это время под рукой, как это делают многие слабаки. С озабоченным и напряжённым лицом он резко опрокидывал полный стаканчик виски, кричал, шумно выдыхал из груди воздух, после чего около минуты громко и смачно сосал дольку лимона, потом проглатывал её и сразу же заедал парой квадратиков шоколада. После этого на его лицо сходила блаженная улыбка, которая, очевидно, свидетельствовала, что у него всё отлично в жизни, а он, как ни в чём ни бывало, продолжал прерванный рассказ о своих поездках. Замечу, мой сосед ни разу не потерял нить повествования, что говорило о том, что память его, практически, не слабела от алкоголя. Похоже, я был не первым слушателем его рассказов, настолько они были отточены. Начинались они с красивой завязки, например, с исторического значения места, куда он с друзьями собирался поехать. Потом было динамичное, полное неожиданных поворотов, действие, так называемый, экшен, и совершенно непредсказуемая развязка. Признаюсь, во время полёта я даже позавидовал ему, как рассказчику, хотя мне показалось, что не во всех своих рассказах он был участником описываемого действия. Я внимательно, не перебивая, слушал его рассказы, пил с ним по половинке стаканчика, возможно, потому, что не являюсь любителем этого напитка, кроме того, мне не хотелось в глазах Ивана Васильевича, который иногда оглядывался на нас, выглядеть хуже, чем я есть на самом деле.

- II -

Часа через полтора после взлёта нашего самолёта Виктор Алексеевич неожиданно, не спрашивая на то моего позволения, убрал остатки виски и шоколада в сумку и каким-то чужим голосом тихо сказал мне: «Надо отдохнуть немного», мне показалось, что это был голос его жены, после чего откинул кресло,

повернулся к окну и почти сразу же захрапел. Я посмотрел на часы, оставалось ещё около часа лёта, спать мне совсем не хотелось. Что делать? Заглянув в карман впереди стоящего кресла, я обнаружил там рекламный проспект авиакомпании и журнал, который был посвящён городу Сургуту. Позволю поделиться с вами этой информацией, снабдив её своими комментариями, заранее прошу прощения за допущенные в повествовании длинноты. Если вы пальцем ткнёте в центр Западно-Сибирской равнины, то с большой долей вероятности попадёте в город Сургут или его окрестности. Этот город является районным центром Ханты-Мансийского автономного округа, один из первых русских городов в Сибири. Город был основан на правом берегу реки Обь (Вот, и река у наших городов одна, уже есть что-то общее!) в 1594 году по приказу царя Фёдора Иоанновича, в деревянном рубленом городе разместились воеводский двор, пороховой погреб, тюрьма (а как же без неё), и государевы амбары (как прообраз государственных запасов стратегического назначения). К ведомству сургутских воевод принадлежали (мне, правда, не понятно, на каком праве? Ведь крепостного права в Сургуте никогда не было!) все остяцкие «городки и волости, которые пошли от Сургута вниз по Оби к устьям Иртыша и которые пошли вверх по Оби к Пегой Орде и выше» (Непонятно, насколько выше-то? Ну, да ладно). Меня, естественно, заинтересовало, откуда произошло название города? Читаю далее... Город был основан вблизи хантыйского племени и за ним сохранилось местное название без перевода на русский язык. Такая традиция существовала у русских землепроходцев при освоении Сибири. Слово «сургут» состоит из двух древнеюгорских слов «сор», которое означает «заливная пойма реки», и «кут», что означает «рыба». Следовательно, слово «соркут» означало целое понятие, связанное с образом жизни народа, его ежегодным кочевьем, промыслами и так далее. По другой версии, которая мне понравилась больше всего, в переводе с хантыйского «сургут» - это рыбное место. Напомню, мы летели на рыбалку! Поэтому другие версии, связанные с названием крупной протоки Оби, со словом «сургуч», с названиями племён «селькупы» и «саргаты», меня уже не интересовали.

Листаю журнал дальше. С 1782 года это уже уездный город Сургутского уезда Тобольского наместничества. Жители Сургута, как и другие сибиряки (Вот опять я встречаю слово, которое нас роднит с сургутянами!), находились на государственном обеспечении. Служилые люди получали годовое жалование деньгами — от пяти рублей двадцати копеек (Меня, во-первых, заинтересовала сумма, много это или мало? А, во-вторых, вот это изящное «от», которое сегодня можно часто встретить в предложениях банков по процентам кредита. Вот когда это началось!), хлебом — восемь четвертей холостым и одиннадцать четвертей женатым (Видите, тогда тоже подталкивали к женитьбе, значит, и к размножению!), солью — полтора пуда женатым и пуд с четвертью холостым, жители снабжались оружием и боеприпасами. В этом месте я почему-то вспомнил судьбу индейских племён в Америке, подумал даже, что их постигла та же судьба, что и племена хантов и мансов. Откуда такие аналогии? Наверное, от перебора вискаря. Листаю журнал далее... Издавна этот город был местом ссылки, судя по карте, бежать из него некуда, разве что на Северный полюс. Сюда ссылали и участников восстания Степана Разина, и декабристов, и революционеров-ленинцев, город пережил колчаковщину и крестьянский мятеж. Так называемая Советская власть, то есть диктатура большевиков, была установлена в Сургуте в 1918 году, а уже в 1920 году город становится центром восстания кулаков против большевиков (Ого, здесь в те годы ценили свободу и демократию!), которое вскоре было подавлено частями Красной Армии, почему-то упущена характеристика этого подавления, слово «жестоко». Глазам своим не верю, неужели в наше время можно было так написать? Но перечитываю ещё раз, да, всё так и написано, историки с новым мировоззрением ещё не пришли в эти заповедные места, увы... В 1923 году, очевидно, по причине этого восстания, Сургут лишился статуса города и стал селом.

Тяжело вздыхаю, всё-таки история нашей страны не для слабонервных, я перелистываю несколько страниц и натываюсь на подзаголовок «Сургут сегодня», это интересно, надо ознакомиться. Читаю, уровень рождаемости в три раза превышает уровень смертности, это не характерно для России в целом, у горо-

да есть будущее! Экономика Сургута тесно связана с добычей нефти и переработкой попутного газа, крупнейшие компании Сургута — это, естественно, «Сургутнефтегаз» и «Газпромтрансгаз Сургут» («дочка «Газпрома»»), сейчас «Сургутнефтегаз» добывает более тридцати трёх миллионов тонн нефти и около десяти миллиардов кубометров газа (это, безусловно, круто). На попутном газе работают крупнейшие в мире тепловые станции «Сургутская ГРЭС-1» и «Сургутская ГРЭС-2». С каждым годом в городе усиливается роль среднего и мелкого бизнеса, ежегодный рост субъектов малого предпринимательства составляет около пяти процентов. Жаль, авторы не дают их вес в сумме налоговых сборов города, думаю, картина была бы менее радужной. Сургут — крупнейший в Приобье речной порт (это понятно), здесь для Оби характерна пойменная многорукавность, в районе города русло реки разделяется на два основных рукава — Обь и Юганскую Обь, а протяжённость сургутского участка Оби составляет сто километров. Рельеф города образуют равнины, предгорья и горы с небольшим уклоном на северо-запад, что определяет формирование большого количества рукавов, протоков и островов. Кстати, вспомнил я, Иван Васильевич говорил, что мы поедем рыбачить на какой-то остров, посмотрим, посмотрим.... Весной, после освобождения реки ото льда, заливаются поймы Оби. Сход воды начинается во второй половине июля, к середине августа (а сейчас именно это время) уровень воды в реке и протоках стабилизируется. Сургут — крупнейший на севере Западной Сибири узел железных и автомобильных дорог, здесь находится современный крупный аэропорт международного значения. Вот и это роднит наши города, правда у нас учёные называют наш город крупным мультимодальным транспортным узлом, что, с точки зрения русского языка, не очень хорошо звучит, но зато научно и модно.

Натыкаюсь на часовой пояс, в котором находится Сургут и не верю своим глазам: у них екатеринбургское время, то есть разница с Москвой плюс два часа! Как так? Ведь географические координаты Сургута, а именно, семьдесят три градуса восточной долготы, аналогичны координатам Омска, у которого плюс три часа с Москвой! Но, припомнив предложения руково-

дителей нашей страны об уменьшении количества часовых поясов в России, естественно, для удобства управления, успокоился, хорошо хоть, что Владивосток и Москва в разных часовых поясах, а то было бы очень интересно! Впрочем, как гласит народная мудрость, когда коту делать нечего, он ... Тем не менее, призыв высшего руководства страны был услышан региональными руководителями, которые таким вот образом решили выслужиться, и перешли в несвойственный своему географическому положению часовой пояс. Дурно всё это, когда же мы наконец сумеем выжать из себя рабство и холуйство?! Листаю журнал... Вот символика города: герб Сургута представляет собой щит, в верхней части которого на красном фоне серебром написано название города, остальное поле щита синего цвета, которое в нижней части пересекается серебряной волнообразной линией (наверное, это Обь так показана, как и у нас, на гербе Новосибирска, опять же, общее!), в верхней части изображена снежинка (дань среднегодовой температуре, она около минус двух градусов), состоящая из национального орнамента хантов и мансов, которую рассекает буровая вышка (похоже на наступление человека на природу!), а в нижней части — на золотом фоне (очевидно, это символ изобилия) лисица (лису они взяли от старого герба города 1785 года.) с серебряным концом хвоста, идущая по лазоревой земле (наверное, это символ процветания). Флаг города уже попроще, там только та же лисица, идущая по лазоревой земле. Вот же художники, прости Господи! Далее пошли достопримечательности города. Сургутский автомобильный вантовый мост через Обь, построенный в двухтысячном году, длина его более двух километров, а с подходами — около пятнадцати километров, длина центрального пролёта более четырёхсот метров, пролёт поддерживается одним пилоном высотой сто пятьдесят метров. Мост, безусловно, красивый, но очень уж похож на знаменитый Бруклинский мост в Нью-Йорке, которому уже сто тридцать лет. Неужели мы настолько отстали? Не хочется в это верить, но.... А вот башня с часами, очень похожая на лондонский Биг-Бен. Вот так местные архитекторы подарили Сургуту кусочек Лондона, а чего стесняться-то!? И вот, как эксклюзив, напечатана фотография

смерча категории F 5, который имел место вблизи Эли (Монитоба) 22 июня 2007 года. Тут я мало что понял, почему эта фотография попала в журнал: то ли число и месяц привлекли издателя, то ли этот факт должен был как-то сблизить нас с американцами, которые постоянно страдают от смерчей? Мои размышления прервал голос стюардессы, похоже, Ларисы, сообщивший: «Наш самолёт идёт на посадку, просьба привести спинки сидения в вертикальное положение и пристегнуть привязные ремни!». Я разбудил Виктора Алексеевича, мы вернули сидения в начальное положение, пристегнули ремни и приготовились к посадке.

- III -

Приземлился самолёт довольно-таки мягко. Этому способствовала стабильная, тёплая и безветренная погода, которая, обыкновенно, устанавливается в этих местах в конце первой декады августа. Мы спустились по трапу самолёта и ожидали автобус. Было около одиннадцати часов утра по местному времени, тепло, но не жарко, около двадцати градусов, на светло-синем бездонном небе не было ни облачка. Вспомнились слова поэта: «Небо чисто, даль безбрежна, как же вольно дышишь здесь!» Я глубоко вздохнул, чего требует русская душа в этом случае? Непринуждённого общения с интересными людьми на несложные, но вечные темы, естественно, общение на природе под хорошую закуску и качественную выпивку! А если при всём при этом вам удастся ещё и порыбачить, да ещё чего-нибудь поймать, то радость настолько переполнит ваше сердце, что вы почувствуете себя на какое-то время, пусть даже и очень короткий промежуток, вполне счастливым человеком! И сами не заметите, как приметесь, жестикулируя рукой с полной рюмкой водки, настойчиво доказывать своему соседу по столу, что изящная татуировка на его левом предплечье, подкреплённая надписью «Нет счастья в жизни!», не всегда справедлива. Ведь вот же оно, присутствует с вами и вашими друзьями за этим столом, и вы это чувствуете! Вот такие мысли бродили в моей голове, пока автобус вёз нас к зданию аэровокзала «Сургут». Аэропорт Сургута выстроен, как принято говорить, по послед-

нему слову техники: бетон, цветное стекло, эскалаторы, телевизоры, мониторы, экзотические деревья и цветы. На центральном пилоне внутри здания аэровокзала красовались скульптура обнявшихся геолога и оленевода, как символ ненасильственного освоения этих мест. Над ними, как кусочек неба, располагалась карта Сургутского района, где вместо звёзд горели лампочки, обозначающие населённые пункты района, а на заднем фоне скульптуры, словно тени, чернели нефтяные вышки. Наверное, авторам-архитекторам и скульпторам всё это казалось стильным, но то, что всё увиденное дорого, не вызывало ни малейших сомнений. Но главное, это свидетельствовало о том, что деньги здесь есть, но что более важно, местное руководство умеет их тратить так, чтобы оставить после себя потомкам строения, которыми те будут гордиться ещё не одно десятилетие.

В аэропорту нас встретили двое видных мужчин, Анатолий Иванович, как представил его Иван Васильевич, наш выпускник и мой дипломник, маркшейдер «Сургутнефтегаза»; видя, что слово «маркшейдер» откровенно изумило только меня, а остальные присутствующие спокойно на него отреагировали, Иван Васильевич подал мне знак, мол, попозже объясню, и я сразу успокоился. На вид это был высокий мужчина, под сто девяносто сантиметров, лет пятидесяти, крепкий, под сто двадцать килограммов, с волевыми крупными чертами лица, твёрдым взглядом, немного лысоватый. Анатолий Иванович, пожимая нам по очереди руки, попросил называть его «просто Анатолий», меня Иван Васильевич представил ему, как Александра Георгиевича, однако я попросил Анатолия звать меня «просто Александр», на том мы, улыбаясь друг другу, и договорились. С Анатолием нас встречал Сергей, его помощник, молодой худоватый парень лет двадцати пяти, симпатичный весёлый блондин, который ни на минуту не отрывал ох уха мобильный телефон, могло показаться, что он, кроме непосредственного задания своего шефа, решает ещё уйму вопросов, в том числе и личного характера. И понять его можно было, парень он молодой да видный, вспомните себя в его возрасте! То-то! Пока мы ждали багаж, Владимир Семёнович в сторонке оживлённо рассказывал Анатолию о его однокурсниках, кто, где и кем сейчас работает,

где встречал их, когда они в последний раз навестили альмаматер; Виктор Алексеевич с Сергеем недалеко от нас обсуждали предстоящую рыбалку. В это время Иван Васильевич объяснил мне, что маркшейдер «Сургутнефтегаза» — это очень высокая должность, название старинное, означает оно следующее: горный инженер, специалист по геодезическим измерениям при разведке месторождений полезных ископаемых. И добавил, маркшейдеры в России еще до революции были, но и при советской власти это импортное название должности как-то прижилось и сохранилось. Включился транспортёр, и из-под брезентового навеса в нашу сторону покачиваясь, словно лодочки на волне, поплыли вещи, сданные пассажирами нашего рейса в багаж. Анатолий уверенно взял сумку и рыбацкий чемоданчик Ивана Васильевича, а Сергей его спиннинг в чехле, и они направились к выходу. Остальные рыбаки со своими вещами пошли за ними, понимая исключительную роль в нашей кампании Ивана Васильевича.

Когда мы покинули здание из стекла и бетона, где находился, в основном, приглушённый свет, на улице при виде яркого солнца, голубого неба и моря цветов у нас зарябило в глазах. На прилегающей к аэровокзалу площади большими квадратами были разбиты клумбы, по периметру которых шириной с пол-метра зеленел аккуратно подстриженный газон, в клумбах, постепенно удаляясь от центра, росли розы разных сортов и оттенков цвета, яркие оранжевые бархатцы и петунии с оттенками фиолетового цвета. Справа от выхода из аэропорта стояла небольшая изумрудная лиственничная роща, понятно, что это было делом рук человеческих. А вот это уже здорово, молча, про себя, похвалил я местных благоустроителей. Мы прошли клумбы, за которыми на привокзальной площади стояли автобусы, такси и личные легковые автомобили сургутян. Мой опытный глаз отметил, что эти автомобили были преимущественно новыми, импортного производства, что свидетельствовало о достатке жителей Сургута. Анатолий забросил в багажник своего огромного черного джипа, марку которого я даже и не попытался запомнить, вещи Ивана Васильевича и мои, усадил нас, и мы поехали. Владимир Семёнович и Виктор Алексеевич поехали

с Сергеем на его джипе золотистого цвета, который, на мой взгляд, был раза в полтора меньше, чем джип Анатолия. Про себя я отметил, что это вполне логично, ведь и между собственниками машин примерно та же пропорция. Как только мы тронулись, Анатолий сообщил Ивану Васильевичу, который сидел рядом с ним на переднем кресле, что мы по дороге на рыбалку заскочим на пару минут в его гараж, возьмём там кое-какие вещи и сразу двинем на базу, на рыбалку. «Хорошо», — с улыбкой одобрил его намерения Иван Васильевич. «Не проголодались ещё?» — глядя в зеркало заднего вида, спросил меня Анатолий, «Пока нет, — ответил я ему, но решил уточнить, как скоро мы будем на базе, и спросил, — А до базы долго добираться?» «Да нет, часа полтора пути, — спокойно ответил он и с гордостью добавил, — Здесь ведь всё рядом!»

Ехали мы быстро, со скоростью под сто километров, дорога до гаража заняла всего минут пятнадцать. Когда машины подъехали к гаражу, Иван Васильевич спросил, не нужна ли у Анатолию помощь, на что тот тоном, не терпящим возражений, ответил, что не нужна, они с Сергеем сами справятся. Из окна автомобиля было видно, что они загрузили в машину Анатолия лодочный мотор, вёсла, две двадцатилитровых канистры с бензином, остальные шесть больших пакетов загрузили в машину Сергея, я так понял, в них были продукты. Погрузка закончилась действительно через две минуты, Анатолий запер на ключ гараж, и наши машины двинулись дальше. «Сейчас мы едем на Щучий остров, — рапортовал Анатолий Ивану Васильевичу, тот с пониманием кивал головой в ответ, видимо, они заранее, по телефону, обговаривали место рыбалки, и добавил, — Там нас Гена ждёт, сторож, я ему уже позвонил из гаража, чтобы начал уху готовить! Приедем и сразу за стол, время-то уже будет обеденное!» Обычно так отчитываются младшие офицеры перед старшими, с уважением, не теряя при этом достоинства. Минут через десять машины подъехали к оврагу и остановились. «Вам надо выйти из джипа, я аккуратно перегоню машину по мостику на тот край оврага, вы перейдёте, и мы снова поедem!» — строгим тоном не предложил, а мягко приказал нам Анатолий. Мы с Иваном Васильевичем вышли из машины и осмотрелись: пе-

ред нами был овраг глубиной больше человеческого роста, по дну которого бежал небольшой ручей, сверху лежали четыре бревна, связанные попарно, которые соединяли два берега оврага. «Неужели машина переедет по этим брёвнам?» — с недоверием спросил я Ивана Васильева. «Переедет! — уверенно ответил он мне, — Это их дорога, так специально сделано, чтобы чужие по ней не ездили». И действительно, опасно покачиваясь на брёвнах, сначала машина Анатолия, а за ним и Сергея переехали овраг, проехали метров десять и остановились, ожидая нас. Когда мы шли по этим брёвнам, я почувствовал холодок в груди, они качались, и можно было легко соскользнуть на дно оврага. Но, даже если и упаду, подумал я, то ничего особенного со мной не случится, я поднимусь и выберусь на тот берег, а если сорвётся машина, прощай рыбалка. На то и был расчёт Анатолия, чужие не должны были пользоваться его дорогой и его базой. Минут через пятнадцать по дороге, которую в траве находил только сам Анатолий, мы подъехали к берегу, как охарактеризовал её нам Анатолий, главной протоки Оби, вышли из машин и осмотрели берег.

Внизу у берега стояла небольшая деревянная лодка, которая была привязана цепью к железному столбу. На этой лодке нам и предстояло переправиться через стремительную протоку, воды которой были грязно-жёлтого цвета, что свидетельствовало и глинистом дне русла. Анатолий выгрузил из своей машины вёсла и мотор «Ямаха», который они с Сергеем аккуратно спустили по обрывистому берегу к лодке и закрепили мотор на ней. Владимир Семёнович залил бензин в бачок мотора, а Сергей с первого рывка завёл «Ямаху». Все, кто был свободен, выгружали продукты и вещи из автомобилей и спускали их к берегу. Поскольку лодка была небольшой, пришлось делать две ходки до противоположного берега. На первой лодке Сергей переправил Ивана Васильевича, меня, Виктора Алексеевича и часть вещей. Лодка так глубоко погрузилась в воду, что пришлось часть вещей выгрузить обратно на берег, чтобы борта при небольшой качке не черпали воду. Вторая лодка доставила Владимира Семёновича, Анатолия и остальные вещи, которых, надо признать, было почему-то так много, словно мы уезжали на неделю. Я

оглянулся на противоположный берег, там остались стоять одинокие джипы, поставленные на сигнализацию. Пока мы поднимали на берег острова наши вещи и лодочный мотор, Сергей сходил в ближайший лесок, из которого вскоре раздался звук заведённого мотора и через пару минут он подъехал к берегу, сидя на снегоходе. Моему изумлению не было предела, снегоход легко шёл по траве, которую Виктор Алексеевич несколько раз назвал высоким травостоем, чем опять приятно удивил меня, и тащил за собой лёгкие оленьи нарты, подобие наших саней, только облегчённый вариант. Мы уложили на нарты свои вещи, и Анатолий усадил на нарты меня, чтобы я следил за сохранностью груза в пути. Сергей поддал газу, и снегоход с нартами двинулся по траве, вдоль берега. Остальные участники, как выражаются чиновники, нашего мероприятия пошли за нами пешком, налегке.

- IV -

Через пять минут Сергей повернул от берега в сторону леса. Снегоход резво рассекал высокую траву, мне казалось, что Сергей едет наугад, не зная дороги, но, конечно, это было не так. Один раз, переезжая небольшой ручей, мы застряли в воде и не могли самостоятельно подняться на противоположный берег. Помогли подошедшие друзья-товарищи, мы общими усилиями вытолкнули на противоположный берег ручья сначала снегоход, а потом втянули и нарты с вещами. Далее снегоход с нартами шёл уже как по маслу, без остановок. Минут через десять наш снегоход доехал до южного побережья острова, и мы остановились возле стандартного охотничьего домика, небольшой деревянной избушки, которая к нам оказалась, как пишут в русских сказках, задом. Услышав шум мотора снегохода, нам навстречу со словами «Наконец-то!» вышел улыбчивый мужчина, по лицу которого можно было сделать вывод, что он большой любитель выпить, и что он с нетерпением ждёт и гостей, и предстоящего застолья. Гена, как он сам представился мне, протянув свою сухую и сильную руку, помогал нам переносить вещи к входу в избушку. Метрах в пяти от домика на трёх столбиках из неотёсанной сосны стоял стол, сбитый из четырёх струганных досок,

по обе стороны от стола на трёх пеньках из той же сосны стояли лавки, чуть поодаль, справа, дымился костёр. Над столом на верёвках, на шести кольях под углом к берегу был натянут брезент, который защищает рыбаков от дождя и от солнца. По витающим запахам было понятно, что Гена готовит для гостей уху. Мы с Сергеем занесли сумки в избушку, я осмотрелся: вдоль стены стояли полаты, на которых лежали матрасы, покрытые верблюжьими одеялами. Роль подушек играли фуфайки и куртки, которые лежали у бревенчатой стены. «Вот здесь мы спать будем!» — спокойно сообщил мне Сергей. Когда мы закончили с переносом наших вещей, Гена с некоторой озабоченностью, сглотнув при этом слюну, спросил Сергея: «А где остальные-то?» Сергей с пониманием кивнул головой и ответил: «Да идут за нами, минут через пять подойдут уже сюда». И действительно, вскоре за избушкой на лесной тропинке, которую я вначале и не приметил, показались остальные путники, впереди которых уверенной походкой шёл Анатолий, оживлённо беседуя о чём-то с Владимиром Семёновичем. «А вот и моя избушка!» — с гордостью сказал Анатолий, подходя к ней. Гена, как делают верные собаки, выскочил к нему навстречу и, немного вытянув голову вперёд и влево, громко, по-военному доложил: «Всё готово, шеф!» «Добре, добре! Молодец! Накрывай на стол, пока мы переодеваемся!» — ответил ему довольным голосом Анатолий и по-хозяйски потрепал того по плечу. Гена тут же развернулся и бегом бросился к костру, улыбка радости, нет безмятежного счастья, как маска, прилипла к его лицу.

Иван Васильевич спросил Сергея: «А где здесь берег-то?» «Да вон там! — указал он рукой в противоположную от домика сторону, — Видите тропинку? Она прямо к берегу ведёт». Пока накрывают стол, мы с Иваном Васильевичем решили пойти осмотреть берег протоки. Через три-четыре минуты мы стояли на берегу, это была небольшая протока с тихим течением вправо, шириной около сорока метров, глубиной, как выяснилось позже, около двух метров. Слева, метрах в пятидесяти от нас, в центре протоки был небольшой островок, поросший камышом и осокой, а справа, в километре от нас, протока впадала в Обь, причём в этом месте река широко разлилась, и её противоположного берега

при ярком солнце, которое слепило нас своими бликами от воды, нам разглядеть не удалось. Оглядывая протоку, Иван Васильевич с видом знатока удовлетворённо произнёс: «Да, место отличное! Смотри, — он указал мне на воду возле берега, — сколько здесь малька! Значит щука здесь есть! Она приходит сюда из Оби кормиться. Нам осталось только поймать её, — и с надеждой добавил, — хотя бы по паре штук». «По паре-то поймаем!» — бодрым голосом заверил его я, на что он удовлетворённо потёр руки, кивнул мне головой и ответил: «Должны, конечно! — после чего показал рукой в сторону домика и добавил, — Пойдём к столу, а то нехорошо, когда хозяин там, а мы здесь!» Мы резво поднялись по склону, и быстрыми шагами направились к столу, который был уже накрыт. Иван Васильевич, как старший группы новосибирцев, дал нам команду выгружать привезённое спиртное и съестное на стол, и мы стали раскрывать наши сумки. Анатолий, видя нашу суету, остановил: «Да не надо ничего пока доставать, у нас тут есть, чем встретить гостей! Оставьте на завтра, чтобы вам было чем похмелиться и чем закусить! Переоденьтесь пока, а то жарко сегодня». Мы переглянулись, пожали плечами, и пошли переодеваться, а Анатолий тем временем продолжал отдавать команды: «Гена, разливай уху по тарелкам и ставь их на стол! Сергей, нарежь хлеб и разложи закуски! Да водку из воды достань, охладилась уже, небось!» Судя по всему, Анатолий был в своей стихии.

Когда мы переоделись и подошли к столу, запах тройной ухи, сваренной по всем правилам, с такой силой ударил в нос, что у нас моментально потекли слюнки и учащённо забились сердца. Сергей вернулся с берега с пакетом, из которого вынул и поставил на стол четыре бутылки водки «Русский размер (латинум)», которую Иван Васильевич предпочитал другим маркам, по его примеру и я, грешный, когда у меня бывает выбор, предпочитаю эту водку. «Прошу к столу!» — и жестом, и голосом, совсем не похожим на просьбу, подал команду Анатолий. Мы рассаживались за столом, Анатолий, как хозяин, сел слева во главу стола, для чего ему из домика принесли раскладное кресло, Ивана Васильевича, как главного своего гостя, он посадил на лавке справа от себя, Сергея слева, рассадка остальных участников

застолья его мало интересовала, она была свободной. Я подтянул к столу от домика пенёк высотой с лавку и сел напротив Анатолия. Слева от меня уже сидел Гена, а справа Владимир Семёнович и Виктор Александрович. Я, шумно вдыхая ароматы ухи носом, позволил себе пошутить: «Ну вот, уха есть, можно и не рыбачить!» Иван Васильевич возмутился: «Как не рыбачить?! — далее с укоризной в мой адрес, — Уху-то можно было и дома поесть! — и далее обратился к Анатолию с надеждой в голосе, — Хотелось бы поймать, Анатолий Иванович, хоть что-то, чтобы память осталась об этой поездке». Анатолий голосом, в котором чувствовалась уверенность, ответил: «Поймаете, Иван Васильевич, поймаете! И вечером, и утром здесь хорошо щука берёт, проверено! — далее он повернулся к Гене и твёрдым голосом спросил, — Так ведь, Гена?» Тот, округлив свои бесцветные глаза, даже немного от страха вжался в лавку, вдруг гости ничего не поймают, но тут же распрямился и поддержал хозяина: «Здесь клюёт отлично! — после чего он повернулся к Ивану Васильевичу и заверил того, — Убедитесь сами!» — потом снова повернулся к хозяину и навёл на него свой преданный взгляд. Анатолий отвёл глаза в сторону, видимо и ему стало неудобно перед гостями за такую преданность Гены.

«Наливайте!» — отдал он команду, Сергей и Гена одновременно, как солдаты в армии, подскочили и быстро налили полные рюмки водки всем присутствующим. Анатолий встал, с удивлением посмотрел на рюмку, которая в его руке выглядела крошечной, выдержал небольшую паузу, после чего повернулся к Ивану Васильевичу и, благодарно глядя тому в глаза, двинул тост: «Давайте выпьем за долгожданную встречу! И за то, чтобы вам здесь понравилось!» Все присутствующие с энтузиазмом поддержали его, выпили первую рюмку залпом, схватили красивые деревянные ложки для ухи и закусили, вернее, запили ухой. Уха была славная! Не сговариваясь, гости хвалили её, довольный Анатолий с улыбкой принимал наши благодарности, хотя хвалить-то надо было Гену. После ухи мы закусили немного овощным салатом и нарезками сыра, корейки и сервелата. Народ, видимо, к этому времени уже проголодался. «Наливайте, наливайте!» — снова Анатолий отдал команду Сер-

гею и Гене, — Вы сегодня у меня отвечаете за налив». Те молча кивнули хозяину головой и наполнили рюмки ещё раз. Признаюсь, иногда меня посещает шальная мысль, надо меньше пить при таких встречах, а то потом бывает неудобно и перед хозяевами, и перед своими друзьями-товарищами. Но когда сидишь на природе, когда перед тобой стоит ушица, ещё пахнущая костром, когда рядом стоит ещё много всяких деликатесов, и вокруг тебя такие милые и родные лица, мой внутренний голос шепчет мне: «Давай уж будешь ограничивать себя после этой рыбалки (как вариант: этого застолья, этой бани). Может, последний раз так хорошо сидишь?!» Внимательно выслушав его, я не нахожу, чем же можно возразить? Поколебавшись немного, отвечаю бодрым уверенным голосом: «Хорошо, твоя взяла. Отдохну сегодня, как человек, а завтра, нет, скорее после приезда с рыбалки домой, я и начну бороться с соблазнами!»

Вторым выступил Иван Васильевич, он поблагодарил хозяев, в первую очередь, Анатолия, за гостеприимство, пожелал им всяческих успехов в жизни, и предложил выпить «За дружбу!» И этот тост пошёл на «ура». Водка наливалась, тосты произносились, оживление за столом нарастало. Вот очередь подошла ко мне. Иван Васильевич, по праву старшего группы гостей, с доброй улыбкой обратился ко мне: «Почитай нам, пожалуйста, что-нибудь про рыбалку, — после чего повернулся к Анатолию и с гордостью сказал про меня, — Он ведь у нас неплохо пишет стихи!» Анатолий, внимательно посмотрев на меня, удовлетворённо кивнул головой, давая тем самым мне сигнал, что здесь, на берегу, мои стихи будут уместны. Я достал из своей сумки заранее приготовленный пакет, в котором были две мои книги в твёрдых переплётах, надел очки и с авторским выражением прочитал стихотворения, которые, мне казалось, подходят к этой обстановке, «Щука», посвящённое Ивану Васильевичу, «На рыбалку или на охоту» и «Русское застолье», посвященные моим друзьям. Присутствующие за столом внимательно слушали мои стихи, было видно, что они им понравились. Анатолий удовлетворённо покивал мне головой и со знанием дела сказал: «Хорошо, хорошо! Молодец!» Тут Иван Васильевич подал мне знак, мол, скажи чего-нибудь, я встал и предложил выпить за

хорошее настроение и яркие впечатления, которые останутся в наших сердцах после этой рыбалки. Все, как мне показалось, с удовольствием выпили и продолжили закусывать. Иван Васильевич снова подал мне знак, мол, подпиши свои книги Анатолию и Сергею, я взял ручку и подписал книги. По тому, как Сергей взял мою книгу, посмотрел на меня и быстро убрал её куда-то, я сразу понял, что он никогда в неё не заглянет. Я подумал, уж лучше бы подарил книгу Гене, который обиженно смотрел на меня, мол, почему три книги не привёз? Что касается Анатолия, то он раскрыл книгу, повернул её под нужным углом и вслух прочитал: «Дорогому Анатолию Ивановичу на добрую память о рыбалке под Сургутом в 2010 году», после чего он удовлетворённо покачал головой, наверное, мелькнуло у меня в голове, в тексте посвящения ему понравилось слово «дорогому». Потом он внимательно полистал книгу, нашёл те стихи, которые я только что прочитал, удовлетворённо вздохнул, после чего закрыл её и положил на стол слева от себя и нежно, как женщину, погладил обложку книги своей крупной ладонью.

Меж тем застолье продолжалось, как это часто бывает, его участники разбились на группы по интересам: справа от меня Сергей о чём-то оживлённо беседовал с Владимиром Семёновичем и Виктором Алексеевичем, напротив них мы с Иваном Васильевичем расспрашивали уже захмелевшего Гену об особенностях рыбалки на этой протоке. Анатолий углубился в себя, по его лицу было видно, что-то мучает его, он напряжённо о чём-то думал. Вдруг он немного дёрнулся, словно вышел из оцепенения, и обратился через весь стол ко мне: «Скажите, Александр, а о любви Вы пишете?» Я удивился: «Конечно, пишу! — и далее пошутил, — Ведь все стихи о любви, даже и те, которые про Родину!» Анатолий улыбнулся, удовлетворённо покачал головой и снова спросил: «А почитать что-нибудь можете?» «Если Вы желаете того, то почему же нет?!» — игриво ответил я, но тут я заметил на себе строгий взгляд Ивана Васильевича и понял, что мои стихи откровенного эротического плана и стихи с ненормативной лексикой, которые я написал своим друзьям, здесь читать не стоит. По крайней мере, пока. Я подал рукой знак Ивану Васильевичу, что понял его взгляд, и что всё будет

очень даже целомудренно, после чего я прочитал для Анатолия три стихотворения, которые сам ценю и читаю иногда красивым, строгим и образованным женщинам. И стихи, и моё чтение явно тронуло Анатолия, он резко встал, левой рукой указал на меня и неожиданно для всех присутствующих предложил выпить за поэта. Участники нашего застолья с разной степенью энтузиазма поддерживали его тост, но выпили, естественно, все. Не скрою, мне было приятно такое внимание Анатолия. «Вот ведь, — думал я, — простой мужик из провинции, а как глубоко понимает настоящую поэзию! Не то, что эти интеллигенты из столицы Сибири!» Это я, понятно, о Викторе Алексеевиче и Владимире Семёновиче, Иван Васильевич ценил мои стихи и хорошо их понимал. Воцарилась пауза, воспользовавшись которой из-за стола встали Сергей с Владимиром Семёновичем и Виктором Алексеевичем, Сергей приказным тоном сказал Гене: «Пошли-ка с нами на берег, надо лодку накачать!» Без лишних слов Гена встал и понуро пошёл за ними, хотя ему явно хотелось с рюмкой водки беседовать с нами о рыбалке. Но служба есть служба! Я проводил их взглядом, подумав, правильно, что пошли, не стихи же они сюда приехали слушать! Иван Васильевич придвинулся на лавке ко мне и предложил: «Пойдём, покидаем немного». Но мне никуда идти не хотелось, поэтому я ответил: «Идите, а я ещё посижу немного здесь, потом подойду». Он вышел из-за стола, взял свой спиннинг и чемоданчик и пошёл по проторённой тропинке к протоке.

- V -

Вечерело, сквозь сосны мне было видно, как солнце медленно садилось за Обью, его лучи скользили по поверхности протоки, прощаясь с нами до утра. Ветер стих, перестали раскачиваться сосны над протокой, шелестеть листья прибрежных кустов, умолкли и птицы, которые днём нам порядком досаждали своим криком, дескать, посмели потревожить их спокойную жизнь. Прошла неделя после Ильина дня, нам повезло, стояли тёплые, погожие дни, возможно, последние в этом году. Время, словно, замерло, в такие минуты душа человека открывается природе, хочется поделиться чем-то самым сокровенным с небом, но никак не можешь подобрать нужные слова, поэтому

просто сидишь, созерцаешь, улыбаешься и молчишь. Изредка эту идиллию нарушал шум лодочных моторов, который долетал до нас по воде с Оби, это рыбаки возвращались домой с рыбалки. С берега протоки слышались команды Сергея, и шум насоса, там Гена «лягушкой» накачивал лодку. Вот он похлопал по лодке ладонью и гордо крикнул: «Готово!» Мимо нас к домику пробежал Виктор Алексеевич, через минуту он нетвёрдым, но быстрым шагом последовал в обратном направлении, неся в руках спиннинг и свой шикарный рыбацкий сундучок. После этого всё стихло. Мы сидели с Анатолием за столом одни, друг напротив друга. Я поднял на него свои глаза и увидел, что Анатолий пристально смотрит на меня, судя по взгляду, хмель его абсолютно не брал, значит, что-то сильно беспокоило его. «Может, ещё выпьем по чуть-чуть?», — неуверенно спросил я его. Он громко вздохнул, молча отрицательно крутанул головой, встал, взял бутылку водки и свою рюмку, подошёл ко мне и сел рядом со словами: «А знаете, я ведь тоже стал писать стихи!» «Вот как! Здорово! — оживился я, и попросил его, — Прочитайте мне, пожалуйста, что-нибудь!» Анатолий посмотрел на меня с недоверием, налил по полной рюмке водки, очевидно, для храбрости, и, подняв свою рюмку, предложил: «Во-первых, предлагаю перейти на «ты», а то неудобно как-то общаться! — я кивнул головой, мол, согласен, — А во-вторых, давай выпьем за любовь!» Хороший тост, почему не выпить?! Мы выпили, я стал закусывать, а он читать свои стихи, один, второй, третий. «Ну, как тебе?» — после каждого стиха спрашивал он, и я, как благодарный гость, всё время хвалил его, сказал, что рад в этих просторах встретить родственную душу. Хотя, по правде, стихи его были так себе. Хромал размер, его рифмы, в основном, были глагольными, а содержание его стихов сводилось к известной «народной» песне «Никто тебя не любит так, как я, никто не приголубит так, как я!», которую на максимальной громкости своих проигрывателей сегодня слушают с умилёнными лицами продавщицы и продавцы на провинциальных рынках.

Но вскоре все его стихи закончились, а стихов других поэтов он, похоже, не знал, и над столом повисла пауза. Вдруг Анатолий взял меня за руку, я даже испугался и вздрогнул, не смотря на то,

что был уже под градусом, но его вопрос, который с выдохом выскочил из его груди, успокоил меня: «Как ты думаешь, Саша, она любит меня?!» Я опешил: «Кто она-то?» «Как кто? — удивился он, — Тамара, моя жена!» «А-а, извини, — решил уточнить я, — а давно вы с ней вместе?» «Да всю жизнь! Вот уже скоро тридцать лет будет!» — удивляясь, что я плохо понимаю его, резко ответил Анатолий и, чтобы быть убедительнее, подкрепил свои слова жестами огромных рук. «А дети у вас есть?» — робко поинтересовался я, понимая шепетильность этой темы. Он откровенно изумился моему вопросу: «А как же! Двое, дочь и сын. Дочь здесь, вышла замуж, живёт отдельно, своей семьёй, сын выучился, с семьёй живёт у вас, в Новосибирске, я помог ему там квартиру купить! — и с гордостью добавил, — Да у нас ведь уже трое внуков! Две внучки и внук, Ванька! Понимаешь?!» Анатолий был явно недоволен тем, что я его «не догоняю», и, я, чувствуя его недовольство, предложил ему ещё немного выпить. Признаюсь вам, я давно заметил, что в дружеском застолье произвожу впечатление человека знающего жизнь и много повидавшего на своём веку. И часто в компании находится некто, кому хочется поплакаться мне в жилетку, получить от меня ответ на мучившие его вопросы, порой и самые сокровенные. Сам не знаю, хорошо это или плохо, но это так. Анатолий не первый, и я надеюсь, не последний, кто вот так неожиданно для меня стал изливать мне душу. После небольшой паузы я спросил его: «А откуда у тебя такие вопросы-то?» «Какие такие?» — с обидой спросил он. «Ну, любит она тебя или нет?» — уточнил я. Анатолий отвел взгляд, вздохнул, потом снова повернулся ко мне: «Да, понимаешь, два года назад я три месяца был в командировке на изысканиях, вернулся домой, чувствую, что-то не то!» «А что не то?» — попытался уточнить я, он снова глубоко вздохнул: «Понимаешь, что-то не то! Чувствую, а объяснить не могу! Но не то! Понимаешь?» Я пожал плечами: «А ты говорил с ней об этом?» Он оживился: «Конечно! И не раз! Тамара говорит, что всё в порядке, что она любит меня!» «Ну вот! — обрадовался я, — Зачем же ты обижаешь её своим недоверием? Ревнуешь, что ли?» Он pokrивил немного губы, ещё раз вздохнул: «Ревную, конечно... Красивая она у меня, понимаешь?!»

Нужно было понять его, и, выдохнув из груди воздух, я попытался сначала успокоить Анатолия, широко улыбнулся ему, как ребёнку, спокойно посмотрел в его озабоченные глаза, и твёрдым голосом сказал: «Понятно всё с тобой! — я даже позволил себе похлопать его по могучему плечу, — Конечно, она любит тебя!» Он на мгновение опешил, округлил свои серые глаза и наклонился ко мне ближе: «Думаешь?» — неуверенно переспросил меня Анатолий. Я уже был на своём коньке: «Конечно, любит! Да и как можно такого мужика не любить?! — для усиления эффекта сказанных слов я поднял ладонь правой руки вверх, а потом со знанием дела неожиданно спросил его, — Надеюсь, ты свои стихи ей читаешь?» Он сразу взбодрился, расправил плечи, гордо ответил: «Конечно, читаю! А кому мне их ещё читать-то?» Я продолжал гнуть свою линию: «Ну вот, она же видит, как ты её любишь?!» «Конечно, видит! — ответил Анатолий с гордостью, но тут же, как актёр, надел на себя маску озабоченности и спросил, — А вот как узнать точно, любит она меня или нет?» «Да брось ты заморачиваться на эту тему! Ясно ведь, что любит!» — я старался быть убедительным, но Анатолий всё сомневался: «Вот знать бы точно, что любит! — и снова заглянул мне в глаза, — А, может, не любит, а?» «Ну что ты! — продолжал я тщетные попытки успокоить его, — Уверен, что она тебя обожает! Ты и красавец, и поэт, и, я так понял, хорошо зарабатываешь!» «Да, это так! — он с гордостью ладонью пригладил свою редющую шевелюру, обычно так делают бывшие красавцы, которые таким образом пытаются прикрыть остатками волос от посторонних взглядов свою лысину, — Семейю я содержу, хотя и Тамара неплохо зарабатывает, но со мной, понятно, не сравнишь!» Видя, что мои аргументы попали в цель, я попытался закрепить успех: «Время, конечно, не остановишь, мы потихоньку стареем, теряя былую привлекательность...» Он резко оборвал меня: «Я — да, Тамара — нет! Она с каждым годом всё красивее и красивее! А ведь это вижу не только я, но и другие! Понимаешь?» Видя, что со своей последней мыслью я промахнулся, решил зайти с другого бока: «Она ведь в этом не виновата, вот такие у неё хорошие гены! — он одобрительно кивнул мне, а я продолжил, — Вот! И ты напрасно её ревнуешь, поверь, что дороже тебя у неё никого

нет! — Анатолий опять округлил свои глаза, я заметил, что в них мелькнула надежда, и неожиданно предложил — Давай, Толя, выпьем за вашу любовь!» И залпом выпил первым, мне показалось, что Анатолий выпил с радостью, после чего его немного отпустило, он расслабился, опустил голову вниз и стал говорить сам с собой: «Значит, любит! Она меня любит!» Но я его уже практически не слышал, с трудом поднявшись из-за стола, я, шатаясь, дошёл до домика, держась за косяк, залез по ступенькам внутрь его, кое-как стянул с себя сапоги, упал на полати и мгновенно отрубился.

Проснулся оттого, что кто-то тряс мою руку, я открыл глаза и увидел наклонившегося ко мне Ивана Васильевича. «Вставай, пора на рыбалку идти!» — тихо, чтобы не разбудить других, говорил он мне. Моя голова болела так, что трудно было не только встать и куда-то идти, но и пошевелиться. Я простонал: «А который час-то?» «Да начало седьмого уже! Пойдем на рыбалку, я вчера побросал немного вдоль берега, двух небольших щучек поймал! — с гордостью сообщил он мне, — Утром клёв должен быть лучше! Пойдём!» Иван Васильевич осторожно, потечески, взял меня за руку и потянул к выходу, со стороны могло показаться, что командир ведёт с поля боя раненого бойца, так мне было плохо. Иван Васильевич аккуратно отодвинул марлю, который был завешан на ночь вход в избушку, чтобы ночью меньше было комаров. Правда, ночью я был в таком состоянии, что вряд ли почувствовал бы одновременный укус тысячи комаров в самое больное место, например, в нос. Мы вышли из избушки на улицу, свет больно ударил мне в глаза, я даже на пару секунд закрыл их. Постепенно мой организм просыпался, он требовал общения с природой. «А где здесь туалет?» — спросил я. «Вон там, — он указал мне рукой в сторону одинокой сосны, — за той сосной. Иди по этой тропинке». И я пошел неуверенной походкой по уже проторённой до меня тропинке. Действительно, за сосной стоял небольшой туалет типа «скворечник». На обратном пути я наткнулся на умывальник, который был прикручен к сосне алюминиевой проволокой, остановился, помыл с мылом руки и лицо, после чего вытер руки и промокнул лицо полотенцем, которое висело рядом, на вет-

ке. Не искать же где-то свою сумку, а в ней полотенце! Таковы законы рыбалки, тут не до церемоний! Иван Васильевич хозяйничал за столом, готовил нам бутерброды, посолил нарезанные огурцы и помидоры, налил нам в кружки крепко заваренный чай. «Садись, чайку попьём, по бутербродику съедим!» — он говорил со мной, как с маленьким мальчиком, очевидно, мой беспомощный вид подсказывал ему, какие слова дойдут до моего замутнённого сознания.

Но садиться за стол я отказывался, и, кривя своё лицо, ответил ему: «Что-то ничего мне не хочется!» — и добавил, — Пока». Опытный Иван Васильевич тут же нашёлся: «А давай-ка прими немного коньячку!» — он показал рукой на начатую бутылку коньяка, — Вот стоит! Тебе легче станет». Я поморщился, но он продолжил: «А то что же получится, ты зря на рыбалку съездил, так ни одного заброса и не сделаешь, что ли?» Этот аргумент на меня подействовал, осторожно, чтобы не беспокоить больную голову, я присел на лавку с краю возле стола. «Наливай!» — хриплым голосом скомандовал я, Иван Васильевич оперативно налил полную рюмку мне и половину себе, пододвинул ко мне бутерброды и овощи и сказал: «Ну, давай!» Я пошутил: «За природу — мать нашу!», и мы выпили. Коньяк, понятно, был неважнецкий, всё-таки не французский, подумал я, а наш, с сивушкой. Я задержал дыхание и засунул в рот кусок бутерброда с сыром и огурцом, через пятнадцать секунд, как учили опытные пьяницы, втянул в себя воздух через нос, а выдохнул его через рот, после чего сделал несколько крупных глотков сладкого чая. Через пару минут я уже нормально дышал, мог разговаривать и даже думать, жизнь возвращалась ко мне. «Стало лучше, чем было!» — бодрым голосом отрапортовал я Ивану Васильевичу. На его лице сияла добродушная улыбка, помог больному человеку! Он достал из кармана коробочку с таблетками, вынул одну из них и протянул мне со словами: «Прими-ка таблеточку цитрамона, от головы, да запей её рассолом от огурцов, чтобы восстановить кислотно-щелочной баланс!» Я забросил в рот таблетку, взял банку с рассолом и отпил из неё около стакана. Действительно, вскоре я почувствовал себя человеком, голова побаливала, но уже не критично, прекратились и рвотные позывы,

мучившие меня доселе. Светало, но солнце ещё не взошло, на ум пришли строчки М.Ю. Лермонтова из поэмы «Тамбовская казначейша»: «...тот серый час, когда заря на строй гусаров полусонных и на бивак их у леска бросает луч исподтишка!» Вот, и голова уже работает, глядя с благодарностью на Ивана Васильевича, подумал я, он — Человек, спаситель! Но почему-то постеснялся озвучить эту мысль. Да, похоже, он и не нуждался в моей благодарности.

«Ну что, пора?» — спросил меня Иван Васильевич. «Да, действительно пора!» — бодрым голосом ответил я, и мы одновременно встали из-за стола и пошли к домику за рыбацкими принадлежностями. Быстро надели куртки, головные уборы, я — свой знаменитый белый шлем плантатора, а Иван Васильевич — модную кепку цвета своей куртки, обильно побрызгали себя «Дэтой» от комаров и клещей, помня, что бережёного Бог бережёт, взяли спиннинги и чемоданчики и по извилистой тропинке пошли к берегу. Извилистая она потому, подумал я, что проложили её нетрезвые люди, и порадовался за своё умение шутить в такой момент. Спустившись к воде, мы обнаружили разбросанные вдоль берега рыбацкие принадлежности и перевернутую, полуспущенную лодку. Под лодкой мы обнаружили насос и вёсла, слава Богу, мелькнуло в голове, что не утопили по пьянке, ведь так бывало с моими знакомыми и не раз. Осмотрев протоку, я предложил на лодке переправиться на тот берег, который был более крутым, значит, рассудил я, возле того берега большая глубина и там должны водиться крупные щуки! Ивану Васильевичу моя мысль понравилась, я заметил, как в предвкушении хорошей рыбалки загорелись его глаза. Есть такое понятие у рыбаков — трофейный экземпляр, это когда, например, выловленная вами щука весит более десяти килограммов. Естественно, и мы с Иваном Васильевичем давно мечтали поймать по трофейной щуке, не раз говорили с ним об этом. «А чем чёрт не шутит, — подбадривал я его, — может, удача как раз и ждёт нас с тобой на том берегу протоки!» «Согласен, — с нетерпением в голосе ответил он, — надо только лодку подкачать!» Моё состояние уже позволяло мне делать самую простую работу, поэтому я по праву младшего подсоеди-

нил «лягушку» и быстро накачал лодку. Лодка была двухместная, вёсельная, цвета сочной травы, наверное, чтобы незаметно стоять в прибрежных зарослях во время охоты или рыбалки. Вскоре мы спустили лодку на воду, загрузили вещи, сели в неё сами и поплыли через протоку.

- VI -

Через минуту-другую мы уже «десантировались» на противоположный берег, который был хоть и не песчаным, как «наш», но тоже достаточно плотным, смесь из глины и песка хорошо держала вес рыбаков, и наши сапоги не проваливались в болотистую субстанцию. Привязав лодку к остаткам прибрежного ивняка, мы со своими спиннингами и чемоданчиками с рыбацкими принадлежностями, не сговариваясь, двинулись в разные от лодки стороны, я в сторону Оби, а Иван Васильевич пошёл в противоположную. Высота этого берега была около трёх метров, кое-где поперёк моего пути лежали подтопленные сосны, верхняя часть которых скрывалась в воде, а нижняя еще пыталась цепляться за жизнь на берегу. Очевидно, они не выдержали натиска паводка, берег подмыли быстрые весенние потоки воды, корни сосен обнажились и сосны рухнули в протоку, осознавая, что это конец их жизненного пути и к прежнему состоянию они уже не вернуться. В таком неприглядном положении они будут ждать следующей весны, когда мощные весенние потоки оторвут их от родного берега и унесут в невиданные дали, к конечному пункту. Я по берегу обошёл несколько таких топляков, и спустился к берегу в месте, где был внутренний изгиб протоки, здесь у берега была тихая заводь, а значит и более глубокое место. В сознании рыбака такое место акватории ассоциируется с наличием в нём крупной рыбы, что, конечно же, в большинстве случаев оказывается заблуждением. Но место мне действительно понравилось, я расположился со своими рыбацкими принадлежностями на берегу и огляделся. Солнце уже взошло над протокой с той стороны, куда ушёл Иван Васильевич, вдоль водной глади кое-где были видны остатки тумана, который, наверное, как и мы, загулял вчера и не успел дойти до берега и спрятаться там, в прибрежной траве. Лучи солнца под-

гоняли остатки тумана к берегу, и уже минут через пять его след, как говорят, и вовсе простыл. Было тихо-тихо. Ни шума лодочных моторов со стороны Оби, ни пения птиц, ни шума ветра, на протоке полный штиль, похоже, все ещё спали. Благодать! Я дышал полной грудью, наслаждаясь этим чудным утром, не хотелось своими забросами нарушать эту идиллию.

Но вдруг напротив меня метрах в двух от берега из воды выпрыгнул серебристый малёк, очевидно, он спасался таким образом от щуки, которая проснулась и решила позавтракать. Что ж, подумал я, раз так, то помогу слабому. Каким образом такая странная мысль пришла в мою голову, как ни силился, я не мог себе объяснить. Да и нужно ли это делать в такие минуты? Я быстро собрал спиннинг, прикрепил катушку, нацепив на щучий поводок серебристый воблер средней величины, похожий на выпрыгнувшего малька, и сделал хороший заброс. Воблер просвистел над водой и с небольшим шумом упал на середину протоки. Я немного поддёргнул спиннинг на себя, чтобы воблер скрылся под водой, и начал сматывать шнур на катушку. Аккуратно, никуда не торопясь, я вёл воблер к берегу, нужно было убедиться, что здесь нет коряг, и проверить глубину протоки. Дно протоки было чистое, песчаное, судя по нормативу заглубления воблера, глубина её ближе к середине была около двух метров. То, что надо! Вдруг метрах в трёх от берега я почувствовал резкий удар по воблеру, попытался подсечь щуку, но увы, не получилось. Адреналин тут же влетел в мою кровь, сердце моё учащённо забилось, щука здесь есть! Второй свой заброс я сделал влево метра на три от предыдущего места по течению протоки, чтобы, как учат опытные рыбаки, вести воблер под небольшим углом к течению. Как только воблер заглубился, я заметил рядом с этим местом небольшую воронку, это означало, что щука идёт в атаку! Тут же я почувствовал мощный удар! Подсечка! Есть, голубушка! Щука сидела на крючке! Началось, мелькнуло в моей голове, пока я быстро наматывал шнур, не давая щуке возможности ослабить его, а потом резко рвануть в глубину или в сторону, чтобы динамичным рывком порвать шнур. Щука билась за жизнь насмерть, но я победил! Аккуратно, на средней скорости я вытащил её на берег, протя-

нул с метр по земле и придавил сапогом. Крепко взяв щуку за голову, я медицинским зажимом высвободил крючок из её пасти. На вид щука была килограмма на два, средняя. Освободив воблер, я достал свободной рукой из другого кармана мешок из под сахара, в который входит десять килограммов, и опустил в него щуку. Она тут же ожила, видимо из-за смены освещения, и стала биться, что называется, из последних сил. Чтобы облегчить щуке страдания, я через мешок, боясь порезать руки о её жаберные крышки, которые часто сравнивают с бритвой, надломил хребет возле головы. После этой жестокой экзекуции щука сразу обмякла и успокоилась. Можно было готовиться к очередному забросу. Неспешно я подошел к воде и помыл руки, которые потом вытер о брюки, понятно, что полотенца у меня с собой не было.

После следующего моего заброса воблер упал приблизительно в то же место. Не успел воблер уйти под воду, как на месте его падения образовалась крупная воронка и последовал могучий удар, который потряс всё моё тело! Подсекать было уже поздно, в ушах стоял звон порванного шнура. Крупная щука, возможно, трофейная, оборвала мою снасть, утащив куда-то и воблер, и хромированный поводок, и остатки шнура. Мой громкий стон разочарования и последовавший за ним русский мат вспугнул с кустов прибрежных птичек, которые к этому времени уже проснулись и с интересом наблюдали за мной, обсуждая что-то между собой. Птицы сделали небольшой кружок и вернулись на берег, правда, сели в этот раз подальше от меня, думаю из-за моей несдержанности. Сматывая остатки шнура, я подумал, возможно, это была щука-мама, которая таким образом отомстила мне за своего сына или дочь. Но, если честно признаться, обижаться мне нужно было только на себя, а не на крупную щуку, тем более трофейную. Ведь я сам, вопреки советам бывалых рыболовов, из-за своей лени, чтобы меньше возиться с вываживанием рыбы, катушку всегда ставлю на тормоз, не давая той стравливать шнур. Конечно, с крупной рыбой в этом случае пришлось бы долго возиться, постоянно подматывая шнур и стравливая его, чтобы рыба от такой борьбы устала, выбилась бы из сил, а уже обессиленную её и рекомендуется

вытаскивать на берег. Мне говорили, что перед берегом уставшая от борьбы крупная щука даже переворачивается брюхом кверху, а рыбаки заходят в воду и на руках, как речную невесту, выносят её на берег. Верю, что так бывает, хотя и не видел ничего подобного сам, но что точно, так это то, что шнур не порвётся, а значит, в цельности и сохранности будут ещё и поводок, и насадка на нём. Я глубоко вздохнул, вполне возможно, что такой случай с крупной рыбиной мне больше и не выпадет никогда в жизни. Пока эти мысли под оживлённое щебетание птиц гуляли в моей не совсем ещё здоровой голове, я смотал на катушку остатки шнура, его длина была ещё вполне достаточной для заброса на середину протоки, привязал специальным рыбацким узлом новый поводок, нацепил на него свою самую любимую уловистую блесну-вертушку, которая в воде похожа на четырёхмесячного мальчика верхоплавки.

С первого же заброса я поймал щуку, правда, на этот раз небольшую, на вид около килограмма, но для рыбака ведь важен сам процесс. А процесс пошёл! Практически при каждом забросе была поклёвка, или я ловил очередную щуку, или она срывалась с крючка, одаривая меня своей зубастой улыбкой на прощание. Признаюсь, что именно при ловле щуки я, как и многие мои знакомые рыбаки, получаю большое удовольствие. Ведь щука очень умная и сильная рыба, хозяйка местных акваторий, а как она бьётся за жизнь?! Это нужно хоть раз в жизни почувствовать всеми клеточками своего тела! Для тех, кому не суждено почувствовать что-нибудь подобное или посмотреть со стороны на такую рыбалку, опишу два случая, которые я пережил на этой рыбалке под Сургутом. Попалась мне на блесну небольшая, судя по оказываемому сопротивлению, щука, довольный собой я быстро кручу катушку, подводя мою пленницу к берегу. Ясно, что у такой щуки не хватит силы порвать мой шнур, который рассчитан на десять килограммов при статическом разрыве. Я уже представляю, как буду снимать красавицу с крючка, а надо отметить, что щуки очень красивы, из речных и озёрных рыб это, на мой взгляд, венец творения природы! Они стройны, а щуки до пяти килограммов даже элегантны, не то, что язи, караси или лещи, в воде они стремительны, как молнии.

А какой у них наряд в зеленовато-серых тонах?! Надеюсь, вы меня понимаете? Но вернусь к описываемому случаю. Вдруг на какое-то мгновение шнур ослабевает и провисает над водой! Пока я открыв рот, вместо того, чтобы устранить провис резким движением спиннинга или ускоренным вращением катушки, соображаю, не сорвалась ли она, или, не дай Бог, случилось ещё что-то более неприятное, моя щука выпрыгивает вертикально над водой, делает свечу! Оказывается, она не стала сопротивляться мне, а сделала ускорение в мою сторону, чтобы ослабить натяжение шнура! Рыбак, естественно, замирает, увидев нечто подобное, а щуке только это и нужно! То ли оттого, что в этот момент меняется угол зацепа, то ли от ослабления шнура и последующего удара о воду, но крючок выскочил из пасти моей, как я уже думал, красавицы, а щука, не скрывая радости победы над человеком, вильнув мне на прощание хвостом, скрылась под водой. Изумлённый увиденным, я ещё долго смотрел на расходившиеся от места падения щуки по воде круги, медленно сматывая шнур на катушку. Понятно, что вместо восторгов, в таких случаях чаще всего окрестности оглашает брань в адрес щуки, которая на какое-то время заполняет прибрежное пространство до тех пор, пока над водой не послышится свист, это блесна полетела на встречу с новой красавицей.

- VII -

Следующая проводка, как правило, пустая. Возможно, думал я, это происходит потому, что от шума и плеска, вызванного предыдущей свечкой, остальные щуки почувствовали опасность, решили быть осторожнее, затаились на какое-то время. Я же ещё нахожусь во власти переживаний от случившегося, глубоко вздыхаю и костерю по чём зря обманувшую меня щуку. Решаю сменить место дислокации, прохожу по берегу в направлении Оби метров десять, раскладываю на берегу свои принадлежности. Внимательно осматриваю крючки на блесне, не затупились ли? Но крючки в полном порядке, это я таким образом подсознательно пытаюсь успокоиться. Успокоившись, я высматриваю на протоке самое привлекательное по моему мнению место для заброса и делаю его. Блесна летит точно в то место,

куда я и хотел, и это меня радует. «Молодец, — подбадриваю я себя, — мастерский заброс!» Рыбалка продолжается. На новом месте, думаю я про себя, должны быть новые, возможно, более крупные щуки. В этих моих рассуждениях есть и доля правды, ведь предыдущая акватория была мной, как говорят рыбаки, обловлена. На новом месте могут быть более глубокие ямы на дне, в которых затаились хищницы, среди которых, надеюсь, должны быть и крупные. Утром у щуки «жор», ночью ведь она не охотится и успевает проголодаться, особенно в том случае, если вчера она неважно подкрепилась. Знаю, что при появлении добычи «право первой ночи», то есть первого броска на добычу, принадлежит, естественно, самой крупной в этом околоте щуке. Так я настраивал себя на берегу, и в это время произошёл случай, которым я тоже хотел бы поделиться с вами.

Первая проводка на новом месте получилась пустой, я стряхнул воду с блесны и сделал второй заброс примерно в то же место, что и первый. Блесна тяжелее воблера, поэтому она быстрее ушла под воду, и почти сразу же на этом месте образовалась крупная воронка, свидетельствующая о крупной щуке. Атака! Но я уже в полной готовности, последовал мощный удар, резкая подсечка и щука на крючке! Удилище затрещало от напряжения, верный признак крупной добычи, но и по напряжению всех моих мышц я тоже понял, что попалась крупная щука! Судьба благоволила мне, оставалось только вытянуть попавшуюся щуку на берег. Понятно, что крупная доза адреналина снова попала в мою кровь! Ну, наконец-то поймаю трофейную щуку, думал я, быстро наматывая шнур на катушку. От предстоящего удовлетворения я даже проглотил слюну, меня немного трясло, как трясёт пьяницу с похмелья. Судя по моим мышечным ощущениям, щука была очень крупной, за восемь килограммов. Мелькнула мысль, как я буду с гордостью показывать свой улов сначала Ивану Васильевичу на этом берегу, а потом всем остальным на том, когда мы приплывём. И вдруг мой шнур резко не просто ослаб, он упал на воду. Что за чертовщина, обрыв что ли, мелькнуло в моей голове? Но в это время я увидел то, что ввело меня в полный ступор. По поверхности воды с моей блесной в пасти, с угрожающим видом на меня летела огромная

щука, похожая на небольшое бревно. Понятно, что смотать обвисший шнур у меня уже не было возможности, и я по инерции медленно вращал катушку, дожидаясь развязки. Вдруг, метрах в пяти от берега, щука резко разворачивается и летит в обратную сторону и уходит в глубину, немного наискосок, в сторону Оби. И тут происходит удар! Шнур, в отличие от удилища, не выдерживает и со звоном рвётся на последнем кольце удилища. Снова свою роковую роль сыграл тормоз на катушке или моя природная лень! Выбирайте, что вам ближе. Финита ля комедия! А ведь счастье-то было так близко!

Ошарашенный произошедшим, я несколько минут неподвижно стою и смотрю на воду, на то место, где скрылась «моя» щука. Вымолвить что-то членораздельное, даже матерное, мне не удаётся. Думаю про себя, что щука, вполне довольная собой, помчалась трубить о своей победе над глупым человеком своим сородичам. Завидую? А что же с блесной? Если повезёт, щука выбьет её из пасти о дно протоки или реки или будет выловлена более удачливым и искусным рыбаком, чем я, на другую снасть. Если нет, то запутается остатками оторванного шнура, а это около десяти метров, среди травы или веток коряги, и из этого плена ей уже ни за что не вырваться. А может, это Господь наказал меня за гордыню, ведь хотел же я похвастаться своим уловом перед друзьями-товарищами, глубоко вздыхая, думал я, сматывая на катушку остаток шнура. Что дальше делать? Я посмотрел на мой мешок, из которого свисали хвосты выловленных щук, ещё раз вздохнул о своей утрате, конечно же, не о моей любимой блесне, а о трофейной щуке, и принял решение возвращаться к лодке. Не смотря на хороший улов чувство неудовлетворённости, прежде всего, самим собой, переполняло моё сердце. Я решил подняться на берег и возвращаться по берегу протоки к лодке. Сначала я вытащил на берег мешок со щуками, потом спиннинг и рыболовный чемоданчик и двинулся в обратном направлении. Шёл по высокой траве и думал, откуда у щуки такие коварные уловки и повадки? Понятно, что никто молодым щукам не даёт уроки на тему, как не попасться на крючок или как уйти с него? Наверное, подумал я, это передаётся на генном уровне. В момент моих раздумий я снова почувствовал боли

в голове, это, наверное, от только что пережитого мной, хотя, допускаю, что, увлекшись рыбалкой, не замечал боли. Тем не менее, пережитое на рыбалке и сужение кровеносных сосудов в голове после вчерашнего застолья с обильным возлиянием алкоголя давало себя знать.

Трава на берегу вымахала по грудь мне и мешала, как могла, моему передвижению. Здесь, на берегу, я в полной мере почувствовал изобилие мошки и комара в траве, которых сам и разбудил, странно, что у воды я не заметил их присутствия. Птицы с криками разлетались из под моих ног, наверное, здесь, где-то рядом на необитаемом берегу были их гнёзда, и моё внезапное появление перепугало их не на шутку. В правой руке я нёс мешок с щуками, он прямо-таки тянул меня к земле, а в левой спиннинг и рыбацкий чемоданчик. Руки заняты, в таком положении трудно отбиваться от гнуса, приходилось терпеть. Неожиданно я запнулся обо что-то и упал в траву. Щуки мои из мешка рассыпались по траве, спиннинг и чемоданчик чуть было не слетели с берега к воде. Чертыхаясь, я поднялся и увидел под своими ногами рыбацкий чемоданчик Виктора Алексеевича, узнать его было не сложно, пластик был обтянут натуральной кожей, а через прозрачные окошечки в верхних отделениях лежали дорогие воблеры и муляжи мышей, которых, по словам чиновника, просто обожают щуки. Собрав в мешок щук, и прихватив в левую руку ещё один чемоданчик, я наклонил голову, чтобы своей рыбацкой каской, как ледоколом, раздвигать траву, стиснув в волевом порыве зубы, и двинулся вдоль берега. Слава Богу, мне оставалась идти около двадцати метров, а то я уже рассматривал вариант привала на берегу. Ну наконец-то спуск с берега к воде, где у воды лежала лодка, которая служила мне маяком в этом безлюдном пространстве. Аккуратно, чтобы не свалиться в воду, я спустился к лодке, балансируя грузом в своих руках, и обнаружил недалеко от неё Ивана Васильевича, который сидел на своём сундучке и привязывал к шнуру новый поводок. Он поднял на меня голову: «Ну, как у тебя?» Я с гордостью показал ему свой улов, с обидой на местных хищниц рассказал о сходах щук и обрывах. Он еле заметно усмехнулся и тихо, словно себе, сказал: «Понят-

но...», после чего он кивнул головой на большой полиэтиленовый пакет возле лодки, свой улов. Я заглянул в пакет, примерно такой же улов был и у него. «Вот это клёв! — воскликнул я, — Мы с тобой давно мечтали о такой рыбалке!» Не отрываясь от шнура, Иван Васильевич с удовлетворённой улыбкой кивнул мне головой и добавил: «Это точно! Сегодня всё сошлось, и время, и погода, и место. Просто здорово!» Показывая рукой на его шнур, я спросил: «Что, оборвала?» Иван Васильевич улыбнулся чему-то своему, вздохнул и после небольшой паузы ответил: «Ты представляешь, щука обрывает у меня шнур вот с этим воблером, — и он показал мне небольшой желтоватый воблер, — Я цепляю другой воблер, делаю заброс, и мне попадаете щука, из пасти которой торчит вот этот воблер! Чудеса, да и только!» «Надо же, какая она жадная, — воскликнул я, и продолжил рассуждать, — Хотя рыба явно не глупая, порой такие фортели выкидывает, что и описать сложно! И свечи, и разнонаправленные движения в воде, и атака на рыбака!» «Жадная, жадная она! — подтвердил Иван Васильевич, — Помню, как в детстве на Иртыше мы ловили щук на живца, аккуратно забрасываешь живца к щуке, которая греется недалеко от берега, и как только она хватает его, мы резко дёргали удочку к берегу! Щука из-за своей жадности крепко держит живца, не разжимает пасть, а когда оказывается в воздухе, то уже поздно. Пасть-то она раскрыла, но по инерции летит на берег, где мы её и подбieraем». «Жадность фраера губит!» — пошутил я.

Видя, что Иван Васильевич улыбнулся, я подсел к нему, достал из кармана фляжку с коньяком и предложил ему немного выпить, обмыть такую рыбалку. «Не нахожу причин отказать тебе!» — пошутил Иван Васильевич, пока я доставал из кармана дежурную закуску — шоколадные дольки «Вдохновения». Кстати, рекомендую, очень удобное разделение шоколада по долькам, каждая из которых завёрнута в фольгу, из-за чего шоколад не плавится в руках, на него не налипают крошки мусора, и он хорошо хранится. Я развернул половину первой дольки шоколада и протяну её Ивану Васильевичу вместе с фляжкой коньяка. Он взял фляжку в правую руку, а закуску в левую, поблагодарил меня кивком головы, после небольшой паузы отпил

из фляжки несколько глотков, после чего вернул её мне и закусил маленьким кусочком шоколада. Моя шоколадка уже была готова, я принял фляжку и жадно отпил из неё граммов пятьдесят, чувствовал, что трубы горят, требуют жидкости! Мы огляделись по сторонам, наслаждаясь красотой природы. Стояло летнее тёплое утро, жара ещё не пришла, мошка пока не полетела кормиться, ветра не было вовсе, из разных мест доносился нестройный птичий хор, словно оркестр настраивался перед исполнением увертюры, после которой последует исполнение гимна родному краю. В такие минуты хочется слиться с природой надолго, возможно, навсегда и, как шутят учёные в области управления, внешняя и внутренняя среда требуют выпить ещё! Мои мысли прервал Иван Васильевич, который, указывая на чемоданчик Виктора Алексеевича, спросил: «А где ты его нашёл?» «Да на берегу, — указал я рукой, — недалеко отсюда». «Слава Богу, а то он вчера пьяный переплыл протоку, пошёл рыбачить, но только весь шнур запутал, расстроился и вернулся обратно, а чемоданчик-то свой где-то потерял. Напился с горя, мы все переживали за него, но уже стемнело, решили искать утром. Поедем, обрадуем его». «Может ещё по одной?» — робко предложил я, протягивая ему фляжку, но Иван Васильевич жестом руки показал мне, что хватит, аккуратно завернул остаток шоколада и положил себе в карман со словами: «Пригодится!». Он встал и пошёл к берегу, отвязал от куста лодку, наполовину спустил её на воду, загрузил свои снасти и жестом пригласил в лодку меня.

- VIII -

Я сел на вёсла, и мы поплыли обратно. Солнце поднялось над лесом и разбудило ветерок, который в свою очередь поднял мелкую рябь на воде. Птицы, что называется, уже спелись и на все лады распевали утренний гимн. В это время щуки, набив мальком свои желудки, отдыхают в укромных местах на глубине протоки или греются на отмелях возле тихого берега. До вечера клёва уже не будет, разве что какая-нибудь шальная схватит, но на это была небольшая надежда. Лодка уткнулась в «наш» берег, на котором нас с озабоченным лицом встретил

Владимир Семёнович. Я не предложил ему глотнуть коньячку за удачную рыбалку, так как знал, что при любых обстоятельствах, в любое время года он практически не употреблял алкоголь, прикрываясь или «рулём» или неважным самочувствием. Утром он всегда вставал рано, раньше других, по его положению в обществе, по умению делать дела, по просторным квартирам его и трёх его сыновей, по их крутым, как говорили очевидцы, дачам выходила справедливость поговорки «Кто рано встаёт, тому Бог даёт!» Первым делом Владимир Семёнович поинтересовался, не нашли ли мы на том берегу чемоданчик Виктора Алексеевича, я достал пропажу из лодки, и вручил её ему с чувством выполненного долга молча и торжественно. Радостная улыбка украсила лицо Владимира Семёновича, он резко повернулся и, прижав чемоданчик, как драгоценный клад, к груди, побежал в домик, стараясь первым обрадовать и успокоить Виктора Алексеевича. Я знал, что с «Сургутнефтегазом» у них были какие-то общие дела с мудрёными научными названиями, и ему совсем не хотелось, чтобы пропажа столь ценного личного имущества Виктора Алексеевича могла не только омрачить настроение чиновника, но и негативно отразиться на их тесном взаимодействии. А ведь они так славно дополняли друг друга! Мы переглянулись с Иваном Васильевичем, нам-то в первую очередь хотелось поделиться с ним впечатлениями об удачной рыбалке, какими-то яркими подробностями, а не этой находкой. Наше рыбацкое самолюбие было уязвлено. Выгружая снасти и улов из лодки, Иван Васильевич, видя огорчение на моём лице, успокоил меня: «Да не расстраивайся ты, не рыбак он, потому так себя и ведёт!»

Мы поднялись на берег и подошли к столу, за которым уже вовсю хозяйничал Анатолий. На середине стола в стеклянном чайничке, который я вчера не заметил, заваривался крепкий чай — популярное лекарство при похмелье. По обе стороны от чайничка вдоль стола стояли одноразовые тарелки, на которых ровными крупными ломтиками лежали кружочки сервелата, сыр, мясная нарезка, салат из помидоров и огурцов, хлеб, а на одной из тарелочек лежали бутерброды с чёрной икрой. А водку, коньяк и пиво словно и не убирали со вчерашнего дня. Ана-

толий радостно поприветствовал нас, и с нескрываемой заинтересованностью спросил: «Ну, как сегодня рыбалка?» «Здорово!» — за нас обоих ответил радостный Иван Васильевич, было видно что этот ответ и ожидал Анатолий. «А что я вам говорил?!» — воскликнул он. «Да, да, всё здорово, Анатолий Иванович! Сердечное спасибо Вам!» — снова ответил за нас Иван Васильевич и приложил при этом правую руку к сердцу. Воспользовавшись небольшой паузой, смог и я вставить фразу: «Рыбалка отличная! Давненько с нами такого не было!» Удовлетворённый нашими ответами, Анатолий указал на места за столом, сопроводив этот жест командным голосом: «Садитесь за стол, завтракать будем! Скоро, — он указал на костёр, возле которого сутились Сергей и Гена, — и уха к столу подоспеет!» «Хорошо, только умыться надо, — снова за нас ответил Иван Васильевич и спросил Анатолия, — С рыбой-то что делать будем? Не плохо было бы из неё уху сварить». Анатолий показал рукой в сторону сосны: «Рыбу оставьте пока в траве под сосной, где умывальник, а дальше видно будет. А что касается ухи, то Сергей этим вопросом занимается, уха скоро готова будет». В это время выскочил из домика и подбежал к столу Владимир Семёнович, он налил треть стакана коньяка, прихватил бутерброд с икрой, немного подумав, огурец и со словами: «Виктора Алексеевича подлечить надо!» — побежал в домик. «Ничего, к обеду отойдёт!» бросил ему вслед Иван Васильевич.

Сначала мы поставили к домику рыбацкие принадлежности, потом отнесли и положили рыбу на траву за сосной, после чего по очереди умылись и протёрли лицо и руки вафельным полотенцем, похоже, одноразовым. Когда сели за стол, мне показалось, что Анатолий старается не смотреть мне в глаза, наверное, подумал я, утром он уже пожалел, что вечером разоткровенничался со мной о своей жене. Действительно, слово — не воробей, вылетит — не поймаешь. Видя его некоторое смущение, я сделал вид, что ничего не помню из вчерашнего нашего разговора. Анатолий налил нам с Иваном Васильевичем по рюмке водки и жестом руки сделал предложение выпить. В это время к столу подбежал Виктор Алексеевич, на запах что ли такая реакция? Сел за стол напротив меня, налили, естественно, и ему.

Я внимательно посмотрел на него, было видно, что он ещё не отошёл от вчерашнего вечернего застолья, глаза были мутными, небритое, помятое лицо выражало неудовольствие происходящим и немного опухло, волосы торчали в разные стороны, руки тряслись. Виктор Алексеевич попытался было быстро опрокинуть спиртное внутрь себя, но опытный в таких делах Иван Васильевич жестом остановил его порыв и, выдержав небольшую паузу, встал и двинул тост: «Хотелось бы от гостей поблагодарить Вас, Анатолий Иванович, за отличную рыбалку, за то, что показали нам такие замечательные места!» Гости, а в это время к нам присоединился и Владимир Семёнович, который сел рядом с Виктором Алексеевичем, как по команде, в знак согласия утвердительно покивали головами, выпили и стали молча закусывать. Надо отметить, что после хорошей рыбалки водочка, как её не ругают, идёт, как по маслу! Довольный происходящим Анатолий с улыбкой наблюдал за нами. После паузы он попросил всех налить водочки, встал и сказал ответный тост о благодарности присутствующим и родной академии за всё, что они для него сделали. Было видно, что говорит он не так хорошо, как командует подчинёнными, тем не менее, мы поддержали его и снова выпили водки, а Анатолий с утра пил только сок, ведь ему предстояло садиться за руль и вести нас назад, в Сургут.

Известно, что после трёх-четырёх рюмок атмосфера за столом смягчается, становится более благожелательной, люди начинают раскрепощаться, улыбаются друг другу. Вам кажется, что наступил момент, когда можно рассказать присутствующим какую-нибудь занимательную историю, имевшую место в вашей жизни, и при этом вы уверены, что вас поймут правильно и, возможно, оценят. Как-то так получилось, что незаметно застолье прибрал к своим рукам Виктор Алексеевич. Сначала он предложил выпить за дружбу и взаимовыручку, выразительно посмотрев на нас с Иваном Васильевичем. За такое грех не выпить, что мы и сделали. Закусывая, я подумал, что это знак благодарности за нашу утреннюю находку. В это время к столу подошёл Сергей и по-военному доложил Анатолию, что уха готова. «Разливайте её там и подавайте в тарелках к столу!» — командовал Анатолий, и, пока Сергей ушёл к костру, пояснил нам,

что приготовлена тройная уха из разных сортов местной рыбы, которую он на всякий случай прихватил с собой. Как только Сергей принёс и поставил первые две тарелки на стол, аромат настоящей ухи, сваренной на костре, пронзил не только наши органы обоняния, но и души. Виктор Алексеевич тут же подскокил, налил всем и, глядя на Анатолия, с пафосом сказал: «За горячее, за уху и за прекрасных людей-сибиряков!» Как за такое не выпить?! Естественно, все его поддерживали, не заметив, что в свой собственный адрес этот тост прозвучал не очень-то и скромно. Пока все закусывали, по очереди нахваливая уху, я снова посмотрел на Виктора Алексеевича, какие же произошли с ним изменения буквально за полчаса! Лицо его разгладилось, словно он быстро поправился килограммов на десять или по нему прошёлся горячий утюг, глаза заметно просветлели, возможно, это водка оттянула муть из глаз, по его лицу блуждала довольная улыбка, а известно, насколько улыбка способна преобразить даже самое некрасивое лицо, а порой и безобразное. Самое странное, что волосы, которые он постоянно приглаживал ладонью, понемногу прибрались в подобие причёски. Он цвёл и пах, хотя пах, судя по всему, не очень. Жизнь для Виктора Алексеевича продолжалась, перед нами сидел вполне успешный и довольный собой человек.

После того, как Владимир Семёнович вручил ему утерянный чемоданчик, рыбалка Виктора Алексеевича перестала интересоваться, а значит и наш с Иваном Васильевичем утренний улов. После того, как он пришёл в норму, за столом был только один рассказчик. Это были экзотические рассказы о его выездах на охоту и рыбалку, часть которых я уже слышал от него в самолёте. Сначала он рассказал про охоту на лосей в пятидесятиградусный мороз в каком-то районе Красноярского края, понятно, что к охоте готовились загодя, а мороз, да ещё такой сильный, как всегда, случайно выпал на их поездку. Округлив свои просветлевшие глаза, Виктор Алексеевич, обращаясь в первую очередь к Анатолию, рассказывал об этом случае, для убедительности кивая головой: «Представляешь, и по большой, и по малой нужде ходили в ведро в охотничьем домике, а выскакивали на минутку, чтобы выплеснуть ведро, да снега набрать, что-

бы вода была! Хорошо, что дров было припасено много, печку топили постоянно, а иначе бы замёрзли! Снегоходы, понятно, в такую стужу моментально отказали, но самое страшное было ночью, при прояснениях неба, когда температура опустилась до самой низкой за сто лет наблюдений отметки! Только начинаешь засыпать, на улице возле домика раздаётся страшный взрыв, словно рядом с вашим ухом выстрелили дуплетом из ружья двенадцатого калибра! И так всю ночь, представляешь! Я даже подумал, не конец ли света наступает?! Утром выходим, мать честная, сосны разорваны сверху пополам, оказывается, это мороз их так расколол за счёт влаги внутри дерева. Вот такая была у нас охота! Сами-то не замёрзли, водки было достаточно! Кстати, — он встрепенулся, быстро налил водки всем, — давайте выпьем за Сибирь!» Все понимающе переглянулись и выпили. А как за Родину не выпить?! Результаты той охоты, похоже, никого не интересовали, да они и так были понятны всем. К этому времени за стол подсел и Гена, который внимательнее других слушал рассказы Виктора Алексеевича, залпом выпивал водку вместе с рассказчиком, почти не закусывая.

Через пару минут Виктор Алексеевич рассказал про охоту с вертолётчиков на козлов-архаров в Республике Алтай, которую он, как и многие наши соотечественники, называл Горным Алтаем. Его нисколько не смущало, что эти животные занесены в Красную книгу, что охота на них запрещена, дело в том, что руководители «Охотнадзора» республики сопровождали его и других высокопоставленных чиновников на этом же вертолёте. Говорил Виктор Алексеевич об этой охоте с гордостью, мол, знайте наших, не скрывая своего презрительного отношения к законам, которые повсеместно попираются, при этом он давал понять всем присутствующим, кто в нашей стране хозяин. В этот раз была и добыча — три козы и один козёл, и шурпа из них, и, естественно, шашлыки, и, конечно же, всё под водочку. Сказав «водочка», а надо было видеть, с какой любовью он произносил это слово, он снова встрепенулся, так вздрагивают чувственные дамы при виде альфа-самца, юные девы при виде огромного букета из красных роз и наркоманы при виде халявного «косячка», и двинул новый тост: «Кстати, давайте выпьем

за Горный Алтай! Здорово там!»» Согласитесь, и за это грех не выпить. Уха хорошо пошла! Мы с Иваном Васильевичем попросили добавки, видя, как разгулялся у гостей аппетит, Анатолий попросил Гену подрезать в салат ещё огурцов и помидоров, а в тарелочки колбасы и сыра. Так наш завтрак плавно перетёк в обед. А вы не пробовали с утра столько съесть? Не получится! Только на рыбалке, только на природе так хорошо естся и пьётся! Ну и, конечно же, с хорошей компанией! А куда же без неё?!

Немного закусив, Виктор Алексеевич начал свой новый рассказ о рыбалке на тайменя на Телецком озере, но буквально на полуслове его прервал Анатолий: «Пора нам собираться! — командным голосом сказал он всем присутствующим, и добавил, обращаясь персонально к Ивану Васильевичу, — Заедем ко мне на дачу, баньку истопим, попаримся, пивка попьем, отдохнём, а утром я вас в аэропорт отвезу». «Конечно, конечно!» — подтвердил свою готовность Иван Васильевич, который к этому времени уже немного устал от застолья, Виктор Алексеевич же и жестом руки, и мимикой лица выразил неудовольствие не в том, что неожиданно прервали его рассказ, а в том, что отрывают его от выпивки и закуски. Но Анатолий успокоил его: «Не беспокойтесь, там у нас всё есть! — после этих слов он встал и повелительным жестом руки усилил воздействие на гостей, — Собирайтесь! Пора!» — вышел из-за стола, и пошёл с Сергеем в домик собирать свои вещи, за ним послушно пошли мы с Иваном Васильевичем собирать свои. Огорчённый Виктор Алексеевич явно не хотел вставать из-за стола, налил себе ещё одну рюмку водки, без слов, залпом, выпил один, с горя, вместо закуски потянул носом воздух и с умиротворённым видом закрыл глаза. Сергей вернулся к столу, не обращая никакого внимания на дремлющего чиновника и на уже захмелевшего Гену, быстрыми и уверенными движениями он стал собирать со стола в пищевые мешки остатки еды и напитков, оставив немного выпивки и закуски на столе, для Гены. В моей жизни было немало случаев, когда я имел возможность наблюдать за чиновниками в подобных ситуациях, поделюсь с вами своими впечатлениями. То, что чиновники много пьют, это правда. Откуда это пошло? Как ни странно, с советских времён. Тогда считалось, если ты не

пѣшь, значит больной, что не позволительно для ответственной работы, или ты стучишь, что позволительно, но неприятно для твоих сослуживцев. Вот такая царила тогда идеология! Важно было уметь пить! Что это означало? Пить нужно, не отставая от всех, но при этом не напиваться, чтобы сильно пьяным тебя никто не видел. Вот Виктору Алексеевичу последнее не очень-то удавалось, он постоянно напивался, возможно, поэтому он и застрял на средних ступенях чиновничьей иерархии. Правда, и здесь надо отдать ему должное, стоило ему подремать буквально минут тридцать, и он снова приходил в норму, неожиданно для всех возвращался за стол в состоянии лёгкого подпития, то есть, практически, был как все.

- IX -

Дорога с острова до дачи оказалось намного короче дороги на остров. Впрочем, дорога домой нам всегда кажется и короче и быстрее. Дача Анатолия находилось в одном из бывших пригородных посёлков под Сургутом, недалеко от аэропорта. Старый посёлок умер, превратившись в садовое некоммерческое товарищество или, как принято у нас называть такое товарищество, в дачный посёлок. Кое-где в посёлке ещё встречались старые рубленые дома-пятистенки, но в основном здесь уже стояли новые двух- и трёхэтажные дома из добротного кирпича, на участках за забором виднелись рубленые бани, парники, высокие плодоносящие деревья и кусты. Такие же дачные посёлки без особого труда можно встретить возле любого крупного российского города, где люди построили себе нормальные загородные дома, в которых, в основном, и проводят время с конца апреля, когда сходил снег, по середину октября, до тех пор, пока снег не накроет земельный участок. Странно, что в советское время коммунисты запрещали гражданам под угрозой конфискации имущества и лишения партийного билета строить дома за городом. И сейчас, в наше время, возле небольших провинциальных городков, переживающих не лучшие времена, ещё можно встретить садово-огородные товарищества или, как их тогда называли, сады, с маленькими, полуразвалившимися домиками-скворечниками в начале участка да с туалетом, который похож

на крошечный скворечник, в конце участка. Причём участки-то нарезались по три-четыре сотки, коммунисты заботились в условиях тотального дефицита, чтобы народ сильно не жировал. При этом в каждом регионе были дачи горкомов и обкомов партии, на которых отдыхали летом семьи партийных работников, чиновников и приближённые к тем и другим люди. Думая об этом, я тяжело вздохнул, надо же придумать под видом освобождения человека такую систему порабощения и угнетения, что, казалось, и выхода из неё нет никакого. Но, хвала Всевышнему, эта система рухнула, на смену ей пришла другая. Лучше ли? По части свобод человека — да, по части справедливости — не уверен.

В это время наши машины остановились у высокого забора из бордового железного профиля. Мы вышли из машин, Анатолий открыл ключом калитку и велел нам занести вещи в дом. Мы бодрым шагом зашли на участок, поставили вещи на крыльцо возле дома и, руководствуясь приказами хозяина участка, прошли и расположились в просторной, собранной из точёных деревянных деталей, беседке, стоящей возле бани. И сама беседка, и стол внутри её, и скамейки вокруг стола были покрыты тёмной пропиткой под вишню, а сверху ещё и лаком такого же цвета. Подошёл с пакетами Сергей и включил в беседке свет, хотя было ещё не настолько темно, потом он выгрузил на стол в одноразовые тарелки остатки еды, поставил напитки, которые он прихватил с острова, после этого он ушёл в дом, откуда принёс пивные кружки, стаканы под сок и рюмки под водку. Анатолий принёс из машины и поставил на стол четыре трёхлитровые бадёйки из прозрачного полиэтилена с пивом, судя по цвету, пиво было нефilterованное, купил он его в магазине посёлка по пути на дачу. Тут же он сухо приказал Сергею: «Сходи в дом, возьми в холодильнике рыбу и принеси к столу!» и, видя, что процесс пошёл, сказал довольным голосом: «Начинайте потихоньку, а я баню вам пока истоплю, минут через сорок, думаю, будет готова». После чего он вышел из беседки и скрылся за дверями бани. При виде напитков встрепенулся дремавший было Виктор Алексеевич, сглотнул слюну, округлил глаза, радостно потёр руки и с нескрываемой радостью в голосе обра-

тился к нам: «Ну, кому что?», — и, не дожидаясь ответа, налил себе водки. Мы с Иваном Васильевичем решили попробовать местное пиво, я налил нам в кружки пиво, судя по пене, оно было свежее и хорошего качества. Владимир Семёнович отказался от спиртного, сославшись на то, что в аэропорту Новосибирска по прилёту завтра утром его ожидает автомобиль, и, как законопослушный гражданин, он не может себе позволить алкоголь. Уважая принципиальных! Но заниматься-то ему чем-то надо! И вот он уже обнаружил возле стола розетку, включил на подзарядку свой мобильный телефон и уткнулся в Интернет, я поставил стакан на стол возле него и налил ему сок. Виктор Алексеевич, никого не дожидаясь, молча опрокинул первую рюмку и со словами: «Хорошо пошла, родимая!» приступил к закуске. Мы отпили по несколько глотков, пиво, как и обещал нам Анатолий, было отличное. Из дома вернулся Сергей и разложил по тарелкам заранее нарезанную рыбу, сначала малосольную нельму, затем слабокопчёного муксуна, а потом уже из пищевого пакета вынул сушёных корюшку и воблу. Глядя на белую рыбу, я предложил Ивану Васильевичу принять по рюмочке водки, на что он согласился, сказав с улыбкой: «Не будем обижать такую рыбку пивом, она водочки требует!» С нами, естественно, выпил и Виктор Алексеевич, после чего мы закусили ломтиками нельмы и муксуна; какая всё-таки вкусная белая рыба, прямо тает во рту!

Я осмотрел стол, вроде бы, есть всё, чего только может душа пожелать, подумал про себя и, как оказалось позже, снова ошибся. Тем временем ветерок донёс до нас запах дымка от берёзовых дров, топилась баня. Анатолий вышел из бани и молча прошёл мимо нас в дом, откуда через минуту вернулся с каким-то свёртком. Он развернул на столе свёрток, внутри него был большой кусок свежезамороженной рыбы, со словами: «Решил строганинкой из нельмы вас угостить», — он отрезал от нельмы тонкие пластинки и укладывал их на большую плоскую тарелку, предварительно посыпав её дно солью и чёрным перцем. Закрыв тарелку пластиком, он посолил и поперчил их и сверху: «Через пять минут готово будет, наливайте пока!» «А чего наливать-то?» — подал обиженный голос Виктор Алексеевич, поднимая

пустую бутылку из под водки. «Минуточку!» — выдохнул Анатолий, резко повернулся и быстрыми шагами, почти бегом, направился к дому. Вскоре он вернулся с запотевшей бутылкой «Русского стандарта» и поставил её перед Виктором Алексеевичем со словами: «Вот, пожалуйста! Для Вас приберёг!» «Другое дело!» — гаркнул уже довольным голосом Виктор Алексеевич, тут же открыл бутылку и налил нам троим водки, вскочил и почти скороговоркой произнёс: «Анатолий Иванович, ты — человек! За тебя!» После этого, не дожидаясь никого, опрокинул рюмку, подхватил пальцами с тарелки два кусочка нельмы и забросил их в рот. «Ну как, рыбка уже готова?» — спросил его Анатолий, «Самое то!» — бросил ему Виктор Алексеевич и взял очередные два кусочка нельмы с тарелки. Анатолий встал и прошёл проверить температуру в бане. «Надо и нам выпить, — предложил я Ивану Васильевичу, — а то, боюсь, строганина закончится быстрее, чем мы надумаем ей закусить!» Он кивком головы согласился со мной, мы выпили и попробовали строганину из нельмы. Это просто объедение! Рыба хоть и сырая, но такая вкусная, что, кажется, растворяется во рту обильно выделяющейся слюной и не долетает до желудка, растворяясь в районе груди. «Не в душе ли?» — подумал я, но не стал за столом озвучивать эту мысль. «Не отравимся сырой рыбой?» — спросил я у опытного Ивана Васильевича, «С водкой ни за что!» — уверенно ответил он, и я успокоился.

Вернулся Анатолий, сообщив Ивану Васильевичу, что минут через пять баня будет готова, на что тот кивнул головой с довольной улыбкой на лице. Было тихо-тихо, ветер, как говорится, умер, природа отходила ко сну. Я посмотрел на небо, вечерело, солнце медленно садилось за сосновым лесом, в который убегала дорога из дачного посёлка и терялась там между вековыми соснами. Мы любовались красивым закатом, потягивая пиво. Подобное единение с природой вызывает чувство блаженства, и я чувствовал умиротворённое состояние тела и души, которое незаметно для тебя закрывает тебе веки, и ты неожиданно оказываешься в другом измерении. Ещё мгновение и золотой диск скроется за макушками сосен! Глядя на закат, опытный Иван Васильевич тихо сказал: «Завтра будет тёплая

и безветренная погода, атмосферное давление останется на том же уровне». Все внимательно посмотрели на него и молча согласились с его прогнозом. В это время Анатолий позвал гостей попариться в баньке. Но Виктор Алексеевич был к этому времени уже «хорошеньким», и баня его уже не прельщала, его выбор был сделан в пользу водочки и строганины из нельмы. Как только опустела первая тарелка, Сергей по команде Анатолия настрогал нельмы и поставил на стол ещё одну большую тарелку. Владимир Семёнович, как занырнул в Интернет, так ни разу и не оторвался от экрана, не обращая внимания на происходящие события с этой стороны, и, похоже, он ещё долго не собирался оттуда выныривать. Волка кормят ноги, а научного работника командировки, в которых ему удастся заключить новый, или пролонгировать старый, контракты на выполнение изыскательских и научных работ. Владимир Семёнович в этих вопросах был дока, он умел убедить потенциального заказчика в том, что только он и его сотрудники смогут выполнить обговариваемый объём работ, и что сумма, указанная в проекте договора, много меньше той, которую потребуют с компании столичные учёные за тот же труд, при этом он утверждал, что качество его работы много выше работ конкурентов. И ему верили. Согласитесь, умение вести переговоры по контрактам — большое искусство, и Владимир Семёнович, как неоднократно меня заверял Иван Васильевич, был искусным переговорщиком. До бани ли ему? Поэтому только мы с Иваном Васильевичем изъявили такое желание, встали и гуськом за Анатолием пошли в баню.

Небольшая раздевалка была рассчитана на двоих, поэтому нам троим там было немного тесновато, особенно с учётом габаритов Анатолия, тем не менее, мы быстро обнажились, повесили одежду на рожки вешалки и вошли за хозяином в помывочную. Это помещение было несколько просторнее, в углу была видна печь, в которой бушевало пламя, рядом на прикреплённом к полу железном листе лежали берёзовые поленья. Слева от печки стояла деревянная кадушка, из которой торчали ручки замоченных берёзовых веников. Напротив печи стояли две деревянные лавки с тазиками, наполненными наполовину водой, слева на подоконнике окна стояли аккуратными рядками

шампуни и гели, под окном на деревянной вешалке висели разнообразных мочалок. Анатолий одел сам и выдал нам прорезиненные банные шлёпанцы, банные войлочные шапочки, надел рукавицы из того же материала, уверенным движением открыл перед нами дверь парной и жестом пригласил войти туда. Навстречу нам вырвались клубы пара и жара. Мой чуткий нос опытного банщика сразу почувствовал эвкалипт, пихту и запах жжёного хлеба, это от добавления пива в воду, которую плескают на камни в парилке. Парная была немногим меньше помывочной, но очень уютной. В парной, судя по моим ощущениям, было около девяноста градусов, отделана она была буком, очевидно, Анатолий ценил нежную кожу Тамары. Часть печи, которая находилась в парной, была ограждена резной деревянной решёткой, сверху, возле трубы лежали отшлифованные водой и временем чёрные камни, похожие на те, что я привёз в свою баню с Катуня. Было три полки, на первой, недалеко от решётки, стоял большой деревянный ковш с красивой резной ручкой, на третьей лежали светлые войлочные подстилки, на которые Анатолий и предложил нам сесть и немного погреться, пока он готовит веники. Он вышел и через пару минут занёс в парную кадушку с вениками и поставил её на первую полку. Когда он выпрямился, я заметил на нём клеёнчатый фартук банщика. «Вот это да, — подумал я, — у него здесь всё по-настоящему!» Анатолий взял ковш и аккуратно полил специальным раствором, приготовленным заранее, на камни. От жары мы Иваном Васильевичем немного присели. «Ну, кто первый?» — бодрым голосом спросил Анатолий. «Давай ты, а я пока спущусь вниз, ещё погреюсь!» — скороговоркой бросил мне Иван Васильевич и, не дожидаясь моего согласия, спустился вниз и сел на первую полку в левом углу. Я послушно улёгся на войлочных подстилках, отвернувшись на всякий случай, лицом к стенке. «Первый готов!» — крикнул я и закрыл в ожидании глаза.

Мне было слышно, как Анатолий плеснул немного из ковша на камни, вскоре и моя спина почувствовала жар, а нос вышеназванные ароматы, достал из кадушки берёзовые веники и отряхнул с них воду на те же камни, и я почувствовал, как парилка наполнилась специфическим ароматом берёзовых веников. Под-

сушив немного веники над камнями, Анатолий бросил в мою сторону: «Ну что, готов?!» «Да, давай!» — выдохнул я и вжался в полку, предчувствуя мощь ударов Анатолия. Однако работал он вениками очень аккуратно, у меня мелькнула мысль, что это Тамара научила его так парить, нежно, с любовью. Он прошёлся по моим ногам, ягодицам и спине в указанном порядке, а потом в обратном, после чего спросил: «Может, посильнее немного?» «Хорошо бы, — ответил я, — а то бьёшь, как по пл.е ладошкой гладишь!» — сострил я, вспомнив своего отца, который любил в бане повторять это выражение. «Добре!» — раздался надоедливый радостный голос Анатолия, — Подожди немного, я сейчас!» Он снова смочил в кадучке веники и сбросил с них лишнюю воду на камни, после чего со всей силой обрушился ими на меня. Веники попеременно хлестали мою спину, поясницу и ягодицы, не давая мне расслабиться ни на секунду. Я мужественно терпел эту экзекуцию, раз назвался груздем... Минут через пять я вытянул левую руку в сторону и громко крикнул, опасаясь, что он меня не расслышит: «Хорош, Толя, довольно!» Анатолий шумно выдохнул и остановился: «Молодец, Георгиевич, хорошо баню держишь! Как себя чувствуешь, помочь спуститься вниз?» «Да не надо, — тоже шумно выдохнул я, медленно садясь на полку, — Всё нормально, Толя, спасибо. Ты молодец!» Немного отдышавшись, я спустился вниз, надел шлёпанцы и вышел в помывочную. Перед тем как помыться, я добавил в один из тазиков горячую воду, которую набрал в ковш из крана возле печки. Пока я мылся, из парной было слышно, как Иван Васильевич сказал: «Давайте, Анатолий Иванович, и меня попарьте немного». Вскоре из парной до моего слуха донеслись мерные шлепки — удары вениками по телу. «Так нормально, не больно?» — спросил Анатолий, «Да, нормально...» ответил Иван Васильевич, и Анатолий продолжил наносить удары с той же силой и частотой.

Я перешёл в раздевалку, плотно прикрыв за собой дверь помывочной. Здесь голосов из парилки не было слышно, до меня доносились лишь слабые равномерные шлепки веников о тепло Ивана Васильевича. В углу на лавочке под вешалкой аккуратной стопочкой лежали чистые простыни, конечно, это была Тамарина работа, я взял верхнюю простыню и быстро насухо протёр своё тело и голову. Внимательно посмотрел в зеркало на своё отражение, зачесал волосы назад большой деревянной расчёской, которая лежала возле зеркала на полочке, оделся и вышел на улицу. Темнело. Недалеко от выхода Сергей колдовал у мангала, готовил шашлыки для гостей. Довольный и баней, и собой я прошёл в беседку, где одиноко сидел Владимир Семёнович, уткнувшись в свой телефон, он выискивал что-то в Интернете. «А куда делся Виктор Алексеевич?» — удивился я. «Пошёл в дом, отдохнуть немного», — не отрываясь от телефона бросил мне он, указав при этом свободной рукой в сторону дома. Молча, постояв немного, я повернулся в сторону дома и по тропинке, аккуратно выложенной затейливой плиткой, пошёл посмотреть дом, из любопытства, конечно же. В прихожей аккуратно были расставлены пар десять разной обуви: галоши, мужские и женские сапоги, резиновые тапочки и тёплые домашние. Было понятно, что хозяева здесь не только отдыхают, но и работают. Я разулся, надел первые попавшиеся тапочки и зашёл в дом. В первой комнате, которую я назвал гостевой, было просторно, Справа от двери стояла большая белёная русская печь, к которой был приставлен диван, обитый серым сукном с каким-то экзотическим рисунком, напротив дивана на стене висел большой плоский телевизор с диагональю под сто сантиметров. Слева в углу стоял журнальный столик с двумя полками из стекла, на которых лежали красочные журналы, и рядом два мягких кресла той же обивки, что и диван. Прямо, возле окна, очевидно, для белья, стоял невысокий комод под натуральное дерево, на котором стояла белая фарфоровая ваза со свежими своими цветами. Окна с боков прикрывали золотистые шторы с выбитыми белыми розами. Тамарина рука чувствовалась и здесь. В комнате было просторно и светло, инте-

ресно, что в углах не было лишних, ненужных вещей, которые мы нередко везём на дачу из городских квартир, чем и захламляем своё место отдыха. Потом несколько лет думаем, что же нам делать с этим хламом, выбрасывать его нам почему-то жалко, но, скрипя сердцем, в один из поздних вечеров мы наконец-то относим эти вещи к мусорным бакам, где к нашему удивлению утром следующего дня большинство из них уже не обнаруживаем. Радостно вздыхаем, мол, есть ещё Плюшкины, которые не уступают нам.

Слева и справа от печи двери вели в спальни, в ближайшую из которых я и заглянул. В этой комнате топили печь, но поскольку был ещё не сезон, ни дров, ни следов золы здесь не было. Очевидно, печь отапливала сразу три комнаты, а кирпичи до утра сохраняли тепло в доме. Здесь, напротив печи стоял сервант с посудой, а в левом углу к печи была приткнута кровать, на которой мирно похрапывал Виктор Алексеевич. Он спал в сапогах, на американский манер, слава Богу, что кровать была укрыта верблюжьим одеялом, только подушка, на которой покоилась его непричёсанная голова, лежала поверх одеяла. Ничего не поделаешь, мода на всё американское уже давно вошла в наши двери, принося в нашу жизнь порой и такие нелепицы, как эта. Я нервно и прерывисто втянул в себя воздух, наверное, вот также и я выгляжу иногда со стороны, мне стало неловко. Прислонил голову к дверному косяку, прохлада которого передалась мне, постоял немного и, успокоившись, я повернулся и вышел из дома. Уже стемнело, беседку заливал яркий свет, который через её ограждения вырывался в сад, немного подсвечивая дорожки и цветы. Перманентно лучи света закрывали быстрые тени, это мотыльки в беседке крутились вокруг лампочек. Трапеза была в разгаре. Передо мной Сергей занёс в беседку поднос с шашлыками из нельмы и поставил его рядом с остатками шашлыка из свинины. Мужчины были полностью погружены в процесс чревоугодничества и почти не обратили внимания на мой приход. Только Иван Васильевич немного отодвинулся в сторону, освобождая мне место. Под такую закуску полагается выпить, хотя бы по полрюмочки, поэтому я налил нам с Иваном Васильевичем водки и жестом попросил его

сказать тост. Он спокойно согласился, попросил у присутствующих разрешения не вставать, сказал о значении альма-матер в жизни каждого человека, о преподавателях академии, которые не только передают студентам знания, но и воспитывают их, делают, как он выразился, настоящими людьми. Конечно, сказано было с излишним пафосом и не совсем правдиво, но Анатолию, а именно к нему и были адресованы эти слова, тост понравился, тронул его, я заметил, что у него даже увлажнились глаза. Как говорят рыбаки, Иван Васильевич бросил ему леща! Мы выпили, и я подключился к поеданию шашлыков.

Сначала я съел шашлык из свинины, понравилось, всего было в меру, и специй, и нежности, если можно так выразиться. «Попробуй из нельмы», — предложил мне Иван Васильевич, и я попробовал. Это было нечто! Не смотря на то, что я был, как мне самому казалось, сыт, с жадностью я съел две палочки рыбного шашлыка, который был великолепен. На огне лишний жир сошел с рыбы, мясо нельмы просто таяло во рту, вызывая такое обильное слюноотделение, что я съел и колечки зажаренного лука и помидор, которыми отделялись кусочки рыбы на шампуре. За столом я даже не задумался, как в человека может войти столько еды, ведь мы ели уже почти полдня. Разве можно столько есть и пить?! Оказывается, можно! Главное, чтобы компания была хорошая! Тем временем со стороны реки уже начинало светать. Заметив это, Анатолий спохватился: «Сколько времени?!» Все повернулись в сторону Владимира Семёновича, словно часы были только у него. Он, не отрываясь от телефона, поделовому ответил: «Начало шестого. Надо поднимать Виктора Алексеевича и собираться в дорогу, вылет у нас в восемь двадцать». Анатолий поднялся и пошёл в дом, откуда вскоре вышел вместе с гостем, который не шёл, а скорее висел на его могучем плече, едва перебирая ногами по тропинке. Общими усилиями Виктора Алексеевича усадили за стол, но было видно, что он ещё не проснулся и неловко поминутно клевал головой. Хорошо зная слабости своего «клиента», Владимир Семёнович налил тому полную рюмку водки и поднёс её тому к носу. Как только запах алкоголя коснулся ноздрей Виктора Алексеевича, он встрепенулся, открыл глаза, взбодрился, его рука уверенно под-

хватила рюмку и опрокинула содержимое в широко раскрытый рот, который в этот момент походил на пасть щуки. Со словами: «Хорошо пошла!» — он передёрнул плечами, поставил рюмку, в одну руку взял малосольный огурец, а в другую шампур с нельмой, который ему протянул Анатолий. По его лицу волнами пробегало блаженство, он явно никуда не торопился, через минуту он откусил половину огурца и стал громко и смачно жевать его. Потом обратил внимание на шампур, осторожно снял зубами первый кусочек нельмы, зажевал его, оценив, рывком набросился на остальную рыбу. Владимир Семёновича налил ему ещё одну полную рюмку водки, тот с пониманием кивнул головой, не обращая внимания на присутствующих, опрокинул её по тому же маршруту и навалился на второй шампур с нельмой. Боже мой, неужели и я порой вот так выгляжу со стороны?!

Расправившись со вторым шампуром, он поднял глаза на Ивана Васильевича, было видно, что наш друг уже пришёл в себя. «За что, кстати, пили-то?» — подняв брови, спросил он. «Да за нашу академию», — спокойно, с чувством достоинства ответил ему Иван Васильевич, — «Ты не забыл, что тоже читаешь у нас лекции?» — намекнул он чиновнику на уже оплаченные, но не прочитанные часы. Но, похоже, Виктор Алексеевич был ещё не в том состоянии, которое позволило бы ему адекватно реагировать на шутки президента академии. Он опустил глаза, его взгляд упал на бутылку водки, мгновенно его рука обхватила бутылку, так рука опытного кавалера обхватывает талию партнёрши в танце, и он налил полную рюмку себе, подумав немного, налил по половинке и нам с Иваном Васильевичем. «Предлагаю выпить ещё раз за академию, которая здесь нас всех соединила!» — торжественно, со знанием дела, сказал он и опрокинул рюмку в свою лужёную, как охарактеризовал её Иван Васильевич, глотку. Мы стали собираться. Анатолий подал Сергею два пакета со словами: «Надо мусор убрать, а то Тамара ругаться будет». Сергей стал собирать в пакеты со стола остатки пищи, мы с Иваном Васильевичем вызвались помогать ему. Вскоре пакет был заполнен использованной одноразовой посудой и остатками еды, остальную посуду и шампуры Анатолий собрал на поднос и унёс в дом, где в раковине в тазу, в специ-

альном растворе замочил их, чтобы потом легче было отмыть. Минут через двадцать стол в беседке был убран, и мы стали собираться в дорогу, складывать в машины свои вещи. Со свёртком из дома вышел Анатолий, подошёл к Ивану Васильевичу и протянул этот свёрток ему со словами: «Возьмите нашей рыбки. С благодарностью за всё, что Вы сделали для меня». Иван Васильевич спокойно, не дожидаясь лишних упрасиваний со стороны Анатолия, взял свёрток и положил его в свою сумку. «Дома разделим с тобой», — шепнул он мне, слегка наклонив голову в мою сторону. Вскоре мы выехали в сторону аэропорта, было уже светло. Через тридцать минут мы въехали на уже знакомую мне площадь возле Сургутского аэропорта.

В здании аэровокзала было безлюдно, но жизнь постепенно уже налаживалась. Работали две стойки на регистрацию рейсов, наш — в Новосибирск, и в Ханты-Мансийск, возле которых переминались сонные пассажиры, человек по десять у каждой. Мы зарегистрировали свои билеты и сдали багаж, на наших глазах грузчик, крепкий парень, с виду бывший зэк, по команде регистраторши ловко забрасывал сданные в багаж вещи на ленту транспортера. Вещи, в том числе и наши, покачиваясь на ленте, уплывали от нас в небольшой проём в стене. До посадки на самолёт оставалось минут двадцать, Анатолий предложил заглянуть в буфет, мы, естественно, были не против. Всей кампанией мы уселись за большой столик, посмотрели меню, здесь было всё, пиво и вино, водка и коньяк, закуски, от ценника у нас с Иваном Васильевичем немного округлились глаза, с пониманием я переглянулся с ним. Иван Васильевич пошутил: «А чего Вы ожидали в условиях отсутствия конкуренции?!». Я улыбнулся ему и кивнул головой. Небольшая «полировочка» нам явно пошла на пользу, не смотря на столь ранний час, мы широко улыбались и разговаривали так громко, что на нас стали оборачиваться недовольные соседи. Однако объявление о посадке на наш рейс не позволило ощутить эту неловкость во всей, так сказать, полноте. Перед расставанием мы обнялись с Анатолием, как старые, добрые друзья, что-то сказали друг другу на прощание. Что именно? Я уже сейчас и не вспомню. Через пять минут после взлёта самолёта Виктор Алексеевич, который снова сидел рядом со

мной, заснул. Под его мерный храп вскоре заснул и я. Разбудил меня строгий голос стюардессы, которая сообщала, что наш самолёт идёт на посадку, и попросила пристегнуть привязные ремни и привести спинки кресел в вертикальное положение. Но наши ремни были пристёгнуты, мне осталось только поправить кресла, что я и сделал, немного потревожив Виктора Алексеевича. Посадку, судя по резким толчкам, средней мягкости, пассажиры рейса встретили аплодисментами, очевидно, в их памяти были живы сообщения и видеокадры о многочисленных авиакатастрофах в нашей несчастной стране. В аэропорту Толмачёво мы молча дождались свой багаж, вышли на привокзальную площадь, куда уже, забрав свою машину со стоянки, за нами подъехал Владимир Семёнович, который вызвался развести нас по домам. В дороге мы молчали, видимо, сильно устали, только при прощании, крепко пожали друг другу руки, поблагодарили за доставленное удовольствие, и пообещали созвониться на следующей неделе. Рыбалка наша под Сургутом была окончена...

Ещё несколько дней мышечная память моих рук и тела хранили воспоминания борьбы со щуками, через день мне снилась рыбалка. Я задумался, откуда это у нас? Каким образом в твоё тело, кровь, глаза вселяется азарт первобытного человека, добытчика пищи? Почему учащённо бьётся сердце, по телу пробегает волнами дрожь, трясутся руки и ноги? Знаю, что подобные ощущения испытывают и охотники. Зачем мне нужны эти щуки? Для еды? Тысячу раз, нет! А лоси, кабаны, гуси, утки для чего нужны охотникам? Для еды? Помилуйте! Только для того, чтобы на короткое время вернуть утерянные инстинкты добытчика! К сожалению, мы постоянно пытаемся повернуть эволюционный путь развития в обратную сторону. Сразу спешу принести свои извинения охотникам и рыбакам с тонкой организацией души, знаю, не все эту мою мысль воспримут с пониманием, без обид. Конечно, потом, даже через несколько лет, на мужских посиделках в ресторане или в бане приятно блеснуть воспоминаниями о былых подвигах, когда неожиданно для себя самого в памяти всплывают мельчайшие подробности охоты или рыбалки, которые, оказывается, хранятся в нашей памяти всю жизнь. И мы с нескрываемой гордостью за себя в кругу

своих друзей, как правило, мужчин рассказываем о своей грубости, жестокости и даже беспощадности к «братьям нашим меньшим». Зачем мы играем в эти игры? Странно, не правда ли? И при всём при этом мы часто не можем вспомнить не только даты рождения наших ближайших родственников, не можем ответить на простые вопросы, касающиеся наших детей — когда у ребёнка появился первый зубик, когда он сделал первый шаг, когда впервые сказал «мама» или «папа»? Но, оказывается, мы практически ничего не помним о наших отношениях с ближайшей половиной, какими были первые слова при первой встрече, помним ли мы первый поцелуй, первую близость? Думаю, это оттого, что внутри каждого из нас ещё крепко сидит тот самый первобытный человек, который и не даёт нам двигаться в направлении духовного совершенства, где ценность души выше инстинктов. Признаюсь, что в момент ловли щук меня, естественно, подобные мысли не посещали. Вот тот, второй, тогда полностью завладел моими эмоциями и сознанием! А отпустил меня он только через неделю, когда адреналин неведомыми маршрутами вышел из меня, а сознание и логика вернулись в мою седую голову.

- XI -

Прошло четыре года... Несколько раз в год мы встречаемся с Иваном Васильевичем, вспоминаем наши многочисленные поездки на рыбалку, среди которых особое место занимает рыбалка под Сургутом. Ни до этой поездки, ни после неё у нас с Иваном Васильевичем не было такой удачной рыбалки, где почти каждый заброс становился результативным. Да, за такую рыбалку можно многое отдать! При этом мы всегда с какой-то неловкостью перед природой вспоминаем судьбу нашего улова, оставленного гнить на берегу под сосной. Хоть бы уху сварили из нескольких щук, а так нехорошо получилось...

Я же часто наедине с собой вспоминаю Анатолия, то, как он с волнением и надеждой смотрел на меня, и, естественно, его вопрос о Тамаре: «Как ты думаешь, любит она меня?» Почему именно сейчас, когда он уже «едет с ярмарки», вопрос о любви так волнует его, что он решил поделиться самым сокровенным

с человеком, которого впервые видит? При всём уважении к себе и даже некоторой любви я понимаю, это не из-за того, что я хорошо разбираюсь в подобных вопросах, и не потому, что располагаю собеседника к откровению. Нет, конечно! Думаю, такое происходит с человеком, у которого накопилось, наболело внутри, и он нашёл возможность выплеснуть свою боль в дружеском застолье, когда алкоголь ослабляет действие своеобразной уздечки из принятых обществом норм и правил поведения. Что касается Анатолия, то я пришёл к выводу, когда их дети выросли и ушли из родительского дома, а его бывшие привлекательность и обаяние утратили свою силу, он неожиданно для себя обнаружил, какое сокровище живёт рядом с ним, и по-настоящему влюбился в свою жену Тамару. Причём, влюбился впервые в жизни! Да, да, так бывает. Ему наконец-то открылись те её качества, на которые он раньше не обращал никакого внимания, ведь он был занят своей работой, карьерой, своими друзьями и подругами. При этом он так мало внимания уделял своей жене, что сейчас ему стыдно за себя. Но разве можно вернуть то время, когда он никак не мог смирить страсти и страстишки в своём сердце.

А что же Тамара? Трудно о ней сформировать какое-то мнение, учитывая, что я её так и не увидел. Но однажды мне приснился сон, героями которого были Анатолий и Тамара. Ясно вижу, как они танцуют вальс, звучит нежная и страстная музыка Г. В. Свиридова к повести А. С. Пушкина «Метель». Он — высокий, сильный и стройный, с горящими глазами, пышной шевелюрой, крепко обхватил её талию своими сильными руками. Она — красивая и застенчивая шатенка (Почему именно шатенка, а не блондинка или брюнетка? Не смогу объяснить.) с небольшой, как у нас говорят, полненькой, отводит свои красивые зелёные глаза в сторону, опасаясь его страстного взгляда. Она взволнована, смущена, и ей так приятно чувствовать себя слабой в его сильных руках, что мысли о чём-то большем, чем танец, приходят в её голову сами собой. Следующий кадр: они целуются уже на своей свадьбе, вокруг радостные родные и друзья, пожелания счастья, подарки, цветы, шампанское. Следующий кадр: они фотографируются вместе с детьми, белокурой

очаровательной дочуркой, которой годика четыре, и карапузиком сынишкой, которому на вид около двух лет. Пока ещё полная идиллия! Следующий кадр: уставшая Тамара сидит на диване, прижав к себе детей, плачет, упрекает Анатолия в невнимании к ним, нежелании помогать ей дома. Анатолий пытается оправдываться, не до конца понимая суть её упреков. В следующем кадре снова семейная сцена. Утро, речь уже идёт об изменах Анатолия, о его любовницах! Известно, что женщины, которые встречаются с женатыми мужчинами, не могут хранить долго в тайне информацию о своих, так называемых, победах. Они, как правило, не отягощенные семейными узами, делятся со своими многочисленными подругами о своих многочисленных любовниках, о подарках и иных знаках внимания со стороны незадачливых поклонников, рассказывая подругам порой такие нюансы, которые и рассказывать-то, по-моему, просто глупо. А некоторые их подруги, кто из зависти, кто из «благородных» побуждений, о которых ни писать, ни говорить не хочется, считают своим долгом довести полученную информацию, причём со всеми подробностями, до жены этого ухажёра. И вот Тамара, которую практически все их знакомые и друзья считали тогда, да и сейчас считают, редкой красавицей, при детях срывается на крик, называя и фамилию (извините, не запомнил), и имя, по-моему, Наташа, и её адрес, где он провёл эту ночь, а уверял, что едет в краткосрочную командировку! Прижатый к стенке, от беспомощности Анатолий отталкивает Тamarу, та падает, лежит на полу и рыдает, скорее от бессилия, чем от боли. Анатолий приходит в себя, бросается к Тамаре, поднимает её, усаживает на диван, встаёт перед ней на колени, плачет, просит прощения, обещает, что это больше никогда не повторится. Дети снова прижимаются к ней, Тамара великодушно прощает его, верит. Собственно, в дальнейшем ничего подобного в их жизни и не случилось. Но...

Но любовь к Анатолию не поняла её и покинула сердце Тамары. Тамара, если так можно сказать, отодвинула от себя Анатолия, свила своеобразный кокон — защитный панцирь, в котором и укрылась от него. В этом коконе она сегодня и живёт без лишних волнений и тревог, ей даже немного жаль Анатолия,

когда он предпринимает тщетные попытки вновь завоевать её любовь. Вот в очередном кадре она снисходительно, без восторга слушает, как Анатолий громко читает ей свои неуклюжие стихи, которые он посвятил ей. Свою же материнскую любовь она выплеснула сначала на своих детей, а потом и на внуков. А любовь к Анатолию? Вернётся ли она? В прежнем виде, боюсь, что нет. Любовь — дама слишком уж капризная. Не знаю как вам, а мне трудно представить, что должно случиться, чтобы она вернулась назад. Говорят, что Бог только раз в жизни дарит нам настоящую любовь. Умеем ли мы ценить этот дар, бережём ли мы свою любовь и своих любимых?! Очень редко! Чаще всего мы легко расстаёмся и со своей любовью, и со своими любимыми, думаем, что встретим и то, и другое уже завтра. Увы, так не бывает. А запоздалые раскаяния, словно иголка в сердце, каждый день напоминают нам о наших ошибках и потерях.

«Что имеем, не храним, потеряем, плачем!» — пожалуй, лучше и не скажешь.

Бизнес по-русски (повесть)

- I -

Светлой памяти моей бабушки
Пелагеи Афанасьевны

История, о которой я хочу вам поведать, произошла со мной в последний год прошлого тысячелетия, в двухтысячном году. Приближалось лето, пора отпусков в Сибири, и мой товарищ по работе, Фёдорович, как у нас все его называли в основном из-за уважения к его возрасту, заядлый рыбак и охотник, уговорил меня поехать на корабле его друга по Оби на север Томской области в Каргасок, где нас уже ждал местный инспектор рыбнадзора Владимир Петухов. У Фёдоровича с Петуховым были какие-то свои дела, какие — я не знал, тогда я жил по принципу, чем меньше знаешь, тем лучше спишь. Два прошлых года Фёдорович возил к нему летом из Новосибирска на этом корабле своих многочисленных друзей и товарищей, а обратно все они везли с собой рыбу разных пород, в основном солёную, мешки кедрового ореха и северную ягоду — клюкву, чернику и голубику. Но самое главное, отпускники насыщались незабываемыми воспоминаниями и впечатлениями от этого отпуска, которые помогали им прожить год и дожить до очередного лета. Фёдорович показал мне фотографии о поездках, где он и его сопровождающие были запечатлены с серьёзными трофеями, в основном крупными щуками, где произошла небезопасная встреча на берегу реки с молодым медведем, годовиком, которого рассказчик называл пистуном, медведь тот пытался залезть по трапу на корабль, но в последний момент чего-то испугался. Мне очень понравились замечательные пейзажи и виды тех мест. Собственно, почему бы и не поехать, когда всё так хорошо организовано, отлажено, когда вас на месте встречает и сопровождает такой важный человек, как инспектор рыбнадзора? Короче, я согласился.

Где-то за неделю до отплытия собрал нас Фёдорович, которого по уже сложившейся традиции все звали командиром, у себя и

представил друг другу. Мы обсудили предстоящий маршрут, затраты на солёнку, тут же скинулись, что называется, на дорогу, время в пути, обсудили, что взять из питья, еды и снастей, какую тёплую одежду и обувь брать с собой. Было начало августа, а на севере и на воде в это время, как говорил нам наш командир, весьма прохладно, одной водкой не согреешься. Капитан корабля, которого Фёдорович представил нам как своего друга и известного новосибирского бизнесмена, пояснил нам, что предстоит пройти на корабле от Новосибирска до Каргаска, корабль этот, как он сам нам сказал, приобрёл по случаю. Теперь это корабль зовётся «Пётр Леденёв», так звали и нашего капитана, но оказалось, что он назвал корабль в честь своего деда, тоже Петра Леденёва, известного речника Новосибирского речного порта, который водил корабли по Оби в своё время. Ничего ни скажешь, внук поступил благородно, всем нам необходимо помнить о своих предках. Развернув перед нами карту Западной Сибири, капитан объявил нам, что до Каргаска по течению Оби идти четыре-пять дней, обратно, против течения, восемь, и неделя на месте, этого вам будет вполне достаточно, заверил он нас, и день-два туда-сюда, вот и выходит ровно три недели. Отплытие было намечено на утро субботы, поэтому уже в четверг мы под чутким руководством Фёдоровича завезли на корабль всё, что было намечено, оставалось только нам самим за час до отплытия прибыть налегке на лодочную станцию.

Но вечером в четверг мне позвонил мой прямой руководитель и попросил перенести отпуск на один день, то есть с понедельника на вторник, необходимо было организовать важную встречу, в которой принимал участие руководитель нашей организации. «Ничего страшного, пойдёшь в отпуск со вторника, — успокоил он меня, — а чтобы не переоформлять документы, из отпуска выйдешь на день позже». Такие вопросы в нашем коллективе даже не обсуждались, надо, значит надо! Гордись, что ты настолько нужен организации! Дело ведь важнее! Самое смешное, что я и сам так считал в то время. Кем был человек? Винтиком системы, крути-верти им как захочется. Сейчас о нравах того времени мне даже вспоминать не хочется, приходилось терпеть различные унижения человеческого достоинства,

наверное, это у нас в крови. А то, что мой отпуск мог полететь в тартарары, естественно, никого, кроме меня самого, не интересовало. Забегая вперёд, скажу, что никакой нужды в моём участии во встрече в понедельник не потребовалось, так, встретить руководителя, подать, поднести документы, проводить. Однако мне лишний раз напомнили, кто они и кто я? Только бывшие коммунисты да те, кто голосует на выборах за них, а это в основном люди преклонного возраста, с ностальгией вспоминают о тех временах, пытаясь доказать окружающим, что тогда жилось лучше, чем сейчас. Кому? Им — да, другим, безусловно, нет! А так как я коммунистом не был, то хорошо помню все прелести карточной системы, когда масло, сыр, хлеб, варёная колбаса и даже водка (это в России-то!) распределялись по талонам. Естественно, ещё со времён Ленина у коммунистов были спецраспределители и спецпайки, конечно, так жить можно, но удержаться у власти в условиях реального выбора у народа нельзя. Поэтому в начале девяностых годов, когда коммунистическая система всем настолько обрыдла, народ голосовал чаще всего от противного, за тех, кто активно боролся против этой системы, а ещё лучше, если пострадал от неё. И система, казавшаяся нерушимой, рухнула в одночасье.

Но я немного отвлёкся, вернёмся к моему отпуску, ведь в четверг стало ясно, что в субботу я не отплываю на корабле со всеми. Что делать? Опытный и мудрый Фёдорович предложил мне такой вариант: они, естественно, отплывают в субботу, а я в понедельник вечером сажусь на автобус и еду в Томск, где утром пересаживаюсь на ракету на подводных крыльях и лечу на ней до Колпашева, где должен их догнать. Рассчитали время, выходило всё вроде бы гладко, поэтому я и согласился. В субботу я проводил корабль «Петр Леденёв» с товарищами на борту в путь, а в понедельник, проведя встречу руководителя, в девять часов вечера отправился от Новосибирского автовокзала на автобусе в Томск. Всю дорогу до Томска я спал урывками, просыпался на остановках и вскоре снова засыпал. Сон был тревожный, на душе было беспокойно, догоню ли? А если нет, что тогда? Возвращаться домой, в Новосибирск? Вот так отпуск получится! Около пяти часов утра я был на автовокзале Томска, от-

куда на такси помчался на речной вокзал, благо это недалеко, минут десять езды. Здесь меня ожидала первая неприятная новость: ближайшая ракета до Колпашева отправляется в десять ноль-ноль утра, но на неё уже все билеты проданы! Следующая ракета завтра утром, но смысла её ждать не было никакого. Что бы вы стали делать на моём месте? Вот! Как и вы, я стал искать возможность уехать на ракете сегодня.

- II -

Какой-то работник пристани, мужичок среднего роста, неопрятно одетый, причём одежда его была явно с чужого плеча, с мутными глазами, с виду явный алкоголик, посоветовал мне переговорить с капитаном ракеты, может, как он выразился, капитан возьмёт тебя под свою ответственность. В благодарность за такой дельный совет я достал из своей походной сумки бутылку пива и вручил ему. Руки мужичка затряслись, он мгновенно зубами, половина которых уже сгнила, а вторая торчала из дёсен, словно обугленные пеньки в лесу после пожара, открыл пробку и жадно, одним залпом, опустошил половину бутылки. Его немного передёрнуло, он на пару секунд закрыл глаза, молча, кивком головы, поблагодарил меня, мол, спас от верной гибели, потом открыл глаза, которые к этому времени уже немного прояснились, закрыл бутылку пробкой, сунул её в боковой карман куртки и, провожаемый моим удивлённым взглядом, двинулся вдоль причала, как говорят, работу работать. «Да, — подумал я, — это наш человек! Можно ли его исправить? Вряд ли...» До половины десятого я слонялся по причалу, ждал капитана ракеты, в конце концов, я облюбовал скамейку, которая хоть и была метрах в ста от причала, зато являлась отличным наблюдательным пунктом за пристанью. Вскоре появились члены экипажа ракеты, которых я узнал по форме, они спустились мимо блестящей цепочки по трапу на корабль, стоящий у пристани, а минут через пятнадцать появилась тучная женщина-контролёр, которая открыла цепочку на трап и стала пропускать на судно пассажиров по билетам. Когда все пассажиры взойшли на борт, появился и капитан судна, его выдавала форма и выправка, близкая к военной.

Капитан, высокий подтянутый мужчина лет пятидесяти, остановился возле трапа и о чём-то беседовал с контролёршей, пары минут мне хватило, чтобы оказаться возле него. Я приблизился к нему, попросил прощения за беспокойство и жалобным тоном попросил: «Понимаете, я отстал от товарищей, только на Вашем корабле есть ещё возможность их догнать, но билетов в кассе на Ваш рейс уже нет! Не могли бы Вы в порядке исключения взять меня на борт?» Немного округлив свои сероголубые глаза, которые на фоне реки были больше голубыми, чем серыми, и, обменявшись понимающими взглядами с контролёршей, капитан небрежно бросил мне: «Пойдём, посмотрим, есть ли там свободные места?» И мы прошли по трапу мимо контролёрши, которая, судя по наклону головы, с пониманием отнеслась к содержанию нашего разговора. Когда мы спустились вниз, где сидели пассажиры, выяснилось, что около трети мест пустует. На мой немой вопрос, который, очевидно, читался в моих глазах, капитан ровным командным голосом спокойно ответил: «Так положено, судно старое, перегружать его нельзя! — и немного повысив голос, спросил меня, — Вам понятно?!» «Понятно! — бодро подыграл я ему, и тихо спросил, — Возьмёте?» «Ладно, возьму, — он делал мне явное одолжение, — давай деньги как за билет и садись на свободное место, скоро уходим». Я сунул в его огромную ручищу заранее приготовленные деньги, капитан одним ловким движением сопроводил их в боковой карман кителя. Я еле успел убрать свою руку, иначе бы и она оказалась в его кармане. Не обращая внимания на меня, он резко повернулся ко мне спиной и пошёл руководить отходом корабля. От радости я даже перекрестился, мол, вот как повезло! Понятно, что отношения капитана с собственником судна меня в тот момент интересовали мало.

Ракета шла медленно, не летела, как хотелось бы того мне, и что соответствовало бы названию судна. Действительно, ресурс судна подходил к концу, меня даже посетила мысль, доплыть бы до Колпашева! Но мы, слава Богу, доплыли. Когда ракета шла по фарватеру Оби, я сначала через окно любовался местной природой. Хотя на дворе был август, уже начали слегка желтеть берёзовые рощицы, которые располагались поодаль от

реки, появился и огонёк на осинах, разбросанных хаотично, только по покрасневшей листве их и можно было узнать среди берёз, сосен, кедров и кустарника. Дикая природа, ни одной живой души на берегу! Впечатление, что ты движешься мимо огромной картины в стиле И. Левитана. Ничего не скажешь, красиво! А мимо всей этой красоты река несёт и несёт на Север годы, десятилетия, столетия... Солнечные блики от воды слепили мне глаза, ракета покачивалась на небольшой волне, как детская люлька под рукой бабушки, всё подталкивало, хотя я и противился этому, ко сну. Примерно через час после отправления крепкий сон полностью завладел мной, сказались, видимо, и усталость, и условия поездки. Около шести часов вечера наша ракета пришвартовалась к пристани Колпашево, городка на севере Томской области, который с 1933 года стал именоваться рабочим посёлком, а в 1938 Колпашеву был присвоен статус города. Тем не менее, и местные жители, и приезжие с добродушной усмешкой называют Колпашево большой деревней, что, по-моему, больше соответствует действительности.

- III -

Проснулся я оттого, что капитан своим бравым командирским голосом громко объявил о прибытии судна в порт «Колпашево». Ещё находясь на ракете, я в окно в оба глаза принялся искать корабль «Пётр Леденёв» у пристани, но напрасно, у причала кроме ракеты стояла только огромная баржа с углём, которую ещё предстояло разгрузить. На мой вопрос: «Не видели ли Вы здесь корабль «Пётр Леденёв»?», молоденькая кассирша из своего окошечка бесстрастным голосом ответила мне, что до обеда тот стоял у причала, а после обеда его уже и не видели, ушёл, наверное. Что-то оборвалось внутри меня, «Вот так попал!» — подумал я, вышел на пристань и со вздохом опустился на старую, в стиле шестидесятых годов прошлого века скамейку, какие ещё можно встретить в парках культуры и отдыха провинциальных городков и посёлков. «Вот дурак, — клял я себя, — куда поехал?! Зачем?! Раз так получилось, отдохнул бы в кругу семьи где-нибудь на базе отдыха под Новосибирском. Что же мне теперь делать? Возвращаться назад на этой

ракете, а она отплывала через час, в Томск и далее на автобусе в Новосибирск? Зачем сюда поехал?!» Но мой внутренний голос строго, почти как капитан ракеты, приказал мне: «Отставить нытьё! Ищи выход из создавшегося положения, он должен быть!»

Сначала я обратил свой взор на русло реки, но ни вверху, ни внизу не было видно ни одного судна, даже лодки, пусто. Значит, этот путь для меня на сегодня заказан, сделал я вывод. А есть ли сухопутная дорога до Каргаска?! Этот вопрос оторвал меня от скамейки, и я поднялся с пристани на берег, вышел в посёлок, как говорили местные жители, и остановился на хорошо натопанной площадке. Пассажиры, конечным пунктом поездки которых было Колпашево, опустив головы, пошли в посёлок, а человек пять-шесть остались на этой самой площадке, значит, решил я, им нужно ехать куда-то дальше. Есть спрос — есть и предложение! Закон рынка работал и здесь, вдалеке от столичных городских трасс. Вскоре ко мне решительной походкой подошёл молодой парень среднего роста, лет двадцати пяти, и по-деловому, на «ты» спросил: «Куда тебе надо?» «В Каргасок», — без лишних эмоций ответил я, зная уловки таксистов, но парень, не ломаясь, спокойным голосом назвал приемлемую цену, меньшую, чем я ожидал, на которую я согласился, и он повёл меня к своим «Жигулям». Шестая модель, мотор хороший, значит, довезёт, подумал я, подходя к машине. «Часа через три-четыре будем на месте, если ничего особенного не случится», — сказал он около машины. Я с умным видом кивал ему головой, мол, всё понимаю, хотя спроси меня в тот момент о том, что означает «ничего особенного», я вряд ли ответил бы что-нибудь вразумительное. Но, как говорится, понт дорожке денег! В его машине на заднем сидении уже сидела супружеская пара средних лет с пакетами в руках, я сел на переднее сидение, и мы тронулись в путь. «Приедем на место часам к десяти вечера, — подумал я, — как раз успею, ведь отплытие из Каргаска на рыбалку намечено на утро. Ещё и душ с дороги принять успею! — потёр я в предвкушении удовольствия руки, — а то уже сутки, как в дороге!»

Дорога, по которой мы ехали, была летняя, грунтовая, но хорошо укатанная. Водитель представился мне Сергеем, он вре-

мя от времени бросал в мою сторону короткие фразы: «Через час будет Инкино... Ещё через час Парабель... А где-то ещё через часок Каргасок... Дождик здесь был три дня назад... Дорога уже высохла, должны нормально доехать». Со стороны могло показаться, что он говорит сам с собой, но на самом деле Сергей пытался меня разговорить, молча ехать ему было явно скучно. Я не сразу включился в разговор, внутри меня ещё не улеглась радость оттого, что я успеваю к отплытию нашей компании из Каргаска, поэтому, в качестве поддержки разговора, я молча кивал ему головой и смотрел по сторонам, изучая дорогу. Мы ехали вдоль русла Оби, дорога то приближалась к берегу реки, как мне казалось, на очень опасное расстояние, то отдалялась от него, судя по моему глазомеру более чем на километр. Пейзаж за бортом не отличался особым разнообразием, мы ехали по заболоченной низменности, очевидно, весной здесь Обь выходила из берегов, и эти места стояли под водой до конца паводка.

Вокруг дороги, на естественных возвышенностях, росли в основном берёзы, осины да кустарник, а вдоль берегов, в низинах, сосны и кедры. «Кстати, — обратился я к Сергею, глядя на проплывающую слева от нас кедровую рощу, — а как у вас нынче с кедровой шишкой?» «Шишкой-то?! — переспросил Сергей, явно обрадованный тому, что я с ним заговорил, он даже немного поёрзал от удовольствия на сидении, — Этот год урожайный, — с гордостью продолжил он, — шишки много. Позавчера ураган здесь был, так всю шишку сбило на землю, значит, поспела уже. Мужики её в мешки собирают, шелушат на месте, домой чистый орех везут». «А как шелушат?» — поинтересовался я. «Шелушат? — переспросил он и бросил на меня взгляд, мол, как бы тебе объяснить попроще, — Да крупорушками. — Сергей посмотрел на мою реакцию, понял по моим удивлённым глазам, что я не знаю значения этого слова, и с нескрываемым удовольствием пояснил, — Это такое самодельное деревянное устройство, типа большой мясорубки, в которую засыпают кедровую шишку, там она перемалывается, потом нужно только отделить орех от шелухи. Это делают с помощью крупного сита да брезента, на котором подбрасывают орех и остатки шелухи. Орех тяжелее, он падает на брезент, а шелуху

и пустой орех ветер относит в сторону». «Понятно» — уверенно ответил я и кивнул ему головой, хотя и смутно представлял себе этот незамысловатый процесс очистки ореха.

- IV -

Тем временем из-за очередного поворота вдалеке показались первые дома деревни: «Это Инкино», — с настороженностью, которую тогда мне сложно было понять, сказал Сергей и с опаской стал всматриваться в дорогу. Наша дорога проходила мимо деревни с правой стороны, метрах в ста от огородов. Здесь нас ожидал неприятный сюрприз, примерно по центру деревни на дороге была огромная, метров в пять диаметром, лужа, объехать которую с правой стороны не позволял ров с водой, а с другой озерцо сжиженной грязи, которое своим языком простиралось влево за ограду ближайшего огорода. Машина остановилась, и мы с Сергеем вышли посмотреть, можно ли преодолеть эту преграду? «Лужа-то глубокая?» — с опаской спросил я. «Больше метра, это точно!» — уверенным тоном он похоронил мои надежды на то, что мы можем её переехать. «Откуда вода? Ты же говорил, что три дня здесь дождей не было», — попытался я перекинуть ответственность на водителя. Сергей повернулся ко мне, сдвинул брови, выругался, смачно сплюнул в сторону, после чего голосом, в котором скрежетал металл, добавил: «Да это козлы местные всё сделали!» «Как?» — от удивления я раскрыл рот. «Ночью трактором поперёк дороги именно в этом месте, в низинке, канаву глубиной больше метра роют, потом сливают в неё цистерну воды. Машина, понятно, проехать не может!» — и он указал на две легковые машины, которые подъехали с другой стороны к этой луже, остановились, а водители с пассажирами, как и мы с Сергеем, вышли на разведку.

«А зачем им это нужно?!» — в недоумении развёл я руки, «Зачем, зачем?! — было видно, что мои глупые вопросы Сергея начинают раздражать, — Это бизнес у них здесь такой!» «Какой?» — тихо спросил я, опасаясь немного, что он меня прямо здесь поколотит за мою беспросветную глупость. Вместо ответа, Сергей резко спросил меня: «А как проехать-то?» «Не знаю, —

развёл я снова руками, и с очередной надеждой спросил, — а через деревню нельзя?» «Нельзя, там тупик», — уже более спокойным голосом ответил он и медленно пошел вдоль лужи, думая о чём-то своём. Я шагал за ним на небольшом отдалении, через минуту, насмелившись, спросил его: «И что же делать? Выход-то какой-нибудь есть из этого положения?» «Есть, конечно! — с издёвкой в голосе воскликнул Сергей, — Нужно идти в деревню, искать тракториста, долго уговаривать его, чтобы на саях, на которых они сено возят, он перевёз наши машины, — он указал на машину, которая подъехала и остановилась сзади за нами, — на ту сторону, а те машины, — он показал на две машины на другой стороне лужи, — на эту сторону». «А сколько он берёт за это?» — с очередной надеждой в голосе спросил я его. «Сколько?!» — Сергей внимательно посмотрел на меня, желваки его пробежали по скулам, после небольшой паузы он назвал цену с каждой машины, которая соответствовала моей плате за проезд. «Даже так! — не смог сдержать я своего изумления, — Это за десять метров пути?» «Не хочешь, говорят, не плати, ждите, когда лужа высохнет. Но я-то знаю, что они не дадут луже высохнуть, ночью сюда подвезут очередную цистерну с водой и солью». Заметив, что от услышанного я впал в ступор, он понял, что общаться со мной, дилетантом в бизнесе, далее бесполезно, резко повернулся и пошёл к своей машине, я понуро плёлся за ним. Мы сели, Сергей задумался, а я, немного отойдя от шока, спросил его: «Может, скинемся все, заплатим?» «Платить глупо, — не сразу ответил Сергей, и добавил, — Этим мы поощрили бы скотство!»

Я не сдавался и с умным видом задал очередной вопрос: «Так, может, через другую деревню проедем?» Мой вопрос настолько разозлил Сергея, что сначала он ругнул мою мать, а после небольшой паузы, которая после его слов повисла в автомобиле, уже более спокойным голосом объяснил таким умникам как я: «В том-то и особенность Инкино, километров на пятьдесят в округе никакой другой деревни и в помине нет! Вон, — он махнул рукой в сторону, — в тридцати километрах отсюда Басманово, но это через две реки надо переехать, только мостов-то здесь нет! Что делать? Возвращаться назад в Колпашево? Вам

это надо?!» Я виновато потупился, ясно ведь, что нам этого не надо, после чего снова посмотрел на Сергея. Зубы его были плотно сжаты в неправильном прикусе, выдававшем его волевой характер, желваки ходили по щекам вверх-вниз, разрез глаз стал уже, а взгляд его метался из стороны в сторону, как дворники на лобовом стекле во время сильного дождя. Казалось, что он ищет хороший кол поблизости и того, кто это всё нам устроил. Это грозный вид говорил о решимости, причём, судя по всему, он был готов на крайние меры. Через минуту Сергей неожиданно для меня выругался так, что пассажирка сзади заметно поёжилась, даже мне, признанному знатоку ненормативной лексики, стало неловко за женщину, но я промолчал. «Попробуем проехать по объездной дороге, возле ряма, думаю, она уже подсохла» — с этими словами Сергей развернул машину, и мы поехали в обратном направлении по траве вдоль леса искать одному ему известную дорогу.

- V -

Минут через пять Сергей радостно крикнул: «Вот она, родимая! Вроде бы ничего, подсохла, попробуем проехать здесь!», и мы поползли по лесной дороге, которая едва виднелась в траве. Скорость по ощущениям была равна скорости пешехода, что-то около пяти километров в час, с такой же скоростью мы преодолеваем в городе пробки, когда кажется, что пешеходы двигаются быстрее автомобилей. Днище машины всё время цепляло то кочки, оказавшиеся между колёсами, то пеньки и корни деревьев, которые, возможно, в начале зимы и не мешают ездить по укатанной подмёрзшей дороге, засыпанной снегом, но летом, после дождей, всё было наоборот, казалось, что они растут, хотя, конечно же, это не правда. Машина медленно заползла на пригорок и остановилась, Сергей, а за ним и мы с пассажиром с заднего сидения вышли из машины и стали осматривать небольшой овраг шириной в три метра, заполненный жидкой субстанцией, в основном водой. За этим оврагом дорога поднималась на очередной пригорок и потом, насколько позволял охватить взгляд, шла всё время вверх. «Вон там, мужики, — обратился Сергей к нам, указывая на ту сторону оврага, — наше

спасение. Последнее препятствие нужно преодолеть, пойдёмте со мной, помочь надо будет». Сергей подошёл к машине, достал из багажника топор, переобулся в болотные сапоги и отошёл от дороги в сторону, где росли деревья и кусты. Мы, естественно, послушно следовали за ним. Сергей рубил молодые деревья берёз, осин, сосен и кустов толщиной с мужское запястье, а мы с попутчиком волокли всё это к оврагу. Минут через двадцать, когда горка нарубленных деревьев уже выглядела внушительной, к оврагу подошёл Сергей и принялся застилать дно оврага нарубленными деревьями крест накрест, мелкой решёткой, причём вниз он укладывал более толстые стволы, в середину поменьше, а сверху уже что осталось. Мы наблюдали за его движениями, они были ловкими и умелыми, так работают те, кто родился в деревне или в частном секторе небольших провинциальных городков. Там с детства мальчики под приглядом своих отцов осваивают навыки работы с лопатой, топором, молотком и другими инструментами, и руки у этих ребят растут откуда нужно не потому, что такие гены, а потому что навыки привиты с малых лет. Вспомнил, что наблюдать за тем, как работают другие можно бесконечно, но неловкости от этого я не почувствовал.

Мы с попутчиком молча стояли в сторонке, ждали развязки. Наконец Сергей остановился, выпрямился, выдохнул, посмотрел на свою работу, жидкая субстанция скрылась под набросанными сверху деревьями ветками, которые теперь на дне оврага возвышались небольшим холмиком. Сергей довольно кивнул головой, мол, пойдёт, и решительно пошёл к машине, бросив по пути нам: «Надо, мужики, немного подсобить машине, сзади толкайте, а то застрянем здесь, хрен когда выберемся!» Мы переглянулись, понятно, что такая перспектива нас с попутчиком не прельщала, поэтому мы безропотно стали сзади машины. Жене моего попутчика, которая всё это время молча сидела на заднем сидении, Сергей махнул рукой, мол, сиди, от тебя здесь мало что зависит. Машина двинулась к середине оврага, мы с напарником, он в правое крыло, а я в левое, стали толкать её. Сначала машина бодренько поползла по сделанному Сергеем настилу, но где-то около середины оврага остановилась, задние

колёса крутились, но зацепиться им было не за что. Пар валил из-под них, и было заметно, что они медленно, но верно погружаются в воду, вот уже погрузились на две трети колеса. Сергей вышел из машины, внимательно осмотрел колёса и настил, после чего попросил женщину с вещами выйти из машины и ждать нас на противоположном берегу. От Сергея исходила уверенность в том, что мы преодолеем эту преграду, наверное, он не раз выходил из таких сложных ситуаций.

Его уверенность передалась и пассажирам, женщина перешла овраг по колено в воде, но обращать внимание на такие неудобства она не стала, дело в том, что её муж, как и я, впрочем, в туфлях стоял по колено в грязи. Сергей снова достал топор, пошёл и срубил ещё с десяток деревьев, теперь уже покрупнее предыдущих, нарубил их метра по три длиной и стал засовывать под колёса машины с обеих сторон. После того, как все деревья были пристроены, он обратился к нам: «Давайте, мужики, сначала толкните назад, а потом по моему сигналу вперёд! Только не останавливайтесь! Всё понятно?» Нам было всё понятно, мы толкнули машину сначала метра на два назад, потом по сигналу Сергея стали толкать её вперёд, не получилось. Снова назад, и снова вперёд, и снова неудача. При этом и вода, и грязь из-под задних колёс обильно покрывала нас с попутчиком, но мы не обращали внимания на это, цель — сухой пригорок впереди, была намного важнее. Наконец на третий раз, как и положено на Руси, когда, наверное, сами колёса распределили внизу нарубленные деревья оптимальным образом, машина проползла середину оврага и далее уже бодренько, ласточкой, вылетела на пригорок, где на своих сумках сидела пассажирка, и остановилась возле неё. Слава Богу, мы преодолели этот овраг! Мы с попутчиком, покрытые приличным слоем грязи, тяжело дыша, поплелись за машиной, пытаясь по пути отряхнуть прилипшие к одежде наиболее крупные куски.

Улыбающийся Сергей вынес нам навстречу канистру с водой и полотенце со словами: «Давайте, немного обмойтесь и переоденьтесь, если есть во что. Дальше ехать надо. Теперь дорога поверху пойдёт, оврагов и луж там нет. Надо до ночи до Каргаска доехать, а то, — он показал рукой на небо, — уже

начинает темнеть». Действительно, солнце уже зашло за лес, но ещё, как говорится, не село, тем не менее, день с каждой минутой явственно уходил, а на смену ему из-за леса незаметно выкатывался вечер, предвестник ночи. Не обращая внимания на присутствующую здесь женщину, я снял туфли, потом носки и джинсы, выжал их и сложил в пакет, после чего достал из своей сумки спортивные штаны, сухие носки и переоделся. Попутчику повезло меньше, ему из сумки жена достала только сухие носки, а брюки и туфли ему пришлось одеть те же. Мы обмыли лицо и руки, как и сказал Сергей, немного, обтерли с одежды губкой Сергея грязь, сели в машину и поехали. Сам же Сергей снова переобулся в туфли, сложив болотные сапоги в багажник. Сначала мы ехали молча, переживая трудности преодоления оврага в середине леса, радости от этого преодоления всё-таки было больше, чем неудобств, выпавших на нашу долю. Это немного успокаивало.

- VI -

Минут через двадцать стало заметно темнее, Сергей включил ближний свет и, не отрываясь от дороги, продолжил прерванный разговор. «Понимаешь, в прошлом году эти козлы из Инкино ведь то же самое делали! — страстно начал он, — Так наши ребята, частники, как-то поймали одного из них на месте, да и отходили его колами да битами. Все кости переломали! — Он вздохнул, покачал головой, мол, конечно, это не хорошо, но что делать-то, и продолжил дальше свой рассказ, — Вот так! Тот долго лежал в больнице в Колпашево, а осенью и умер. — Сергей глубоко вздохнул, мол, жалко, что так закончилось, — Милиция пыталась было расследовать, но где тут кого найдёшь, тайга! — Последние слова были сказаны уже с нескрываемой радостью, причём не за тайгу, а за то, что не нашли никого, далее он продолжил уже спокойным тоном, — Короче, после этого они больше года нам не пакостили, — далее возмущение в его словах стало нарастать, — И вот снова они за своё! Опять, наверное, надо будет поучить их немного! Мы же знаем, кто это всё делает!» После этих слов Сергей снова глубоко вздохнул, чувствовалось, что ему не хочется прибегать к подобным мето-

дам, и замолчал. Стемнело, а на Севере темнеет быстро, словно кто-то невидимый сверху набрасывает плотное покрывало на землю. Казалось, деревья и кусты своими тенями мечутся вокруг машины, пытаюсь сбить её с пути, но всё напрасно, мы уверенно двигались к цели. Вот из-за поворота показались огни какой-то деревни, для Каргаска, подумал я, рановато. Сергей, заметив мой пытливый взгляд, небрежно бросил: «Это Новосельцево, — подумав немного, добавил, — Минут через пятнадцать будет Парабель, а ещё через пятнадцать минут Высокий Яр». Я с пониманием в ответ кивнул головой, хотя был в этих местах впервые, и из названий населённых пунктов слышал только Парабель, но мне хотелось хоть как-то поддержать водителя и не выглядеть в его глазах полным дураком. Удалось или нет, не знаю.

Подумав немного, я с горечью бросил: «Вот, где не надо, деревня на деревне, а там, возле Инкино, ничего! А ведь эти места севернее, казалось бы, должно быть наоборот! — и спросил Сергея, — Почему так?» Тот улыбнулся, было видно, что его порадовал мой вопрос, и он, растягивая удовольствие, как это делает учительница начальных классов в школе, ответил: «Там места болотистые, сами убедились, а здесь более высокие. Люди-то раньше в первую очередь думали о чём? — он повернул голову ко мне, я пожал в ответ плечами, мол, не знаю, о чём они здесь думали, а он продолжал, — О том, чтобы их не затопило по весне или, что ещё хуже, не унесло дом вниз по реке. Здесь высокое место, поэтому здесь много поселений разных у реки. Климат? — видя, что с меня толку мало, он уже сам себе задавал вопросы, сам на них отвечал, — Разница в климате здесь небольшая, не чувствуется она. Не то расстояние. Понимаешь?» Я кивнул в ответ головой, мол, понимаю. Сергей продолжал размышлять вслух: «А в таких гнилых местах, как это Инкино, раньше кто жил? Беглые преступники да грабители, похоже, они и основали эту деревню. Говорят, что сейчас гены предков и проявились. Правда или нет, не знаю, но то, что народ здесь гнилой живёт, это точно!» — и он выругался снова. Пассажирка на заднем сидении уже не ёжилась от его слов, похоже, привыкла. Хотя допускаю, что она была согласна с оценочными сужде-

ниями Сергея, что же касается употребляемых им слов, то, я заметил, очень часто лучше таких слов и не найти, и женщины чаще всего это понимают и принимают.

Мы помолчали. Действительно, а я следил за часами на панели автомобиля, через пятнадцать минут мы уже проезжали Парабель, село, судя по количеству освещения огней в окнах домов, было много больше, чем Новосельцево. Далее через пятнадцать минут, которые прошли в полной тишине, мы проехали и Высокий Яр, название села говорило само за себя, подтверждая справедливость слов Сергея о природной смекалке аборигенов, основавших в этом месте поселение. «Дальше поедем до самого Каргаска вдоль реки Парабель, которая возле него и впадает в Обь» — продолжал ликбез для меня Сергей, говорить-то ему надо о чём-то, а то ведь часто водители в тёмное время суток за рулём засыпают, о последствиях этого лучше и не заикаться. «Понятно, — довольным голосом оттого, что скоро поедем, бросил я, и на всякий случай уточнил, — А дальше, до Каргаска, дорога нормальная? Приключений не ожидается?» «До Каргаска дорога отличная, накатанная, долетим как на крыльях!» — поёрзав от удовольствия на сидении, гордо ответил он. И правда, я обратил внимание, что нас стало меньше трясти, значит, дорога была лучше прежней, и ехали мы в основном вдоль реки, а не по лесу, как прежде. В лес наша дорога заглянула только два раза, объезжая крупные извилины реки Парабель.

- VII -

В это время стало окончательно темно, но дорога хорошо просматривалась в лучах фар автомобиля. Мыслями я вернулся к жителям Инкино, что же их толкает на подобные действия, которые иначе как мерзкими и не назовешь? Может, виной всему извечная крестьянская нужда, которая до семнадцатого года регулярно навевалась в российские сёла, особенно в те, которые расположены в зоне рискованного земледелия, а после семнадцатого года как пришла с большевиками, так, кажется, навечно там и осталась? Но, так или иначе, Россия — одна из немногих стран, где земля не может прокормить крестьянина.

Всё это, думаю, последствия диктатуры пролетариата, когда наше крестьянство было, если называть вещи своими именами, на положении заключённых, ведь даже паспорта в деревне не выдавали, чтобы не могли сбежать в город. А продразвёрстка? А продналог? Государственная политика в Советском Союзе много лет была направлена на поддержку промышленного производства в ущерб производству сельскохозяйственной продукции. Политика диктатуры пролетариата оправдывалась ещё и тем, что крестьянам всегда было трудно организовать акции протеста из-за больших расстояний, разделявших сёла, а средств связи между ними в то время, по сути, не было никаких. После Гражданской войны, даже во времена Голодомора, когда родители от голода ели своих детей, и тогда крестьяне не могли организовать в сколько-нибудь значимые акции протеста. Пожалуй, это высшее достижение коммунизма на нашей земле, естественно, не отсутствие акций протеста, а поедание с голоду своих детей. Другое дело, город, здесь и органы власти, против которых можно протестовать, и рабочие находятся в зоне досягаемости, под рукой, здесь проще организовать, даже в советское время можно было выразить свой протест, как это сделали в своё время в Новочеркасске.

Я глубоко вздохнул, бросил взгляд в окно, где ничего не было видно, кроме участка дороги, освещаемого фарами, и снова вернулся к жителям Инкино, которые организовали вот такой бизнес по-русски. А может это некая предпринимательская жилка, которая таким неожиданным образом проявилась в наши дни. Работать больше, чтобы жить лучше, глупо, да и бесполезно, коммунисты в своё время напрочь отбили подобную охоту, а, с другой стороны, жить лучше хочется всем, такова натура человеческая, вот жители Инкино и ищут, как говорится, где глубже. В нашем случае делают лужу на дороге поглубже, пошутил я про себя и горько ухмыльнулся этой находке. «Предприниматели» из Инкино таким образом пытаются забрать часть заработка у водителей-частников, которые летом зарабатывают здесь частным извозом чтобы хоть как-то собрать своих детей в школу да пережить зиму, ведь зимой здесь всё кругом занесёт снегом, связь с большой землёй прервётся до весны, да и возить-

то будет некого. Водители эти, правда, тоже работают без лицензий, что называется, на птичьих правах, налогов не платят. Однако, если бы местные власти лицензировали их деятельность и собирали деньги в местный бюджет, то пришлось бы властям и нести ответственность перед «частниками» и за качество дорог, и за безопасность водителей и пассажиров. Организовать свой протест таким частникам по поводу безответственности властей, как я говорил выше, просто. А властям разве это надо? Думаю, нет. Поэтому власти не замечают частника, а частник не платит налоги. И все, вроде бы, довольны.

От предпринимателей из Инкино я перешёл к предприимчивости нашего народа, которая часто крутится вне законодательной зоны, что и понятно, законопослушание никогда не было в чести на Руси. Более того, казнокрады и разбойники в произведениях русской классической литературы, да и не только русской, кстати, чаще всего представлялись героями и защитниками угнетённых и обездоленных. Возможно, поэтому на большевистский лозунг «Грабь награбленное!» легко купились народные массы, на штыках которых большевики и пришли к власти. Не сразу наш несчастный народ осознал, что среди верхушки большевиков подавляющее большинство – это представители национальных меньшинств, все до одного воинствующие безбожники, отвергающие заповеди Христа. А когда осознал, было уже поздно! Проиграв выборы в Учредительное Собрание, большевики распустили его, запретили все остальные партии, устроили Красный террор и с такой силой вцепились во власть, что, казалось, ничто не может оттащить их в сторону. Высокую цену наш народ заплатил за такую близорукость, только во время Гражданской войны погибло более десяти миллионов граждан с обеих сторон, а скоро наступила и пора неизбежных репрессий, когда по оценкам историков за пятнадцать лет было репрессировано около ста миллионов наших сограждан. А сколько лучших представителей России было вынуждено навсегда покинуть страну?!

Почему всё это стало возможным? Помутнение рассудка на общенациональном уровне? Затмение лучших начал в человеке? Вряд ли... Кстати, продолжал я размышлять, ни в одном из

местных поселений, мимо которых мы проехали за это время, я не заметил купола церкви. Значит, церквей здесь нет! Большевики выдавили из сёл своего идеологического конкурента сначала в крупные города, а потом и там для приличия оставили по одному действующему храму, чтобы старушки, как они выражались, могли справиться нужду. Остальные храмы были переданы под кинотеатры, психбольницы, различные склады и даже скотные дворы. Примеры, что называется, на каждом углу. Однако, без нравственной опоры, которую даёт человеку церковь, нормы бытия не удалось сложить в единую, цельную картину, а Кодекс строителя коммунизма, в котором идеологи большевиков переписали заповеди Христа на свой лад, не смог заменить Библию не только потому, что в коммунизм верили меньше, чем в рай, но и потому, что не удалось подменить светлый образ Спасителя ликами Ленина, Сталина и им подобным, хотя серьёзные попытки к этому предпринимались... Восстанавливать утраченное сложно, но нужно. Потерпеть придётся...

С чего начинать? С верховенства права. В случае дороги возле Инкино, думаю, нужно было бы возбудить уголовное дело по статье «Умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества...», ведь дорога эта явно не частная, а муниципальная. В худшем случае можно было бы применить Кодекс административных правонарушений, «Повреждение дорог, железнодорожных переездов или других дорожных сооружений», которое создает угрозу безопасности дорожного движения, что влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от пяти тысяч до десяти тысяч рублей. Но кто здесь будет блюсти закон, районный прокурор? Вряд ли. Полиция? А попробуй, докажи, что жители Инкино, например, Иванов, Петров и Сидоров умышленно, с целью извлечения выгоды, вырыли на дороге яму и заполнили её водой, чтобы по этой дороге невозможно было проехать. Это ведь работать надо, собирать улики, свидетельские показания, сводить воедино всю доказательную базу. И это в деревне, где, наверное, почти всё население окажется на стороне этих «благородных разбойников». Неужели выходом из этой ситуации является самосуд, который устроили частники над одним из организаторов бизнеса по-русски? Возможно, видно,

что здесь правоохранительные органы не работают. И ведь почти все довольны: и власти, зло наказано, и частники, обрели на год покой, проучили негодяев, и часть жителей деревни, которые получили дополнительный доход. И никто не задумывается о проблемах проезда к ним и к их соседям машин пожарной или скорой помощи, не дай Бог, что-нибудь случится. К недовольным точно можно отнести членов семьи и родственников умершего, да отчасти его поделщиков, их промысел прекратился.

Оставалась третья версия, о которой упомянул Сергей. Проснулись гены предков: разбойников, грабителей, воров, насильников, коих сюда ссылали при царском режиме. Кстати, сбежать из этих мест не удалось никому! Одно исключение, Иосиф Виссарионович Джугашвили, он же в стиле а-ля русс, ни много, ни мало Иван Васильевич, «товарищ Сталин», знатный вор и конокрад своего времени. Почему ему удалось сбежать отсюда? Полагаю, потому, что он был агентом царской охраны, секретные архивы которой были обнародованы и на Западе, и у нас. А Нарым, куда был сослан «товарищ Сталин», находится как раз недалеко от того места, где мы сейчас проезжали, километрах в тридцати отсюда, правда, на другой стороне Оби. Насколько мне известно, в Нарыме действует музей «товарища Сталина», где и по сей день воспитывают последователей «отца народов», новых Зюгановых и его приспешников, мастеров очередного ленинско-сталинского набора в коммунистическую партию. Допускаю, что как раз такие воспитанники, борцы с частной собственностью, и вышли на дорогу возле Инкино. И всё это случилось именно в наше время, на очередном, как любят говорить, изломе судьбы России! И эта версия, конечно, имеет право на существование, но, как любил говорить мой преподаватель математики в институте, маловероятно... Чертовщина какая-то, подумал я, в это время впереди показались огни населённого пункта, их вид прервал мой мыслительный процесс. «Это Каргасок?» — с затаённой радостью спросил я Сергея, «Нет, это Павлово, до Каргаска ещё километров пять, — ответил он, не отрываясь от дороги, и далее успокоил меня, — Скоро доедем». Вокруг было темно, как говорится, хоть глаз выколи, но Сергей уверенно вёл машину вперёд, к пункту назначения, в Каргасок.

- VIII -

И тут, не знаю почему, я вспомнил рассказ моей бабушки, Пелагеи Афанасьевны, царствие ей небесное, которая до десяти лет много сил положила на моё воспитание. Жили мы в это время в деревне, мама учительствовала в местной школе, причём на две ставки, учителей в деревне тогда не хватало, как, впрочем, и сейчас, а отец работал механизатором в совхозе, домой после работы они приходили поздно, а в деревне вечером необходимо заниматься личным хозяйством. Помню, наша семья держала тогда корову и тёлочку (в то время я даже не догадывался, что тёлочками можно называть девушек), двух свиней, с десятков овец, были у нас, как и всех в деревне, также куры, гуси и утки. Утром и вечером нужно было за всей этой живностью убрать да задать им корм, корову нужно было доить два раза в день, кроме того, нужно было следить за их жилищем, особенно зимой, чтобы не замёрзли. До нас ли с сестрой Надей родителям было? Мы были на попечении бабушки, матери моего отца, Пелагеи Афанасьевны, которая меня очень любила, даже баловала, возможно потому, что я был единственным продолжателем нашего рода, носил фамилию деда, её мужа, который не дожил два года до моего рождения. Баба Поля, как мы тогда называли бабушку, была на редкость рассудительной женщиной. Она любила рассказывать нам сказки, поучительные истории, рассказала и историю нашей семьи, о которой я и вспомнил, подъезжая к Каргаску.

Обычная по тем временам, а это были тридцатые годы прошлого века, семья, муж, жена да пятеро детей, три дочери и два сына, в том числе и мой отец, Георгий, именно так официально почему-то всегда называла его баба Поля. Наш дед Кирилл выгодно отличался от других деревенских женихов завидной работоспособностью и сильным характером, если чего-то хотел, добивался, наверное, потому наша бабушка за него и пошла. Сама же она была швеёй, обшивала и свою деревню, и две ближайшие. Семья по тем временам была крепкой, в её собственности были: просторный деревянный дом в центре деревни с тремя комнатами и кухней, лошадь, две коровы и тёлочка, четыре свиньи, больше десятка овец, гусей и уток в летнее время штук по

двадцать, кур полный курятник, их никто и не считал. Тогда в нашу семью, как говорила баба Поля, мы приняли сиротку Аннушку (она назвала фамилию, извините, сейчас не вспомню), она, болезная, по деревне ходила, милостыню собирала, пожалели мы её. Пусть, решили, живёт с нами, за детьми ухаживает, да по дому помогает. Кормили и одевали Аннушку, как родную, вскоре она у нас и поправилась. Но, видимо, приглянулся наш дом руководству сельсовета, а что, и дом хороший, и в центре стоит, удобно. И тогда нас объявили подкулачниками, до кулаков-то размером своего хозяйства мы явно не дотягивали, приписали нам эксплуатацию чужого труда, имелась ввиду наша Аннушка, которую тут же отвезли в район, в детдом, где след её и простыл. А у нас отобрали всё, и дом, и лошадь, и коров, и свиней, и овец, забили гусей, уток и куриц, как тогда говорили, до последней курицы. Даже собаку нашу, Шарика, пристрелили во дворе за то, что посмел облаивать народную власть, кошку, правда, разрешили себе оставить. Посадили нас на две телеги, разрешили с собой взять то, что можно было в руках унести, и отвезли за сто километров, в другой район, в деревню Песчаное, сказали, чтобы глаза здесь никому не мозолили. Да и не в саму деревню-то, а в охотничью избушку возле неё, где ни угля, ни дров, а зима на носу! Ох, и хватанули тогда мы горя!

Страшно было, думала, с голоду перемрём. Поэтому старшую дочь, Тасю, а ей шёл тогда семнадцатый год, повёз Кирилл в Новосибирск устраивать на работу, так она стала домработницей у дорожного мастера, что в городе почему-то эксплуатацией чужого труда не считалось. Потом уже она и техникум окончила, и в банке сорок лет проработала, короче так в городе и осталась. На руках у меня осталось четверо детей, Пана, ей двенадцать было, отец ваш, Георгий, ему девять лет, Нине пять, а младшему, Аркадию, тогда и трёх не исполнилось. Дед ваш, Кирилл, всё в Новосибирск ездил, правду искал, хлопотал о реабилитации, но только через три года нас реабилитировали. Почему? Как удалось деду убедить представителей советской власти в необходимости реабилитации? Не знаю, но дед ваш умел убеждать. Но реабилитировали нас только частично, полной реабилитации не было, мол, пусть все знают, советская власть

строго следит за ними. Естественно, ничего нам не вернули, но позволили вернуться в родную деревню. Может, поэтому и реабилитировали. Здесь, на кладбище, я с трудом отыскивала могилы своих отца и матери, всё травой за это время заросло, а могилу родителей деда Кирилла найти так и не смогли, говорят, после нашего раскулачивания снесли их кресты и оградку, как антинародных элементов, и сожгли всё это у леса.

Жили мы сначала в землянке, что от Гражданской войны осталась, на окраине леса, а через два года нам старый дом с кухней и комнатой дали, в ней мы пятнадцать лет жили, там, кстати, вы с Надей и родились. Сначала отец ваш, Георгий, почти каждый день ходил на совхозную конюшню, нашу лошадь, Гнедка, подкармливал овсом, уж больно они привязаны были друг к другу. Но через полгода не стало Гнедка, загнали его, надорвался он, понятно, кто же будет жалеть чужого, не родной ведь он им. Постепенно хозяйством обзавелись, дед работать умел, работал много. А тут и война приключилась, ушёл Кирилл на фронт, вернулся через два года инвалидом, но с орденами и медалями. Хромал он сильно, его правая нога была на семь сантиметров короче левой, что невозможно было не заметить, когда он шёл. Трудно тогда жилось всем, слава Богу, Георгий уже подрос, стал главным помощником отцу. Пана вскоре вышла замуж за агронома, ушла к мужу жить в его дом, Нина подросла и уехала в район, в Каинск (ныне Куйбышев) работать, где и вышла замуж, там сейчас и живёт, Аркадий после армии уехал учиться и работать в Новосибирск, там умер от заражения крови, недавно схоронили его. Дед ваш, Кирилл, не дождался вашего рождения, умер, здоровье его совсем расшаталось после выпавших на его долю испытаний. Вот так я и осталась в доме со старшим сыном, с Георгием, с вашим отцом, так раньше принято было, мать доживает свой век со старшим сыном. Потом Георгий женился на вашей маме, вы родились, он поехал на лесозаготовки в Урман, откуда по весне по нашей Омке приплыли плоты с нашим новым домом. Соседи и родственники помогли нам сруб дома собрать, отделку мы уже сами делали. Вот, в этом доме мы и живём теперь вместе с вами...

Кстати, подумал я, в следующем году, на родительский день, когда буду убирать могилу бабушки и обновлять на ней цветы и венки, нужно спилить те ветки черёмухи, которые заслоняют памятник бабы Поли, и уже «наваливаются» на него. В это время мои воспоминания перебил Сергей, который громко, для всех пассажиров, объявил: «А вот и ваш Каргасок!» Машина въехала в очередной населённый пункт и остановилась у освещённой пристани, на которой вверху было написано крупными буквами «Каргасок». Все вышли из машины, Сергей достал из багажника и выдал нам дорожные сумки, мы с ним как старые добрые знакомые пожали на прощание друг другу руки, пожелали удачи и расстались. Сергей запрыгнул в машину и поехал переночевать у своих знакомых, завтра утром он будет пытаться поймать здесь, у пристани, попутчиков на обратную дорогу, а если таковых не будет, поедет домой, как он выразился, пустым. Я пошёл к реке, посмотреть, стоит ли у пристани наш «Пётр Леденёв»? Да, хлеб его явно не из самых лёгких, думал я, спускаясь к реке. «Пётр Леденёв» стоял у пристани, все огни на корабле были погашены, лишь на верху мачты горела небольшая лампочка, это означало, что и пассажиры, и члены экипажа ушли к Петухову. Я перекрестился, слава Богу, успел, завтра утром мы уйдём вниз по Оби на корабле Петухова. Его корабль я узнал по описанию Фёдоровича, вернее по флагу на мачте, здесь, в отличие от пиратского флага, на котором скрещены две кости, были скрещены две стерлядки, самой ценной рыбы в этих местах. С чувством удовлетворения я поднялся на берег, где в это время уже никого не было, и пошёл наугад по самой освещённой улице.

Вскоре на моём пути оказалась молодая парочка, которая, судя по всему, только что вышла на вечернюю прогулку. Я обратился к высокому крепкому парню лет восемнадцати: «Подскажите, как пройти к дому Петухова?» Парень живо откликнулся: «А Вам какой Петухов нужен?» «Инспектор рыбнадзора», — уточнил я. «А, Владимир Петрович! — в голосе парня чувствовалось уважение к инспектору, он указал мне рукой, — Вот, идите по этой улице, пятый дом Петуховых будет, где высокие красные ворота». «Понятно, Спасибо вам, — поблагода-

рил я молодых людей и зачем-то добавил, — Удачи вам!» Парочка радостно переглянулась, улыбнулась мне и пошла дальше своим путём, я проводил их взглядом, вздохнул, повернулся и двинулся в указанном мне направлении. И снова вернулся к воспоминаниям своей бабушки. Странно, думал я, что в её словах я ни разу не услышал обиды или озлобленности на советскую власть, наоборот: «Хорошо, что в совхоз приняли, работу отцу вашему дали, а так чем бы мы питались? С голоду, наверное, бы померли», — рассуждала она, конечно, в её словах то и дело проскальзывало непонимание некоторых деяний этой власти, несправедливого отношения к согражданам, а русский народ, как известно, испокон веков жаждал этой самой справедливости. «Ведь Аннушка-сиротка без нас не выжила бы, погибла, — говорила баба Поля, — За что же нас наказали так? Не понимаю...». «И действительно, за что? — думал я, шагая по плохо освещенной улице Каргаска, — Наверное, дом приглянулся под сельсовет, да животиная вся оказалась в совхозе, как основа общего хозяйства». «Тогда, — рассказывала мне баба Поля, — добровольно-то никто, кроме голытьбы, вступать в совхоз не хотел. А с них-то что взять? Вступали они с пустыми руками. А нам, какой смысл был объединяться с ними? Ведь работать они не хотели, да и не умели, но тогда они были опорой советской власти, бедняки. А зависть людская?! Видно ведь было, как они смотрели на нас, на наше хозяйство. Завидовали, мол, хорошо живём! Вот так мы и оказались в совхозе, руководить которым были поставлены Гореловы да Пискуновы. Не зря ведь такие фамилии они носят, прости, Господи!» — вздыхая, говорила она и крестилась на икону, чувствовалось, ей жаль и свой дом, и всё нажитое, и скотину.

А не тогда ли большевики погубили Россию, подумал я, сломали ей хребет? Ведь в те годы страна была преимущественно крестьянской, но всех, кто мог работать на селе, репрессировали, мои предки ещё хорошо, как говорила баба Поля, отделались, ведь большинству была уготована более страшная судьба, или расстрел, или лагеря, из которых мало кто домой вернулся. А дети врагов народа? Каково им пришлось? Сколько запретов и лишений выпало на их долю?! Страшно становится от всего этого. Когда смотришь, как нынешние коммунисты пытаются

оправдать преступления своих предшественников, понимаешь, какая это заразная болезнь, и почему-то вот именно у нас она прижилась?! Очень образно сравнил эту чуму великий гражданин нашей страны Александр Исаевич Солженицын с красным колесом, которое проехало по косточкам крестьянской России. Похоже, что те, кто поёт аллилуйю репрессиям тех лет и пытается всячески принизить размеры содеянного, являются потомками тех, кто правил в те годы этим балом сатаны... А кто в то время остался в селе? Кто они, эти строители коммунизма? Получается те, кто не хотел работать. Известно, сорная трава растёт лучше сортовой, она упрямо лезет из земли, несмотря на все препоны, прополку, засуху, траву и прочее, однако бороться с ней нужно, чтобы не забила сортовую траву. Сортовой траве помогать надо. Вот почему, как ни странно, любое нормальное государство поощряет тех, кто хочет и может работать, а у нас почему-то всё наоборот. Впрочем, не так странно это, как страшно... Не в этом ли основная причина, что сегодня вот такой бизнес по-русски, как в деревне Инкино, и вышел на свет Божий? Что может изменить таких людей? Вера в Бога? Но в деревне её почти нет, коммунисты вытравили за семьдесят лет своего правления. Нравственные устои? Но если веры нет, нет и устоев! Духовные скрепы, о которых иногда заикаются наши правители? Думаю, пока они сами не понимают того, о чём говорят. Что уж тогда говорить о простом народе?! Что остаётся? Уповать на время, оно, конечно, меняет человека, но уж очень медленно и не всегда, кстати, в положительную сторону. Наверняка нам ещё предстоит немало нравственных метаний и поисков на пути становления новой России. Дай-то Бог преодолеть все трудности!

- X -

В это время ноги принесли меня к высоким красным воротам, которые освещал мощный фонарь, свисавший со столба. За воротами виднелся добротный двухэтажный деревянный дом, почти во всех окнах которого горел свет. Похоже, меня ещё ждали. Я нажал на кнопку-звонок, установленную на дверном косяке, первой на звонок громким и резким лаем откликнулась собака, но вот собачий лай резко оборвался, послышался лязг

собачьей цепи и шаги хозяина к воротам. Калитка открылась, и ко мне вышел Владимир Петухов, мужчина лет пятидесяти с обветренным лицом, седой, полноватый и улыбчивый. Да, подумал я, он полностью соответствует мастерскому описанию Фёдоровича. «Ну что, догнал своих?» — с добродушной улыбкой спросил он, «Догнал», — выдохнул я, он взял мою дорожную сумку, и мы с пошли в дом. Огромная собака, похожая на кавказскую овчарку, сидела на цепи возле своей будки, заведя меня, она начала было грозно лаять, с угрожающим видом пытаясь приблизиться ко мне, но хозяин резко прикрикнул на неё. Та сразу успокоилась и скрылась в будке, очевидно, обиделась на своего хозяина.

Хозяин ввёл меня в дом, где и команда корабля и пассажиры, мои друзья-товарищи, уже сидели за столом, который был плотно заставлен яствами. Мы радостно поприветствовали друг друга, Фёдорович пригласил меня к столу, в центре которого стояли четыре бутылки водки, как говорится, для разбега. Всё как везде. Но хозяин дома, с которым мы познакомились по дороге, распорядился по-другому: «Давай, Александр, сначала умывайся, переодевайся, а после уже и за стол. Максим, — обратился он к сыну-подростку, которому на вид было около шестнадцати лет, — отведи его в баню, пусть сполоснётся немного, вода там ещё тёплая, потом переоденется и к нам за стол». Я устало кивал головой, соглашаясь во всём с Петуховым-старшим, Максим отвёл меня в баню, которая располагалась за домом, в начале огорода, вода там действительно была ещё тёплой, видимо, подумал я, Петуховы истопили баню для моих друзей-товарищей, и она ещё остыть и не успела. Помыв голову, я, естественно, обмыл и тело, после этого посидел немного в предбаннике, прокручивая в голове весь маршрут до Каргаска, удивился самому себе, какое приключение выпало на мою долю. Мне стало легче, будто я смыл с себя не только массу прилипшей грязи, но те тяжёлые впечатления, которыми наградила меня эта дорога. Я отдышался, переоделся и в сопровождении Петухова-младшего вернулся в дом.

Вскоре я уже с довольным лицом сидел за столом, выпивал со своими товарищами, хвалил вместе с ними закуску — северную рыбу и ягоду, с умным видом поддакивал Фёдоровичу, ко-

гда тот что-то говорил о предстоящей рыбалке. Короче, отвлекаясь от бизнесменов из Инкино и от воспоминаний, связанных с моими предками.

Но это знакомство с бизнесом по-русски возле деревни Инкино, выпавшее на мою долю в последний год второго тысячелетия от Рождества Христова, словно гвоздями, которыми был прибит к кресту Спаситель, пронзило моё сознание, тысячами молекул крови разлетелось по моему телу, смешалась в моей памяти с историей моих предков, и теперь постоянно, при каждом удобном случае, острой болью в сердце напоминает о себе. В это время я не могу ни есть, ни спать. Почему-то история Инкинских бизнесменов и ассоциации, вызванные ею, никак не желают уходить в далёкие уголки моей памяти.

Вот и опять я вспомнил о ней...

Может сейчас, когда я поведал вам эту историю, она меня отпустит.

Случай на даче (рассказ)

Этот забавный, если не сказать странный, случай произошёл на даче, куда мы с женой пригласили моих давних друзей Веру и Лену. Сразу оговорюсь, раньше я, как и подавляющее большинство из моего окружения, не верил в серьёзную дружбу между мужчиной и женщиной, даже позволял себе в хорошем расположении духа пошутить на эту тему: «Дружбу сексом не испортишь!», или «Дружба с женщиной — это продолжение неудавшегося секса!», или высказать аналогичные пошлости в том же духе. Однако с возрастом стал в женщинах высматривать не только внешние достоинства, но и отмечать некоторые ценные человеческие качества, такие как: ум, порядочность, доброте, желание помочь ближнему. И вскоре я пришёл к такому выводу, женщина может быть для мужчины другом! Да, да, возможна дружба между мужчиной и женщиной! И понятно почему, нет ни ревности, ни озлобленности на плохо исполненный долг, ни с кем не нужно делить какого-то мужчину, не нужно пред ним рисоваться, представляя себя лучше, чем есть на самом деле. Кроме того, нельзя не отметить и возможность обсудить свои перманентные проблемы с особой противоположного пола не с визгом и надрывом, а доверительно в дружеской и тёплой обстановке. И я заметил, что особенно в последние годы такое общение явно вошло в моду. Согласитесь, знать мнение «с того берега» необходимо для корректировки своего поведения, если «поезд ещё не ушёл». А что лучше всего способствует такому общению? Конечно же обстановка или как сейчас шутят, «обстакановка». А летом, а дело происходило в середине августа, лучшего места, чем дача, не найти: природа, воздух, ягоды, шашлык, закуски с грибки! Здорово ведь?! Особенно, если всю неделю Вы провели в «каменных джунглях», то есть в огромном и душном городе. Как говорится, душа требует! Кроме того, я давно хотел показать наше «райское гнездышко», которое мы с моей женой Аллой свили на берегу Оби.

Давно замечено, русская дача — это стройка навсегда! Сначала на выделенном вам участке, обнесённом со всех сторон

сеткой-рабицей, устанавливается беседка, туалет и сарай для инструментов; на следующий год делают фундамент под баню, благоустраивают участок, выкорчёвывая ненужные кусты и деревья, и высаживают первые плодоносящие кусты и деревья. Третий год, как правило, ударный, весной начинается строительство бани «под крышу», которая должна за предстоящую зиму отстояться, кроме этого нужно осенью, когда максимально низко стоит грунтовая вода, залить фундамент для дома, происходит установка парника для выращивания огурцов и помидоров, мостятся дорожки и разбиваются газоны; летом этого года женщины (жёны, дочери, матери) занимаются цветами, разбивают клумбы, а осенью Вам необходимо установить настоящий металлический забор, уже есть что воровать. Главная задача на четвёртый год — запустить в эксплуатацию баню, для чего нужно вставить окна и двери, провести электричество, поставить печку, обустроить парилку, провести воду, а к осени завершить её внутреннюю и внешнюю отделку, чтобы осенью, так сказать, обновить баню. Поему я рекомендую начинать строительство на даче с деревянной бани? Потому что у дерева здоровый микроклимат и особая глубинная теплота, наполненная уютом. Всё это создаёт благоприятную атмосферу и дарит нам чувства защищённости и покоя. О целебных свойствах русской бани чуть ниже. Кроме этого, с осени строится «под крышу» дом, который должен за зиму отстояться, чтобы весной приступить к его отделке. Весь пятый год уйдёт на наружную и внутреннюю отделку дома и строительство выгребной ямы, хорошо, если за год Вы справитесь со всем этим. На шестой год, когда Вы начнёте осваивать дом, Вас посетит мысль, что неплохо было бы построить и гараж, и Вы, поверьте мне, начнёте его строить. Вот Вам и шесть лет! И это в лучшем случае, когда Вы не имеете стеснения в средствах, что в нашей жизни представить очень даже не просто.

Весной седьмого года вы обнаружите недоделки в бане, которые необходимо устранить, на восьмой год затеете перепланировку в доме и так далее. Понятно, что пока строятся и отделываются баня и дом, строится гараж, чтобы не мешать строителям, Вы выращиваете в парнике помидоры и огурцы, занимае-

тесь грядками с клубникой, луком, чесноком, морковью, сажаете тую и декоративные деревья. Я, например, посадил по паре сосен, пихт, лиственниц, кедров, голубых ёлочек, кусты рябины и калины. Благо десь соток, есть где разгуляться! Кроме того мне хотелось, чтобы на даче у меня росли деревья, которыми славится Сибирь, восемь многолетних берёз, которые мне достались вместе с участком, я оставил в целостности и сохранности, как символ России. Самые большие неприятности Вам доставит газон, если осенью он будет выглядеть более или менее, то весной, после очередной суровой зимы, Вам предстоит практически всё начинать заново: выравнивать, пропалывать, выкапывать, взбадривать его вилами, подсеивать и так далее. Вы должны спокойно воспринимать, что газон, то есть специальные сорта травы, у Вас расти будет плохо, как бы тщательно Вы за ним не ухаживали, зато сорняки, сколько бы Вы их не пололи, будут цвести пышным цветом. При этом неизбежно какие-то кусты болеют, их нужно выбрасывать, заменять другими, какие-то деревья не перенесут морозы, какие-то, прежде всего фруктовые, попортят грызуны. Короче, на даче всегда есть работа, и её много. И это здорово! Всё лучше, чем лежать пузом кверху — прямой путь к ожирению! Нужно признаться, что в тренажёрные залы нас калачом не заманишь!

На тот момент нашей даче как раз и исполнилось шесть лет. На сто процентов функционировала баня, недалеко от неё стояла беседка, обвитая с трёх сторон побегами дикого винограда, рядом с ней площадка для мангала, Слева от бани стоял парник, который уже давал к столу свежие огурцы (с начала июня) и свежие помидоры (с начала августа), рядом с беседкой, очевидно для большего удобства, росла петрушка, сельдерей, базилик, лук, между баней и беседкой была разбита клумба, на которой кроме прочего цвели и благоухали розы и лилии, начали набирать цвет гладиолусы. К этому времени был сдан в эксплуатацию первый этаж дома, где были все удобства, даже горячая вода, в большом зале был красивый, модный камин, и была оборудована комната отдыха для гостей. А это всё очень важно, потому что мы, как и все нормальные русские люди, любим посидеть основательно, без спешки, не сильно ограничивая себя ни в

выпивке, ни в закуске, после чего, как мы считаем, сам Бог велит отдохнуть, то есть поспать на свежем воздухе. А уже утром, так сказать, отдохнув, можно разъехаться по домам, по своим делам, если что-то неуловимое не заставит Вас остаться ещё на сутки. Вот такой формат имеют заезды с друзьями на дачу с пятницы на субботу. Собственно, так всё и произошло.

Вот примерно об этом я и думал, когда мы ехали в пятницу после работы с Аллой на дачу на нашем «морковнике». Красавчик Вудя, белый лабрадор, кобельёк полутора лет, спокойно сидел на заднем сидении и внимательно смотрел в окно автомобиля. Когда мы выехали из города, он оживился, догадался, что мы едем не в магазин, не проводить мою тещу, а на дачу, где ему бывает так вольно и позволено делать всё или практически всё. Вскоре мы свернули на шоссе, которое, очевидно по недоразумению, носило название Советское, ведь к этому времени от Советов уже ничего кроме коммунистических названий не осталось. Мы въехали в лес и сразу почувствовали кислородный удар, это лес и свежий ветер с реки отбили городскую гарь и пыль от места, где и располагалась наша дача. Вскоре мы были уже на месте. Я открыл ворота и завёл машину на оборудованную площадку на участке, выпустил Вудю, он от радости сделал пару замысловатых кульбитов и бросился нарезать круги по газону, видимо, тоже соскучился по дачке. Выгрузил и занёс в дом наши вещи и провизию. Буквально через десять минут, руководствуясь моими указаниями по телефону, к нам прибыли Вера и Лена, причём последняя была за рулём. Я помог Лене завести к нам её машину, они стали выгружаться и тут выяснилось, что с Верой прибыла на дачу и сучка Виста, кокер-спаниель трёх с половиной лет.

Надо отдать Вере должное, она очень любит собак, когда-то держала у себя двух красавцев шарпеев. Но, переезжая на новую квартиру, Вера поддалась уговорам дочери и оставила собак с ней, ведь та выросла вместе с ними, вернее, с ними прошла её юность. Вера долго тосковала по любимым собачкам, но новую не завела, зато часто выручала своих друзей, в том числе и меня, когда те уезжали в отпуск или в командировку, она брала к себе «на содержание» их собачку. А поскольку Вера была человеком

очень добрым, то собаки, у которых особый нюх на людскую доброту, спокойно оставались у Веры на оговоренный срок. Известно, что расставание с хозяином для собаки сродни шоку или нервному срыву, у Веры же они разлуку переживали значительно легче, не так, как в питомнике. Увидев Висту, Вудя сначала обомлел, но через минуту бросился к ней, выказывая той по-собачьи своё расположение. «Слава Богу, у Висты неделю назад течка закончилась, — сказала Вера, глядя на собак, — теперь пусть лезет». Однако Виста была не расположена к ухаживаниям Вуди, была строга с ним, лаяла на нашего красавчика, и даже иногда пыталась укусить его. Лабрадор в такие моменты взвивался вверх и ловко отскакивал от неё, как мячик от стенки, и продолжал радостно прыгать вокруг Висты. Их игра была похожа на ухаживания кавалера за капризной барышней: «У них всё, как у нас!» — с улыбкой сказал я, указывая на собак, дамы, немного подумав, согласились со мной. После этого мы понесли вещи и провиант Веры и Лены в дом.

Мы занесли и расставили их вещи в доме, а еду, в том числе и замаринованный шашлык, и поставили в холодильник. Наши гости переоделись, и я предложил ознакомительную экскурсию по участку, что было ими с радостью принято. Провёл гостей по дорожкам, показал газон, цветы, кусты, деревья, парник, беседку, увитую диким виноградом, причём в это время листья уже немного покраснели, что создавало вид райского гнёздышка, в которое хочется влететь, после чего никогда его не покидать. Показал и выложенную плиткой площадку под мангал. Зная любовь Веры и Лены к хорошей русской бане, я с гордостью завёл их в баню, где мы осмотрели прихожую, туалет, комнату отдыха, помывочную и парилку. Вудя с Вистой сопровождали нас во время этой прогулки, причём, Виста в основном жалась к ногам Веры, а Вудя, как хозяин, гарцевал вокруг неё, подобно молодому жеребчику. Судя по реакции подруг, им всё понравилось, особенно баня. Я отвёл их в дом, где Веру и Лену приняла Алла, которая хотела провести их по дому, показать, что уже готово, а что предстоит сделать до конца этого года, и что запланировано на следующий год. Я же в это время пошёл топить баню и замачивать берёзовые веники, благо к этому времени

уже пошли «свеженькие». Вудя, побегав немного вокруг меня, сбежал к своей новой подружке. Природа!

Дрова в печке разгорелись довольно-таки быстро, тяга хорошая. Я забросил в печку ещё пару крупных берёзовых полешек, вокруг которых стали плясать мощные языки пламени, и поспешил в дом. По моим расчётам экскурсия там должна была закончиться. И действительно, гости уже сидели в комнате на диване, смотрели фотографии с нашего отдыха, мы с Аллой только что вернулись из Турции, где провели две недели с семьёй наших друзей. Алла тем временем накрывала столик, который стоял перед диваном, успевая при этом комментировать фотографии. Школа! По виду и восклицаниям наших гостей было понятно, что им всё у нас понравилось, в том числе и турецкие фотографии. А там действительно было здорово — изумрудная зелень, чистое море, плюс тридцать пять, пальмы, огромный голубой бассейн рядом с отелем, рестораны на любой вкус, итальянские, французские, китайские. Правда, почему-то не было ресторана с русской кухней, хотя более половины проживающих в отеле были из России. Возможно, турки хотели тем самым нам дать возможность отдохнуть от нашей действительности.

Довольный увиденным, я помыл руки, подсел к столу и с добродушной улыбкой, которая столько раз выручала меня в жизни, предложил отметить наш приезд. Женщины с нескрываемой радостью, мол, давно пора, поддержали меня, я разлил в рюмочки Верину настойку на клюкве и двинул тост: «За долгожданную встречу друзей!» Мы в едином порыве осушили рюмочки и принялись закусывать сыром, колбаской, какой-то нарезкой, фруктами и прочей снедью, которую уже успела выставить на стол Алла. Опыт подсказывал нам, что Верина настойка хоть и пьётся легко, тем не менее, требует хорошей закуски, не то ноги в самый неожиданный момент могут отказать. Как говорится, закуска крадёт градус, а хорошая закуска хорошо крадёт! Кроме того, нас ждала баня, в которую, по своему опыту знаю, пьяным лучше не ходить. Я налил всем ещё по рюмочке и огласил план наших дальнейших действий: сейчас у нас (я показал рукой на столик, за которым мы сидели) лёгкая разминка; далее сауна (в этом месте Вера с Леной радостно переглянулись, а Вера уточни-

ла: «Саня, а веники будут?» «Конечно!» — гордо ответил я.); затем у нас торжественный ужин в беседке на свежем воздухе, где вам будут предложены напитки на любой вкус, куры-гриль в собственном соку, шашлык, свежая зелень с нашего участка и прочие закуски, при этом я планирую вам прочитать что-нибудь из новенького; по окончании ужина нам предстоит глубокий сон в условиях избытка кислорода. «Чудненько!» — этим восклицанием Вера высказала своё одобрение моему плану, а Лена утвердительно кивком головы поддержала её. Всё-таки хорошо, что на земле есть нормальные люди, которых не нужно лишний раз уговаривать, когда имеется хорошее предложение. Выпили, естественно, за одобрение моего плана, закусили.

«Ну что, встаём тогда?» — спросил я. Все согласились, встали из-за стола, гости пошли переодеваться, готовиться к бане, а я поспешил проверить температуру в парилке и готовность веников. Стрелка на станции, показывающая температуру в парилке, уже подпирала отметку девяносто градусов, я подбросил в печку ещё пару полешек, развёл в деревянном ковшике настой эвкалипта и пихты, зашёл в парилку и побрызгал этим настоем на раскалённые камни. Парилка сразу наполнилась чудесным ароматом леса, что я невольно закрыл глаза и несколько раз носом глубоко вдохнул эти пары. После чего вышел и облачился в специальную одежду банщика: надел фартук ниже колен, на кармане которого в клубах пара можно рассмотреть банщика с веником, шапочку с надписью «Жизнь удалась!», войлочные рукавицы, оберегающие руки не только от температуры, но и от мозолей, обул прорезиненные банные тапочки. В это время пришли Вера с Леной, я проводил их погреться в парилку, а сам проверил веники, запаренные в специальной небольшой кадучке, веники к этому времени были уже практически готовы. Алла, как небольшой любитель русской бани, осталась с Вудей и Вистой на хозяйстве. Пока наши гости грелись в парилке, я вынес на площадку при беседке мангал, разжёл там бумагу и мелкие щепочки, после того, как огонь разошёлся во всю, вывалил в мангал слой древесного угля, попросил Аллу проследить за огнём и вернулся в баню. Я в специальной бадейке развёл новую смесь для парилки, эвкалипт, бергамот, немно-

го нашего Жигулёвского пива (рекомендую именно эту марку для сауны) и зашёл с ней в парилку. Вера с Леной уже хорошо прогрелись, это было видно по выступившему у них на лице и предплечьях капельках пота. «Клиенты готовы?» — весело спросил я. «Готовы, готовы!» — за двоих ответила Вера, после чего я предложил им немного отдохнуть, пока я готовлю парилку и веники.

Когда Вера с Леной ушли в комнату отдыха, я принялся готовить парилку к парению с применением берёзовых веников, которые уже хорошо распарились и «были готовы к употреблению». Я с молодых ногтей любил париться в русской бане с вениками, чаще всего берёзовыми, всегда внимательно наблюдал, как работают в парилке опытные банщики, много читал об этом процессе и, естественно, к своим зрелым годам кое-чему научился и, судя по отзывам тех, кто на себе ощутил моё мастерство в парении, научился хорошо. Пока Вера с Леной в комнате отдыха пили чай (рекомендую в таких случаях пить зелёный чай с жасмином), я открыл дверь из парилки в помывочную, занёс в парилку бадью с вениками и упомянутую выше бадёйку со специальным раствором и стал приводить в норму температуру и влажность в парной. Мне предстояло сбить температуру до 80—90 градусов и поднять влажность до 25—35 процентов, что соответствует классической русской сауне горячей или влажной сауне. И я уверен, что для нашего климата и русской души это самые подходящие показатели, которые достались нам в наследство от наших предков. Чтобы достичь искомым показателей, я вооружился двумя запаренными вениками и стал увлажнять стены парной, при этом между процедурами увлажнения я понемногу поливал камни приготовленным раствором. Вскоре парилка и помывочная наполнились приятным ароматом, в котором опытный банщик смог бы узнать и эвкалипт, и хвою, и бергамот, и запах жареного хлеба (это от присутствия пива). Пользуясь случаем, рекомендую разводить пиво в пропорции один к десяти, чтобы запах был приятным, «родом из детства», а не как от корочки сильно подгоревшего хлеба. Я повторил эти процедуры несколько раз, постоянно поглядывая на станцию, пока показатели температуры и влажности не при-

шли в заданные пределы, ближе к верхним значениям, как я сам люблю, закрыл парилку и пригласил в парную Веру и Лену.

Пока подруги грелись на верхней полке, я плеснул на камни ещё немного раствора и стал готовить веники для соответствующей процедуры. Второй раз уже «по накатанной дорожке» пот на их предплечьях появился почти сразу, и я предложил приступить к делу. Первой пожелала лечь под веники Лена, Вера же спустилась на нижнюю из четырёх полку, чтобы ещё немного погреться. Лена глубоко на брови надвинула свою шапочку, улеглась на живот наверху и стала ждать экзекуции, я слегка смочил в бадье два веника, смахнул лишние капельки на камни и, как безжалостный палач, навис над телом Лены. Сначала лёгкими движениями, слегка касаясь тела «клиента», я прошёлся от пяток до головы, чтобы подготовить сердце «клиента» к высоким нагрузкам, я попросил Лену согнуть ноги, после чего хорошенько пропарил ей пятки. Потом я прошёлся по её ногам, поочерёдно нанося уарами двумя вениками, а это очень важно, что именно два веника в Ваших руках, это позволяет нагнетать температуру и влажность вокруг тела «клиента». Потом основательно пропарил её ягодицы, поясницу, спину и руки. Если у Вас веники хорошего качества, а это, прежде всего, широкое опахало, напоминающее 12-литровое ведро (вид с боку), длинная и крепкая рукоятка, прутья веника хорошо подобраны и сложены так, чтобы не было сломанных веток или веток без листьев, то жалеть «клиента» не нужно. Веники в Ваших руках должны порхать, как две курицы, которых поймали и держат за лапы, они, то взлетают высоко к потолку, то обрушиваются по очереди со всей силой на тело. Естественно, необходимо следить за тем, чтобы температура и влажность были в заданных пределах, это контролировала Вера, постоянно брызгая раствором на камни, сам я следил, чтобы веники были в меру влажными, и чтобы «клиент» выжил до конца процедуры. Возможен и вариант, когда парильщик работает один, без помощника, давая «клиенту» небольшие передышки для смены положения, а сам в это время брызгает на камни, поддавая пару-жару.

Поле того, как Лену я «отделал как Бог черепаху», она медленно, но верно, стала садиться на полку, непрерывно побрях-

тывая при этом, опёрлась на мою руку и тихо сползла вниз, осыпая меня благодарностями за проделанную работу и восхищаясь моим мастерством парильщика. Признаюсь, слушать подобное всегда приятно. У неё был затуманенный взгляд не то от нагрузки, не то от резко участвовавшего сердцебиения, не то от пьянящих запахов, не то от всего вышеперечисленного. Я проводил её до душа, она взялась двумя руками за дверцу кабины и сказала мне, не поворачивая голову в мою сторону: «Иди, я немного постою, отдышусь». В этот момент меня посетила мысль, что хорошая русская баня по своему воздействию на женщину похожа на хороший секс или, как у нас принято говорить, на любовь. Тоже состояние изменённого сознания! Когда я вернулся в парилку, Вера уже лежала на верхней полке. Она повернулась ко мне и попросила, чтобы я попарил её совсем немножко, мол, она сегодня себя неважно чувствует. «Пожалуйста! — бодро пошутил я, — Как прикажете, сударыня!» После чего побрызгал раствором на камни, взял из бадьи веники и осторожно, можно сказать, даже нежно попарил Вере поясницу и спину. С верхней полки она спустилась самостоятельно и пошла в помывочную, принимать душ, а я пока прибрался в парилке: подмёл облетевшие листья и убрал простыни, на которых лежали «клиенты».

Когда я вышел из парилки, Вера уже ушла в комнату отдыха, я разделся и принял тёплый душ, после чего надел свой банный халат и вышел к подругам. Лена за это время полностью пришла в себя, она по-хозяйски разливала всем чай из Вериного термоса «с разнотравьем». Я подбросил ещё пару полешек в печку, чувствуя, что этого будет достаточно на сегодня. После чего мы сидели на диване в расслабленных позах, пили чай, говорили о прелестях русской бани, о мастерстве парильщика, что мне (опять же!) было приятно слышать, о том, что здесь, как любила повторять Вера, чудненько. Через десять минут я предложил им снова пойти в парилку, Лена согласилась, а Вера сказала, что посидит здесь ещё немного. Пока я приводил температуру и влажность в парилке в норму, Лена сидела наверху и грелась, когда я ей сказал, что всё готово, Лена приняла горизонтальное положение. В этот раз, поскольку и её кожа, и весь её

организм уже были, так сказать, разогреты, температура была несколько выше прежней, веник был более влажным, а удары веником были чувствительнее. Кроме этого, я размял горячим веником спину, поясницу и ягодичы Лены, поэтому, даже если и предположить, что кое-где у неё и было немного целлюлита, то под воздействием температуры, влажности и массажа он весь растворился и сошел вместе с потом. Недаром после посещения русской бани часто говорят: «Ну, как заново родился!» И действительно русская баня возвращает любовь к жизни, когда хочется радоваться самому и радовать других. Это состояние хорошо уловил Сергей Есенин, когда написал: «И хоть снова записки пиши!», правда, несколько по другому поводу.

После второго захода в парилку я немного отдохнул с подругами в комнате отдыха. Вскоре Лена вызвалась сама меня попарить, но я отказался, объяснив, в парилке нагрузка на парильщика много больше, чем на «клиента»: во-первых, парильщик нависает над ним, а значит, туловище и особенно голова парильщика находятся много выше тела «клиента», в зоне более высокой температуры, и, во-вторых, парильщик работает в этой зоне и телом, и руками, отягощёнными вениками, и, естественно, душой. Впрочем, если Вы не верите мне, можете сами попробовать и убедиться в моей правоте. Мне поверили. Довольный я пошёл в душ мыться мочалкой «шахтёрская», которая, прямо скажем, способствует заметному обновлению кожи, причем Лена, очевидно, в знак благодарности мне за парение, с хорошим нажимом потёрла мне спину. После этого я снова одел халат и вышел посушиться в комнату отдыха, где, чтобы восстановить пошатнувшийся водный баланс в организме, я позволил себе выпить кружку пива марки «Крюгер бархатное», кстати, рекомендую эту марку пива для таких случаев. Вера с Леной тоже выпили по бокальчику пива пошли ещё немного погреться, а потом и помыться. Мне же нужно было заниматься мангалом, поэтому, высохнув, я переоделся и довольный собой вышел из бани и направился к беседке, благо всё было «под рукой».

Было видно, что древесный уголь уже прогрелся, огонь равномерным слоем заполнил мангал на две трети. Алла подала мне готовую решётку-гриль, «заряженную» куриным филе со

специями в фольге, чтобы курица готовилась в собственном соку, я положил решётку на мангал и стал следить за огнём и за решёткой, время от времени переворачивая её. Было около девяти часов вечера, солнце уже село за дома, которые были по правую руку от меня, начинало темнеть. Света от мангала, который с трудом пробивался к столу в беседке через плотные заросли дикого винограда, уже было явно не достаточно, и я принёс из дома, поставил на стол в беседке и подключил большую настольную лампу. Основание лампы было выполнено из гранита, а сверху возвышался белый плафон в виде цветка, памятный подарок мне от коллектива на один их юбилеев. Признаюсь, я долго не мог эту лампу куда-нибудь пристроить, несколько лет она пылилась дома на лоджии, и вот на даче лампа словно нашлась! Сразу стало светло и уютно, а чтобы нам не докучали комары, мошки и ночные мотыльки, я под крышей беседки подвесил и включил рефлектор, который к тому же добавил и освещения в беседке. Кстати, очень полезная штука, она, как магнит, притягивает к горящим лампам кровососущих и мотыльков, которые, «как бабочки на свет» пролетают сквозь решётку, через которую пропущен электрический ток, после лёгкого щелчка-разряда они погибают и тут же укладываются удивительно ровными штабелями на специальном выдвижном поддоне. Право, удобно! Виста к этому времени уже изрядно устала от навязчивого внимания Вудика, залезла под лавку в беседке, прижалась спиной к побегам винограда и беспрерывно рычала на нашего красавчика, время от времени позволяя себе переходить на лай. Вудя и этому был рад, скакал вокруг скамейки, повизгивал от удовольствия, ведь рядом с ним, какая-никакая, а дама.

Была уже середина августа, быстро стемнело и от реки повеяло прохладой. Я сходил в дом и принёс для всех посетителей бани тёплые куртки, простудиться после бани, как подсказывал мой опыт, очень даже легко. Алла уже была в своей тёплой красной куртке от лыжного костюма, в котором она так ни разу и не встала на лыжи, я надел синюю куртку с надписью «Орландо мейджик» (цвета и название одноимённой команды из национальной баскетбольной лиги). Куртки для Веры и Лены положил на скамейку, на их предполагаемые места, после чего

в очередной раз перевернул на мангале решётки с курицей. Благодаря стараниям моей жены стол к этому времени был уже накрыт: в центре его стояли две литровые бутылки, одна моя — с настойкой на кедровых орешках (моё ноу-хау, поделюсь с Вами, дорогой читатель, при удобном случае), вторая, уже начатая, Верина наливка с «клюковкой», возле лампы стояла бутылка армянского марочного коньяка «Отборный» с десятилетней выдержкой (это из запасов, так сказать, на всякий случай), а на противоположном крае возвышались две двухлитровые пластиковые бутылки с разными сортами пива из кег, всё-таки народ после бани! Из еды: в центре стояли три тарелки, с цельными огурцами и редисом, с оранжевыми, нарезанными крупно, помидорами; с зеленью — петрушка, сельдерей, базилик и перья лука; рядом тарелочки со свежей малиной и смородиной. И всё это с нашего участка, чем мы с Аллой, естественно, очень гордились! Далее на столе стояли тарелки с сыром и мясной подрезкой, какой-то мудрёный Верин салат из баклажанов, стояли, конечно же, рюмки и бокалы, а в центре стола банка из под кофе со столовыми приборами. Если хорошо подумать, то многие из описанных продуктов вполне могут оказаться и несовместимыми, однако не стоит об этом думать, во-первых, отравиться то всё равно этим трудно, а, во-вторых, если учесть, что всё съеденное будет запито изрядной дозой спиртного, то и вовсе невозможно.

Вскоре из бани довольные и слегка расслабленные процедурами вышли Вера и Лена, Виста выскочила встретить Веру и после того как подружки подсели к нам за стол снова забилась под лавку. Я выгрузил в небольшой тазик в центре стола первую порцию куриного филе в собственном соку со специями. Алла тут же «зарядила» вторую порцию, которую я поставил на мангал, после чего занял своё законное место за столом, стал разливать в бокалы пиво, а в рюмки наливку, настойку или коньяк, «по просьбам трудящихся». К этому времени ароматный запах готовой курицы из тазика заполнил всю беседку, и мы все, как по команде, сглотнули слюну. Я чувствую, что у Вас, дорогой читатель, тоже стала выделяться слюна от описания нашего стола, тогда Вы легко поймёте наше состояние, хотелось как можно

скорее выпить и закусить! И я двинул тост: «За нашу долгожданную встречу!» Несмотря на тривиальный тост, все поддерживали меня с нескрываемой радостью. И действительно, с одной стороны, я давно приглашал Веру и Лену посетить нашу дачу с «официальным дружеским визитом», а с другой стороны трудно ведь скрыть желание закусить! Выпив, мы стали закусывать. Думаю, нужно сказать, что после хорошей баньки, вечером да на свежем воздухе так хорошо пьётся и закусывается, что мысль о возможных, пусть даже и самых незначительных ограничениях в чревоугодничестве отлетает очень далеко, а возвращается лишь под утро, когда дают о себе знать боли в голове и тяжесть в желудке. С другой стороны, зачем ограничивать себя в еде и напитках, когда удовольствий в жизни так мало, а с каждым годом становится всё меньше?! А согласитесь, хорошая выпивка под хорошую закуску, да после баньки, да на свежем воздухе, да в кругу друзей — это нечто?! То-то! Короче, не отказывайте себе в такой малости!

Вудя, почувствовав запах курицы, перестал помогать до своей новой подруги, подсел ко мне, положил лапу на моё колено, давая понять, что я немного позабыл о своём любимчике. Я стал переправлять вниз Вуде мелкие косточки и остатки крылышек, что, судя по быстрому их поглощению, очередному появлению и вилянию хвостом, было встречено моим пёсиком с пониманием. Виста, как более воспитанное создание, на косточки не велась, она даже ничего не просила со стола, тем не менее Вера, очевидно для поддержки духа сопротивления нашему мальчику, время от времени подавала ей сыр или колбаску. Виста осторожно, можно даже сказать интеллигентно, брала эти кусочки и надолго исчезала под свою лавку, думаю, что она тщательно пережёвывала пищу... Хрустели на зубах огурцы, редиска и зелень, с лёгким писком исчезали во рту кусочки помидоров, мне показалось, что мы все даже немного чавкаем, когда куски курицы оказывались у нас во рту, хотя допускаю, что это Вудя чавкает под столом, ведь на Висту невозможно такое подумать! Вера и Лена не забывали при этом хвалить баню, банщика, дачу, хозяйку, нашу дружбу, которая продолжалась уже более десяти лет, естественно, за всё сказанное нужно

было выпивать, причём отдельно за каждую высказанную мысль. Я между очередными наливами пару раз перевернул на мангале решётку-гриль, и вскоре вторая порция «горячего» была подана на стол, то есть выгружена в тазик. Вскоре закончились «наши» огурцы и помидоры, и Лена сходила в дом и принесла «свои», которые они привезли с собой и застолье продолжилось. Кстати, многие, и мы в том числе, утром, когда смотрим на пустые столы с трудом верим, что вчера мы смогли столько съесть и, особенно, столько выпить! Однако пустые тарелки и тазики, пустые бутылки, пустая тара из под пива — это убойный аргумент, против которого, как говорится, не попрёшь! О съеденной еде говорят много реже, понятно, если здоровье есть, то хорошо входит, хорошо и выходит, ведь не каждый же день мы себе подобное позволяем! С алкоголем картина другая: здесь, чем больше выпили вчера, тем лучше посидели! Даже у русских гордость за количество выпитого какая-то особенная, мол, вот сколько мы пьём, а вы попробуйте столько?! Откуда это пошло? Не знаю, однако довольно-таки крепко укоренилось в нашем народе эта черта. Иногда бывает и жаль, что так...

К полуночи, когда вокруг беседки было темно, как говорят, хоть глаз выколи, мы наконец-то насытились, но ещё продолжали наслаждаться атмосферой праздника, медленно потягивая напитки из рюмок и бокалов. Вудя и Виста, тоже видимо насытившись, мерно похрапывали по столу. В это время слева от меня сидела Лена, напротив Алла и Вера. Я почему-то посчитал, что настал мой час, и можно прочесть гостям мою новую, оригинальную и достаточно весёлую, как мне самому кажется, поэму о восхождении Геракла на Олимп, для чего я достал паку с поэмой и полез за очками, возраст есть возраст. Очевидно волнуясь, что с авторами часто бывает на премьерах, я обронил футляр из под очков под стол, наклонился в сторону Лены и полез за ним. Зоркая Лена усмотрела у меня на макушке небольшую лысину, после чего громко и с нескрываемой радостью объявила присутствующим о старении художника. Почему-то присутствующие обрадовались этому и позволили себе немного посмеялись надо мной, мол, незачем молодиться тебе! Я погладил свою макушку и смущённо пробормотал, что конечно, волос

уже не тот, что в семнадцать лет, но вроде бы пока нет особых признаков облысения. Лена на это бодрым голосом, уверенно и, как мне показалось, с нотками радости возразила, что лысина есть и это ей хорошо видно. Была в её поведении затаённая радость, как у кондуктора общественного транспорта, который одними рублями сдал вам сдачу со ста рублей. Всё-таки не только мужчины-друзья, но и подруги-женщины могут быть неблагодарными, подумал я, надел очки, вздохнул и приготовился читать поэму о Геракле. Однако, чтобы вернуться снова в прежнее, приподнятое состояние духа, я предложил немного выпить, меня поддержали, мы выпили, и я стал читать.

Поэму я разбил на три равные части, чтобы не сильно утомлять уже достаточно утомившихся слушателей. После прочтения первой части я стал освежать рюмки и бокалы присутствующим, на столе кроме алкоголя уже ничего не было, опустевшие тарелки и тазик Алла к тому времени уже унесла в дом, однако возле Лены стояла глубокая тарелка, которая мне явно мешала наливать пиво. «Что там у тебя в тарелке-то?» — спросил Лену я с нотками раздражения в голосе. «Да ничего, вода чистая стоит!» — бодро ответила мне она. «Зачем она здесь стоит? Ведь мешает!» - снова возмутился я. «Надо!» — коротко, и, как ей казалось, ясно ответила мне Лена. Вот такой случился между нами короткий и малопонятный для меня диалог. Меж тем, когда я освежил женщинам пиво в бокалах и стал ставить ёмкость с пивом на место возле этой злосчастной тарелки, нечаянно задел её и пролил часть содержащейся в ней воды на стол. Я, естественно, выругался, а Лена в это время отвернулась от меня, типа, ей неприятно подобное слышать. Тогда я резко схватил эту тарелку и вылил воду на розы, которые росли между беседкой и баней, Лена на это ойкнула, но ничего не сказала. Я с чувством выполненного долга, всё-таки устранил со стола раздражитель, продолжил читать поэму и вдруг заметил, что Лена, всегда внимательная к моим произведениям, совсем не слушает меня, а, наклонив свою белокурую головку вниз, печально смотрит в сторону роз. По окончании чтения, Вера сказала, что ей поэма в целом понравилась, Лена же продолжала молчать. Мы все обеспокоились, мол, что с тобой? Как ты себя

чувствуешь? Последовали её многочисленные вздохи, разбавленные её же долгими паузами, она дала нам понять, что ответа на поставленные вопросы мы сегодня не дождёмся.

На этой грустной ноте мы решили прекратить посиделки, и стали уносить посуду со стола в дом, нужно было на кухне, где у нас есть горячая вода, помыть её. Лена продолжала сидеть за столом беседки с видом человека, которому необходимо именно сегодня переосмыслить прожитую жизнь и наметить новые цели на будущее. Минут через пятнадцать Лена вошла в дом и, не поднимая глаз, сразу прошла в спальню для гостей. Алла мыла посуду, я, чем мог, помогал ей. Вера ушла за Леной в спальню, но минут через десять встревоженная вернулась к нам. Лена призналась ей, что в тарелке с водой, которую я выплеснул на розы, был её зубной протез. Известно, что обладатели таких протезов обыкновенно снимают их на ночь и держат в воде. Господи, вот почему она так опечалилась! Обеспокоенные этой вестью мы втроём бросились искать её зубной протез в кромешной темноте, я захватил из дома фонарик и долго светил им, но всё тщетно, протез словно сквозь землю провалился! Мы грустные пошли в дом, решили, что искать его будем завтра утром. Перед сном выпили втроём по рюмке, очевидно, алкоголь уже всюю воздействовал на мой мозг, и я неудачно пошутил, мол, Бог — не фраер, он отомстил ей за мою несуществующую лысину. Но Алле и особенно Вере было явно не до шуток, они стали активно стыдить меня, что нельзя не только так говорить, но и так думать! Бедный Вудя в этот момент даже отстал на минутку от Висты и подскочил ко мне, мол, не нуждаюсь ли я в его защите. Но я успокоил его поглаживанием по голове, и он, махнув хвостом, снова устремился к подружке. Вера с угрюмым видом сообщила нам, что Лена сейчас обдумывает своё существование без зубного протеза (мы с Аллой согласились, что это весьма неудобно) и как скоро ей изготовят новый протез.

После чего решили спать, мол, утро вечера мудренее, мы с Аллой легли на диван в зале, а Вера с Вистой ушли к Лене и в спальню комнату. Вудя попытался было пристроиться к Висте, но был удалён из спальни строгой Верой. Наш красавчик потыкался немного носом в дверь спальни, но, очевидно,

понял тщетность своих попыток, пришёл и с глубоким вздохом лёг в зале возле нашего дивана. Я наклонился к Вуде и погладил его, он повернулся на спину, подставив мне своё пузико, любит, когда ему чешут. Разве мог я ему отказать в такой малости?! После этого мой красавчик ещё раз театрально вздохнул, мол, ну хоть так, повернулся на бок и вскоре захрапел... Как же хорошо спиться на природе! Сон настолько глубокий, что и организм отдыхает на все сто процентов, и голова не болит с утра, даже в таком случае, как наш. Около семи утра меня лапой разбудил Вудя, мол, пора ему гулять, и мы с ним пошли на берег реки. Когда вернулись, Алла уже встала, я предложил ей пойти и поискать этот злосчастный зубной протез. Мы с ней минут пятнадцать безуспешно пытались найти эту пропажу, прилично искололи о розы руки, после чего огорчённые вернулись в дом. В это время Вера с Леной уже встали и умылись, я доложил гостям о результате наших поисков, на что повеселевшая Лена сказала, что они с Верой всю ночь не спали, встали в шесть утра и нашли её протез, и продемонстрировала свою улыбку, действительно, зубы были на месте. «Вот и здорово!» — сказала добродушная Алла и предложила нам позавтракать. Чай и кофе были уже готовы, мы радостные подсели к столу, Алла с Леной пили кофе, мы с Верой лечились чаем с остатками коньяка, Лена-то была за рулём, а нашим гостям предстояло возвращаться в город. Радостные, немного перебивая друг друга, мы вернулись к вчерашним событиям, вспомнили и баню, и банщика, и наше доброе застолье, оценили качество напитков, и, конечно же, утерянный протез Лены. Слава Богу, никаких обид ни у кого не было, да и на кого обижаться-то?!

Вера с Леной стали собираться в дорогу, и тут выяснилось, что они вчера с собой привезли замаринованный шашлык, до которого очередь так и не дошла. Поскольку Лена собиралась вечером этого же дня ехать к родителям на дачу, я предложил ей взять шашлык с собой и порадовать стариков. В этом вопросе меня поддержали Вера и Алла. Поломавшись немного для виду, мол, неудобно, Лена немного погодя согласилась с нами и загрузила шашлык в свою машину. Мы с Аллой помогли Вере с Леной загрузить их вещи и стали прощаться. Как только Вера

открыла заднюю дверцу, Виста мгновенно заняла своё «законное» место на заднем сидении, Вудя, забыв в этот момент о своей любви и преданности ко мне, пытался было последовать за ней, но Вера и Виста не поддержали его искреннего порыва. Он сел рядом со мной, вздохнул, перемялся с лапы на лапу и грустно посмотрел мне в глаза, мол, его не поняли, на что я строгим взглядом ответил ему, мол, привыкай, брат, с женщины не так просто, как хотелось бы нам! Да и нашу с ним любовь и дружбу нужно ценить, а не забывать о ней при виде первой встречной дамы, пусть даже и весьма симпатичной. Мне показалось, что он понял меня, хотя Вудя снова глубоко вздохнул. Проводив гостей, мы вернулись в дом, стали убирать посуду. После некоторой паузы Алла, вспоминая время, проведённое с гостями, сказала по поводу зубного протеза: «Надо же, какой странный случай!» «Да уж, бывает! — ответил я, — Хорошо, что так всё закончилось, можно сказать, лёгким испугом отделались!» На том и сошлись. Переодевшись, мы пошли на участок, Алле предстояло заниматься цветами, а нам с Вудей газоном...

Недели через три мы с Аллой снова встретились с Верой и Леной на концерте молодых исполнителей эстрадной песни, где, в том числе, исполнялись и песни на мои стихи. Понятно, что своих подруг на это мероприятие пригласил я, концерт нам всем очень понравился, среди исполнителей действительно есть ребята талантливые. Мне, как автору, там вручили какой-то диплом и симпатичную статуэтку, а такое всегда полагается обмыть, для чего после концерта мы пригласили Веру с Леной зайти ненадолго к нам домой. Подумав немного, они согласились, собственно, почему нет?! У нас дома мы обмыли, так сказать, призы, после чего Лена попросила меня прочитать ещё раз поэму про Геракла. В этом деле меня уговаривать не надо! Я быстро достал нужную папочку с поэмой и на одном дыхании прочитал её гостям. Подумав немного, Лена сказала, что ей поэма очень понравилась, что материал познавательный и подан оригинально. Приятно подобное слушать! Мы, естественно, обмыли и поэму. А к тому случаю на даче мы больше не возвращались. Зачем? Тема ведь закрыта!

Сашка (рассказ)

С чего же зашёл разговор на эту тему? Ах, да, вспомнил! Сидели мы тёплой дружеской компанией в сауне, в комнате отдыха за столом, расслаблялись и общались между заходами в парилку. Я с удовольствием потягивал пиво, закусывая разными сортами рыбки, а Лена и Вера пили красное вино и вкушали фрукты. Говорили, естественно, о странностях любви. Знаю, многие иностранцы и наши российские поборники здорового образа жизни убеждены, что сауна не то место, где полезно попить, пусть даже и в меру, пиво, вино и другие алкогольные напитки, часто смешивая их в хаотичном порядке и в свободных пропорциях, и при этом, обильно закусывая эти напитки тем, что подвернётся под руку. Наши противники рассуждают примерно так: нагрузка на сердце в сауне и так серьёзная, а с алко-голем и обильной закуской она, как минимум, удваивается; а если допустить, что ко всему прочему в сауне бывает и секс, а я от друзей слышал, что подобное в сауне иногда тоже случается, то нагрузка на сердце просто запредельная, а всё это в совокупности нередко приводит к несчастным случаям в основном мужчин со слабой сердечно-сосудистой системой. Выводы — самые естественные, такие сауны скорее вредны, чем полезны, берегите здоровье мужчин, а будут здоровы они, будут здоровы и женщины! Вроде бы всё логично?!

Я не берусь быть верховным судьёй в этом актуальном споре, однако высказать своё скромное суждение на сей счёт себе позволю. Так называемые «русские бани» подарены нам не для очередной помывки или принятия других банных процедур, а в первую очередь для дружеского общения, которого с каждым прожитым годом нам так не хватает, что впору открывать настежь окно и от одиночества издавать душераздирающие крики в пространство или выть ночами на луну. Второе не советую Вам делать, могут принять за волка или за сумасшедшего, что в равной степени неприятно и даже опасно в первую очередь для Вас самих. Ну а где, скажите, излить душу другу, «поплакаться в жилетку», рассказать своему ближнему о наболевшем,

самом сокровенном, интимном, о чём, допускаю, и рассказывать-то никому нельзя? Дома на кухне не всегда удобно, вторая половина курсирует рядом, а при ней какие могут быть откровения?! А сауна — это совсем другое! Только здесь, немного «приняв на грудь», естественно для храбрости, вы можете позволить себе расслабиться в кругу друзей, побыть самим собой, не боясь непонимания и тем более осуждения. Вот почему нередко бывает, что посетители сауны так ни разу и в парилку не зайдут, о существовании бассейна позабудут, не говоря уже о том, чтобы принять душ. Они общаются! А общение с друзьями для них на порядок важнее всего остального!

Так вот вчера моя давняя подруга Лена... Кстати, это имя весьма распространено в наших краях среди наших сверстниц, и, по-моему, имя очень красивое, сразу возникает ассоциация с Еленой Прекрасной. Признаюсь, я не раз, грешен, в прошлом был влюблён, как мне тогда казалось, в обладательниц этого имени, посвящал им пылкие стихи о любви. Бывало, что некоторые из них отвечали мне взаимностью. Об ином промолчу, мы с Вами, дорогой читатель, чай, не в бане! И вот вчера Лена с лёгким налётом усталости и грусти в глазах рассказала нам с Верой, а это ещё одна моя давняя подруга (правда, с этим именем мне в жизни почему-то везло много меньше), что в прошедшее воскресенье она с Сашкой (да, именно так Лена его называла) ездили за город на дачу Лены, где закрывали, как принято говорить, дачный сезон. «Короче, — сказала Лена, помогая себе жестами правой руки, — мы на даче сделали всё, что положено, а потом я предложила Сашке спуститься к реке, это вниз метров двести будет. Представляете, — далее она говорила с лёгким придыханием и восхищением, — снега по колено, — при этом Лена с лёгкой гримасой боли погладила своё больное колено, — а идти надо! А как там красиво! Всё вокруг белым-бело, снег чистый, пушистый! Тишина абсолютная! Ни птички, ни зверюшки рядом. А как дышится! Бредём мы с Сашкой по снегу, я прихрамываю, (куда попёрлась с больной ногой!), он меня за руку поддерживает, приятно. Приближаемся к реке, но её ещё не видно из-за сугробов. И вдруг нас останавливает какой-то странный шум, не то посвистывание, не то шелест какой-

то. Мы понять ничего не можем! — она показала, как они недоумённо с Сашкой переглядывались. — Идём дальше к реке, этот шум нарастает! — разводит руками, — Не понятно! Подходим к реке, оказывается, это река на поворотах так играет с наледью на берегах! Чистые хрустальные звуки причудливо сливаются и плывут вдоль берега! Это была прощальная песня реки любимому бережку перед тем, как лёд до весны накроет её. Мы с Сашкой встали, смотрим друг на друга, сказать ничего не можем, кажется, что дыхание перехватило от восторга! А внутри нас эта музыка любви звучит — она подняла вверх указательный палец правой руки, — Природа!»

Лена, довольная тем впечатлением, которое начало её рассказа произвело на нас с Верой, внимательно смотрела в наши глаза, ждала ответной реакции. Способны ли мы оценить её тонкую душу? После небольшой паузы Вера восторженно, почти по слогам, произнесла: «Зимняя сказка! Как я люблю русскую зиму!» Лена с пониманием посмотрела на Веру, вздохнула, очевидно, оттого, что я промолчал, и продолжила свой рассказ: «Когда мы возвращались назад, вдруг потемнело, и повалил крупными хлопьями снег, словно небо соединилось с землёй. Летом — ливень, а зимой — снегопад! Легкий ветерок снежинки кружит, забрасывает хлопья в лицо! Мы остановились посреди белого поля, Сашка обнял меня, я прижалась к его плечу, понимаешь, — это она опять мне, — у меня даже слезы на глаза навернулись, но я незаметно для Сашки смахнула их рукой, потом говорю ему: «Мы с тобой, как две снежинки кружимся в этом пространстве между небом и землёй! Но всё равно земля нам ближе! Тебе хорошо здесь?» Он улыбнулся, надо сказать, что улыбка у него очень светлая и обаятельная, и утвердительно покачал мне в ответ головой. Вот так мы и стояли в этом поле посреди снегопада минут двадцать, словно боялись разрушить эту хрупкую идиллию!» — когда Лена произнесла последнюю фразу, мне показалось, что её глаза немного увлажнились, но, поскольку освещение в саунах оставляет желать лучшего, истинность этого явления подтвердить не берусь. «Да, действительно здорово! — поддержал я оценку Веры и далее с интересом спросил, — Слушай, Лена, а кто это такой, Сашка? Вроде

бы я раньше от тебя о нём не слышал? — Далее я, как мне кажется, тонко пошутил, намекая на себя любимого, — Имя-то, вроде бы, не плохое». По кислой ухмылочке Лены я понял, что моя шутка у неё успеха не имела. Да, с женщинами лучше не шутить на подобные темы, скорее всего не поймут. Многие мои друзья и знакомые считают, что у женщин вовсе нет чувства юмора или что-то есть похожее, но это совсем не то, что у нас, мужиков. Я же в этом вопросе не столь категоричен, так как встречал на своём извилистом жизненном пути женщин, которые могли бы дать девяносто девять очков форы в этом вопросе некоторым моим друзьям и знакомым, правда, признаюсь, что таковых женщин было очень не много, скажу точнее, единицы.

Лена после некоторой паузы, а нужно признать, что посетители сауны паузы умеют держать, как актёры старого МХАТа, потому что здесь любят общаться неспешно, так сказать, «с чувством, с толком, с расстановкой», слегка уколола меня: «Да что имя? Имя, как имя! — она даже позволила себе небрежно махнуть рукой в мою сторону, после чего произнесла с нескрываемой гордостью, наверное, в первую очередь, за себя, — А вот человек он очень даже достойный!» Тут они с Верой многозначительно переглянулись, и стали удовлетворённо кивать друг другу головами, повторяя: «Конечно! Конечно!» Меня же интересовала история их знакомства с Сашкой, поэтому, стремясь прервать их лошадиное покачивание головами, я настойчиво попросил Лену: «Расскажи мне, пожалуйста, как вы познакомились?» «Да мы же давно с Веркой с ним знакомы, — вздохнув отчего-то, сказала Лена, а Вера при этом утвердительно кивнула ей головой, — вместе учились в институте, на одном потоке. Он ничем особенным тогда не выделялся, обычный парень! Меня тогда привлекали мужчины повзрослее, уже состоявшиеся в жизни. Тогда и я, наверное, была совсем другой, да и время было совсем другое. Но во время учёбы на Сашку Антонова ни я, ни Верка — здесь она повернулась за поддержкой к Вере и получила эту поддержку от подруги в виде нескольких утвердительных кивков головой — тогда никакого внимания, как на потенциального ухажёра, не обратили.» Вера здесь, очевидно подыгрывая подруге, уверенно вставила: «А на что там обра-

щать-то было?!» Лена мягко с ней не согласилась: «Ну так, Вера, нельзя говорить! Внешне парень-то он был вполне нормальный. Так ведь? — Вера неуверенно повела плечами, — Но вот в чём соглашусь с тобой, не было в нём какой-то изюминки. Обычный парень, как все. Представляешь, — это она уже обратилась ко мне, — я с ним во время учёбы ни разу даже о чём-то существенном не поговорила?! Понятно, что сессии, билеты, экзамены не в счёт! — Тут и я с видом знатока утвердительно кивнул ей головой пару раз. — И вот несколько лет назад на встрече выпускников, через двадцать пять лет (!), — это она опять ко мне, — когда мы уже с Веркой тётками стали, так сказать, Сашка предстал пред нами совсем в ином свете!

Да, кстати, — Лена налила нам с Верой в рюмки наливочки, которую принесла Вера, подняла свою рюмку и «двинула» тост, — Давайте выпьем за тёплые встречи, которые нам дарит судьба!» Мы с Верой со словами «Давайте!» и «Поддерживаем», естественно, выпили вместе с Леной. Я, правда, успел подумать, что наши встречи в сауне при этом являются вдвойне тёплыми: и душевными, и тёплыми в смысле температуры в сауне. Закусили домашним салатиком, который приготовила для нас Лена, она продолжила рассказывать о Сашке: «Представляешь?! — это она опять обратилась ко мне, — Весёлый! Остроумный! Ироничный! По всему видно, что успешный! А взгляд?! А речь?! Так бы и слушал его, как говорится, «с широко раскрытыми глазами»! — здесь она обратилась за поддержкой к Вере, — Странно, почему все эти качества, или хотя бы половина из них двадцать пять лет назад никак не проявлялись?! — Вера поддержала Лену утвердительным кивком головы, я же, в свою очередь, лишь недоумённо пожал плечами, мол, это целое искусство, но на мои телодвижения Лена не обратила никакого внимания, она увлечённо продолжала, — Так вот, на вечере встречи он так смело подходит ко мне и говорит: «Лена, привет! Меня зовут Александром, если помнишь, а ты с тех пор совсем не изменилась, даже похорошела, по-моему!» Врёт, конечно, но согласись, — это снова апелляция ко мне, — приятно! Я ему говорю, что узнала тебя, Саша. Вру, естественно, но таковы правила игры! Не мной же они придуманы! Сказала, что он здорово выгля-

дит. А это действительно так и было, если сравнивать его с другими нашими сокурсниками. Короче, то да сё, слово за слово, потанцевали, посмеялись, сейчас уже и не вспомню над кем и над чем, ночь провели вместе. — заметив мой удивлённый взгляд, — А что?! Я ведь свободная женщина! — здесь она нашла понимание у Веры, но поскольку я продолжал смотреть на неё удивлённо, Лена ответила и на мой немой вопрос, — А он? А это уже его проблемы! Сашка сказал, что давно уже разошёлся со своей первой женой, там дочь осталась, уже взрослая. Живёт с кем-то, — в этом месте Лена безразлично махнула рукой в сторону выхода, — сейчас гражданским браком. Вот пусть и живёт себе!»

После паузы, глубоко вздохнув, Лена продолжила: «Потом, так вышло, мы с ним расстались на три-четыре года, потом снова нашлись, будто бы и не расставались вовсе. Почему расстались? — это Лена среагировала на мой вопросительный взгляд, — Наверное, встречи были слишком чувственными, а этого ведь все боятся, особенно, мужчины! — при этом она внимательно посмотрела на меня, я же пожал плечами, мол, за всех мужчин судить не берусь, а Лена продолжила, — Многие мужчины (это она уже смягчила свою позицию) воспринимают чувственные отношения, как мощную зависимость от женщины, испытывают постоянное душевное напряжение от этого, что является для них дискомфортом. А для деловых и успешных мужчин, а Сашка именно такой, это как хомут на шее, ограничивает не только личную свободу, но и умственные способности. А зачем? В этом я даже где-то понимаю его. Вот... Теперь иногда встречаемся... Нам хорошо, спокойно, с ним интересно поговорить на любые темы. А это, — снова обращается ко мне, — ведь очень важно, понимаешь? — вздохнув, после паузы, — А что-то большее? Совместное проживание? А мне это надо?! — Я в ответ округлил глаза и немного наклонил голову вправо, говоря тем самым «А разве нет?», Лена на это ещё более уверенным тоном продолжала, — А для чего?! Обстирывать его, убирать за ним, кормить его, одевать?! Нет! — Вера дважды энергичным кивком головы поддержала свою подругу. — Меня устраивают наши нынешние отношения, и менять я ничего не собираюсь! —

подумав немного, она спокойным тоном добавила, — Пока». Я, скорее в шутку, спросил: «А типа, любовь как же?» Вера резко повернула на меня голову, посмотрела с недоумением, мол, с любовью не шутят! Лена же решила ответить за себя и «за того парня»: «Любовь?! Ты ведь сам меня в последнее время убедил, что женщина любить не может? Так? — я кивнул, мол, попытки были, — Знаешь, я сначала в штыки приняла твою мысль, но со временем поняла, что-то в ней есть. — Я удовлетворённо кивнул ей пару раз головой, — Да, да, не кивай! Я согласна с тобой, что главное предназначение женщины на земле — материнство! Сейчас для меня в общении с мужчиной большее значение имеют душевный комфорт, внимание, забота».

«А остальное?» — мои глаза задали Лене вопрос. «Остальное, — продолжила она, — конечно, тоже имеет значение! Но не первостепенное. Естественно, я говорю только о тех мужчинах, которых я уже выделила из толпы, которым, как я считаю, повезло оказаться рядом со мной!» На этих словах Лена улыбнулась и по очереди кивнула нам с Верой, мол, и вы цените. Вера спокойно отнеслась к её шутке, а я не выдержал, налил нам всем наливки, встал и торжественно двинул тост: «Прошу выпить за душевный комфорт!» Мои подруги с удовольствием поддержали моё предложение. Не знаю, как другие, а я не могу выпивать без тоста, получается банальная пьянка, а зачем нам она?! Грешен, своих подруг я со временем тоже приучил к тостам, надо признать, что некоторым это далось без видимых усилий. Закусив немного и отдышавшись, как после бега, Лена вернулась к своему рассказу: «Так вот, с Сашкой мне, действительно, комфортно, нет никаких напрягов. Провели время вместе, разъехались! Я потом с теплом вспоминаю наши встречи. — Далее Лена обратилась ко мне за поддержкой, — Согласись, ведь всё испортить можно одним махом?! — Я утвердительно кивнул ей, она с ещё большей уверенностью продолжила, — Ну, вот! А потерять его я не хочу. Понимаешь меня?» — это она опять ко мне. Я неуверенно кивнул Лене головой, по тому, как она сказала это: «Понимаешь меня?» я понял, что в моём-то понимании её романа она уж точно не нуждается, а Вера, судя по поведению последней, её хорошо понимала.

Известно, что у многих женщин в зрелом возрасте, а обоим моим подругам было за пятьдесят с небольшим хвостиком, складываются устойчивые представления о жизни, основанные, в основном, на своём негативном опыте а также на подобном опыте своих подруг, поэтому спорить с ними Вам, дорогой читатель, я не советую. Вы, что совершенно точно, только потеряете время, и, что вполне возможно, и подруг. Поэтому я невинно спросил Лену: «А что же он? — видя удивление в её глазах, я попытался уточнить свой вопрос, добавив характерный жест рукой, — А как он смотрит на всё это?» Уверенная в своих чарах, Лена моментально и с нескрываемой гордостью ответила: «Он-то, конечно, «за»! Хочет, чтобы мы жили вместе. Но как бы не слишком настаивает на этом. Наверное, хочет, чтобы я сама пришла к такому решению. — Она глубоко вздохнула, давая понять, что вот такие мужики сволочи, самостоятельно не могут решить простенькую на первый взгляд проблему. После паузы продолжила с некоторой грустинкой. — Хотя с другой стороны если посмотреть, вроде бы, и не плохо! Есть кому поддержать тебя в трудную минуту, помочь тебе, плечо своё подставить, обогреть вниманием и заботой! Кроме того, согласись, — это она опять ко мне, — с кем-то ведь нужно ходить и в театр, и в кино! Одной как-то дискомфортно! — Я согласился. — Вот! Кроме того статус замужней женщины освобождает тебя от глупых женских вопросов, типа: «Ты одна? Почему? Ну у тебя хотя бы кто-нибудь есть? Часто встречается? И как?» Ты бы видел, с какой радостью они задают эти вопросы! А зачем мне их радовать?! Не хочу! Да и надоело мне уже всё это. Неужели я не достойна спокойной жизни? Старость-то уже не за горами! »

Вера с пониманием ей кивала головой, было видно, что эти темы они вместе уже сто раз уже обмусолили. Я тоже молча покивал ей головой, давая понять, что она, конечно же, достойна спокойной жизни, и что старость, действительно, увы, не за горами. Нужна ли была Лене моя поддержка? Наверное... Может, она хотела выговориться, вот я под руку и подвернулся. Кстати, я заметил, что располагаю к откровению и женщин, и мужчин. Думаю, это потому, что умею их внимательно слушать, не перебиваю, не докучаю глупыми расспросами, стараюсь, как гово-

рится, войти в их положение. Однако, Вам, дорогой читатель, я осмелюсь дать некоторые советы на такой случай! Не торопитесь давать совет, как поступить рассказчику в той ситуации, в которой он оказался. Дело в том, что рассказчик уже давно всё для себя решил, и Ваш запоздалый совет ему как собаке пятая нога. Кроме того Вы не знаете всех нюансов их отношений, о них вам никто и никогда не расскажет, поэтому лежащие на поверхности советы тоже не стоит давать. Возможно также, что решение, о котором он советуется с Вами, рассказчиком уже давно принято, и он желает получить от вас моральную поддержку. Поддержите его! По своему опыту не советую Вам говорить собеседнику фразы, типа: «Да, да, так бывает!» или «Вот, вот! И у Наташи (например) такое же было, та она поступила так-то...» Дело в том, что человек так устроен, что считает происходящее с ним уникальным и неповторимым! Отчасти это так и есть! Зачем же рассказчика обижать неосторожными сравнениями? Не делайте этого, так как понимания у обратной стороны Вы никогда не найдёте. И, конечно же, упаси Вас Боже шутить, и особенно пошло, на такую тонкую тему! Вас точно не поймут, когда всё так серьёзно! А Ваша дружба от подобных шуточек может потерять много, если не расстроиться вовсе.

И так плавно лавируя между словами «Да, конечно!» и утвердительным киванием головой, которое в данном случае означало «Понимаю тебя!» и «В этом ты безусловно права!» мы подошли к концу рассказа Лены о Сашке. Она внимательно посмотрела на меня, пытаюсь понять, не ёрничаю ли я по этому поводу, а, признаюсь, я иногда себе, под хорошее настроение, подобное себе позволяю, убедилась, что всё в норме, после чего строго спросила меня: «Ну и что ты на всё это скажешь?» Я почувствовал некоторую неловкость момента, наверное, Лена это и добивалась, поэтому мне пришлось взять паузу. Я со знанием дела, типа, обдумываю эту историю, отпил пива из бокала, утвердительно покачал головой, и, как мне показалось, с умным видом по-дружески, глядя ей в глаза, с лёгкой улыбкой, но на полном серьёзе сказал: «Счастливая ты, Ленка! У тебя есть такие светлые, тёплые отношения с ним, о которых другие женщины могут только мечтать! Значит, ты этого действительно

заслуживаешь! — Лена внимательно слушала меня и утвердительно кивала головой, было видно, что мои слова понравились ей, я оптимистично закончил, — Думаю, у вас с ним всё само собой наладится!» Тут она удивлённо на меня посмотрела: «Ты так думаешь?!» Заметив некоторые сомнения в её глазах, я попытался быстро успокоить её: «Да, да, конечно наладится!» Однако по её лицу было видно, что моя попытка вселить в её сердце уверенность в так называемый завтрашний день не увенчалась полной викторией. Видя наше некоторое замешательство, Вера тут же нашлась и предложила выпить «За то, чтобы жизнь налаживалась!», что и было нашей троицей с удовольствием сделано, после чего я предложил подругам пойти в парилку погреться. Это предложение они встретили с радостью, мы дружно направились в парилку, где переключились на погоду, затем на политику, совсем забыв о Сашке.

И в это наше посещение сауны мы больше к Сашке Антонову не возвращались, и это правильно.

На живца (рассказ)

Хочу сразу оговориться, что речь в этом рассказе пойдёт не о рыбалке и не способе рыбной ловли, как Вы могли подумать, прочитав название, а о нашем брате, любителе женщин, который западает на красотку, попадает в непростую, мягко скажу, ситуацию и, главное, как он из неё выходит. Но обо всём по порядку.

Отмечали мы как-то теплой мужской компанией в одном из модных ныне ресторанов Новосибирска день рождения моего давнего приятеля Владимира, как он сам себя позиционирует, или Володи, как я его всегда называл, да и сейчас зову. Когда-то мы даже дружили, в то время нам было чуть за двадцать пять, мы работали в одном институте, правда в разных подразделениях, любили женщин, в основном свободных или чужих. Сейчас, когда уже минуло много лет, я понимаю, что это увлечение, если так можно выразиться, сродни болезни, но тогда такие светлые мысли не посещали мою буйную голову и, кстати, не только мою, нас таких много было. Как говорится, рыбак рыбака видит издалека, поэтому нам с Володей суждено было сойтись на этой общей теме, не раз и не два мы даже проводили, как сейчас говорят, совместные мероприятия с дамами, короче, были достаточно близки. Однако, со временем семейные заботы и работа развели наши пути в пространстве бытия достаточно серьезно, он ушёл в бизнес, а я ушёл на преподавательскую работу. Теперь мы общаемся редко, от случая к случаю, на юбилеях наших общих знакомых или на траурных мероприятиях, провожая общих друзей и товарищей в последний путь.

Как раз такой случай нам и предоставил возможность повидаться. Володе исполнилось пятьдесят, а это первый серьезный юбилей для мужчины, и он отмечал его с разными социальными группами в течение недели. В одну из таких групп, старых друзей-товарищей по работе в институте, был приглашён и я. Почему же не пойти, да вместе не вспомнить годы молодые, забавные приключения, которые судьба постоянно и услужливо нам подбрасывала в то время. Где-то после двух часов застолья, ко-

гда показалось, что все заранее приготовленные тосты с радужными пожеланиями на будущее, были сказаны, все присутствующие за нашим столом уже прилично выпили и обильно закусили, пришло время немного расслабиться, и наши мужчины обратили внимание на танцпол, где пока танцевали одни дамы. Алкоголь действительно смягчает нравы, и забытые были инстинкты нехотя, но верно выползали наружу из панциря солидности, который виден был на многих, почти на всех. Наши с Володей взгляды встретились, мы одновременно посмотрели на симпатичную, скорее даже красивую, блондинку с хорошими формами, которая танцевала с подругами энергичный танец. По восхищённым взглядам подруг было понятно, что они между собой признают эту блондинку своим лидером. Мы со значени-ем, мол, тоже оценили, слегка прищурив глаза, покивали друг другу головами.

Уже через минуту, когда песня и женские танцы под неё ещё продолжались, Володя неожиданно для меня со своей рюмкой пришёл на мой край стола, а сидел я напротив него, и предложил мне налить и выпить за красивых женщин. Почему только за красивых, я не понял, но не счёл возможным противиться желанию юбиляра, мы выпили и немного закусили свежими овощами. Володя повернулся и ещё раз внимательно посмотрел на танцующую красавицу, вспомнив что-то, глубоко вздохнул, после чего повернулся ко мне и сказал: «Кстати, расскажу тебе одну историю, которая случилась со мной лет двадцать назад, — он уважительно потрепал меня по руке и добавил, — никому не рассказывал, но знаю, что ты меня поймёшь». Я молча покивал ему головой, мол, попробую; дело в том, что в его жизни различных приключений было так много, что в памяти своей, очевидно, из-за её незначительного объёма, он хранил только самые яркие, думаю, что-то около десяти процентов случаев. Но прежде чем перейти к его истории, думаю, уместно будет несколько строк посвятить его портрету, или, как говорят друзья-художники, крупными мазками набросать черты внешности и характера этого преуспевающего и незаурядного человека.

В то время, о котором речь пойдёт ниже, Володя был стройным, высоким, симпатичным и молодым. Что значит стройным?

Спортивная фигура, ни одного лишнего килограмма, никаких намёков на наличие животика. Что значит высоким? Рост его был около 185 сантиметров, что по тем временам было немало. Что значит симпатичным? Понимаю, что о мужчине говорить подобное сложно, Ален Делон, конечно же, исключение из правил, поэтому я оставляю право на подобное суждение дамам, а они его таковым считали и не скрывали своего стремления пообщаться с ним, а дальше уж как получится. Молодым? Это мужчина до двадцати восьми лет, тот, кого по старой традиции относят к молодёжи. Естественно, как всякий нормальный мужчина Володя был женат, причём женился он рано, будучи студентом третьего курса, его выбрала и, как тогда говорили, женила на себе хваткая девица из состоятельной еврейской семьи. Володя пошёл под венец с явным ожиданием будущих благ, не задумываясь о чувствах. Согласитесь, все мы хотим жить в достатке, но не всем везёт. Ему в этом повезло. Володя очень понравился своей будущей теще, известному руководителю здравоохранения нашего города, и семья выбрала его в качестве, как сказали бы мои друзья из сельскохозяйственного института, производителя. Дело в том, что евреем считается рождённый от еврейки, отцу то ли не доверяют, мол, не доказано, что это Вы приняли участие в процессе, то ли его роль серьёзно принижается. Почему? Не знаю, но таковы законы государства Израиль, когда кто-то пытается туда эмигрировать, и спорить с этим глупо. Думаю, что таким образом нация поддерживает свой генофонд, постоянно вовлекая в него отборных представителей других народов. Правда, при всём при этом часто на полном серьёзе евреи любят с озабоченным видом говорить о сохранении своей идентичности. Но не будем далеко в сторону уходить от нашей истории, вернёмся к Володе.

Семейная жизнь его, насколько мне известно, как-то сразу не задалась, хотя первый его сын родился уже через полгода после свадьбы. Они с женой жили одновременно и вместе, и порознь. У каждого из супругов были свои взгляды на жизнь, свои интересы, свои привязанности и свои, так называемые, увлечения. Но, согласитесь, глупо судить чужую жизнь, в своей-то не всегда удаётся разобраться. Если говорить коротко, у Володи,

по крайней мере в то время, не было короткого поводка, как любят выражаться любители собак, перенося сленг собачьих клубов на нашу действительность. Он гулял. О таких говорят — этот не пропустят мимо себя ни одной юбки. Конечно же, это не правда! Заступлюсь за Володю, ведь для него всегда было важно, чтобы обладательница этой самой юбки была хоть немного, но симпатичной, цепляла его, готовое к приключениям, сердце, хоть чем-то. Например, в то время он просто млел в присутствии девушек и молодых женщин, которые немного картавили. Допускаю, что это стало следствием его женитьбы на еврейке, но так или иначе наш герой, как бык на красную тряпку, не моргая смотрел на обладательницу картавости, глаза его при этом на самом деле наливались кровью, подтверждая тем самым решительность намерений и, казалось, никакие обстоятельства, в том числе и форс-мажорные, не смогут отвернуть его от выбранной цели... В это время музыканты закончили играть, Володя прервал мои воспоминания, предложив выпить просто так. Я согласился, просто так — а почему бы и нет! Я обратил внимание на обильную седину в его волосах, спросил: «Кажется, ты сильно поседел?» Володя немного смутился, он в последние годы сильно молодился, даже, насколько мне известно, сделал пару несложных косметических операций, машинально пригладил остатки своих былых кудрей, ответил: «Да есть немного». После чего он бросил взгляд в сторону понравившейся нам блондинки, которая с подругами покидала танцпол, ещё раз глубоко вздохнул и стал говорить, глядя почему-то мимо меня.

Было это в конце восьмидесятых годов, по-моему, в (он назвал год) году, когда мы с Андреем, он кивнул в сторону своего бывшего сослуживца, который сидел за нашим столом рядом с Володей, были в конце октября в командировке в Красногорске, это под Москвой, уточнил для меня он. Мы выполняли для завода опытно-конструкторскую разработку двигателя, где я был ответственным исполнителем, приехали сдавать заказчику опытный образец. Сдача прошла более или менее гладко, конечно, были к нам некоторые замечания, которые предстояло устранить до Нового года, но не очень существенные. Короче акт приёмки-сдачи нам подписали, деньги обещали выслать,

было ясно, что договор этот мы закроем успешно. Причём освободились мы раньше запланированного, а билеты-то домой взяли заранее, поэтому нужно было как-то убить время, два дня и одну ночь. Решили с Андреем пойти вечером в ресторан, отметить сдачу важного этапа договора, да и захотелось немного развлечься, сам понимаешь. (Конечно! Я сделал жест руками и бровями, мол, понимаю). Далее, во время его рассказа, я отвечал только мимикой лица, покачиванием головы и немного жестами рук, не проронив при это ни слова. Дело в том, что в зале ресторана было шумно, и он мои ответы всё равно бы не услышал, да и не нуждался он в них. Володя продолжал. Выпили там немного, закусили, я осмотрелся по сторонам и обратил внимание на один столик, за которым сидели три девушки лет двадцати-двадцати пяти и с ними женщина лет сорока, старшая сестра, наверное, подумал я тогда. Среди этих девушек мне очень понравилась одна, высокая, под сто восемьдесят, фигуристая, грудь, на вид, четвертый размер, блондиночка! Вот, он сделал жест в сторону «нашей» блондинки, похожа на эту. И глаза с поволокой! Представляешь? (Я представил, восхищённо потряс головой, округлил глаза, мол, повезло!)

Естественно, я пригласил её потанцевать, мы познакомились, её Наташей звали, наше имя! (Конечно! Я кивнул головой, слегка улыбнулся.) Переговорили о планах на вечер, вернее на ночь (Понятно! Жест правой рукой и губами). Танцуем, а её аж потрясывает от желания, я поцеловал её в щёчку, она вздрогнула и задрожала всем телом! Ну, думаю, влюбилась! (Само собой! И я бы так подумал! Несколько утвердительных кивков головы, брови вверх, глаза округлены.) Чуть не забыл сказать, она ко всему ещё и немного картавила, вот, думаю, удача, так удача! (Да, уж, везануло по-крупному! Утвердительный кивок головы и улыбка поддержки на губах.) Разговариваю с ней и вижу, какая-то заминка, Наташа говорит, что ей нужно с Галей посоветоваться насчёт ночи. Галя, это старшая за их столом, которую я принял за старшую сестру. Что делать? Беру у официанта бутылку шампанского и коробку конфет и присаживаюсь за их стол, на котором салатика да бутылка дешёвого красного вина. Наливаю всем шампанского, открываю конфеты, предлагаю

угощаться. В это время к столику подошёл официант, попросил рассчитаться за шампанское и конфеты, я достал бумажник, а надо сказать, что деньги тогда у меня были, с нами рассчитались за один летний калым (Понятно. Бесстрастный кивок головы). Я люблю зарабатывать деньги, но ещё больше я люблю их тратить, в этом смысл обладания капиталом! (Философ! Кивок головы и улыбка поддержки) Я обратил внимание, что девушек восхитил мой кошелёк, туго набитый купюрами, понял, что им-то живётся не сладко, от случая к случаю (Возможно. С сомнением я почесал голову).

После того, как все выпили и съели по конфете, я обратился к Гале с просьбой отпустить Наташу со мной до утра, Наташа при этом смиренно опустила свои красивые глазки, молчала, мол, как скажешь, Галя. Однако к моему удивлению, Галя, внимательно посмотрев на меня, решительно отказала в просьбе, объяснив свой отказ так: «А если тебя, Наташа, снова муж будет искать?» — Ого, думаю, Наташа замужем! Это здорово, облегчённым будет расставание, меньше обязательств и слёз! (Действительно, здорово! Мои глаза и губы поддержали Володю) После небольшой паузы Галя продолжила: «Он ведь опять придёт ко мне в общежитие, я комендант общежития, — это она мне, — Что я ему скажу?! Где ты?! — ещё одна пауза, более долгая. А есть ли выход, думал в это время я, ведь так не хотелось расставаться с красоткой, когда всё уже было на мази (Ещё бы! Поддержка и головой и губами), — Давайте поступим так, вы будете ночевать у меня в общежитии, комнату я вам найду, — вот, думаю, как здорово всё устроилось (Отлично! Я выдохнул, улыбнулся), на радостях я снова всем налил шампанского и поднёс по очереди каждой коробку с конфетами (Логично! Жест руками), Галя продолжала, — А если твой появится...» «Он же сегодня в ночную смену!» — вдруг перебила её Наташа, нежно посмотрела на меня, мол, очень хочу, чтобы мы не расстались просто так, и снова покорно опустила глаза. «В ночную! — повысила Галя голос, — А придёт ко мне как в прошлый раз, проверить тебя?! Ведь знает, что ты со мной! Что я ему скажу?» Наташа при этом поджала губки, да, мол, может неудобно получиться. Тогда некоторую несамостоятельность

и робость красотки я объяснил её природной застенчивостью с одной стороны, а с другой явным желанием провести ночь со мной (Логично! Девушке ведь тоже повезло! Несколько утвердительных кивков головы).

После того, как были опустошены вторые бокалы с шампанским, Галя решительным голосом заявила: «Ладно, иду вам навстречу, вижу, что понравились вы друг другу, — мы с Наташей одобрительно переглянулись, а Галя продолжала, — Вот, один только вариант и остаётся, едем ко мне, а если муж появится, я успею вас вовремя предупредить!» Заметив, что возможное появление Наташиного мужа меня не очень-то вдохновляет, она попыталась меня успокоить: «Соглашайтесь, всё нормально будет, нам не впервой!» Что делать? Надо, думаю соглашаться, тем более, что не впервой им там оказываться в таких ситуациях (Действительно! А что делать? Наверное, надо. Жесты правой рукой и округлёнными глазами). «А общежитие-то далеко отсюда?» — поинтересовался я. «Да нет, километрах в десяти от города» — бодро ответила мне Галя, стало понятно, что эта дорога для неё, что называется, обкатанная. Я засомневался, и город-то малознакомый, а здесь ещё километров десять за город, опасно, время ведь беспокойное было (Конечно! Одобрительный всплеск рук, кивок головы). Я ещё раз попытался уговорить Галю, чтобы оставила Наташу со мной, но тщетно, Галя заявила, как отрезала: «Я человек ответственный, и отвечаю за тех, кого мне доверяют! Короче, оставить её здесь не могу!» Что делать? (Вот ситуация! Наклон головы, брови вверх). С другой стороны выпускать из рук такую красотку мне явно не хотелось, сам понимаешь (Я понимал. Задал вопрос бровями и глазами, мол, и что же ты решил?) Видя, что я сомневаюсь, Наташа подсела ко мне, взяла нежно за руку, и попросила: «Поедем, всё будет хорошо! Ты не пожалеешь!»

Надо ехать, думаю (Наверное. Жест руками, а что же оставалось?). «Ладно, я согласен» — говорю, Наташа так сразу меня и поцеловала на радостях, мол, как всё здорово складывается. А Галя резко встала со своего места и уже командовала нашей кампанией: «Если так, собирайтесь, поехали!» «А что взять с собой?» — поинтересовался я. «Да бери фрукты, нарезку ка-

кую-нибудь и бутылочку водочки!» — со знанием дела командовала Галя. Неожиданно в это время к нашему столу подошла женщина с букетами цветов и предложила, обращаясь ко мне, купить цветы для Ваших прекрасных дам. Как тут откажешь?! (Действительно, никак! Жесты поддержки руками и глазами). Дорого, конечно, но я взял розы для Наташи и хризантемы для Гали, расплатился. Галя и Наташа, как мне показалось, не были избалованы подобным вниманием, очень обрадовались и цветам и моей щедрости при расчётах с цветочницей. Подумал, была — не была, где наша не пропадала, поеду! (Всё верно! Сам бы так поступил. Жест руками, мол, а что тут сомневаться?!) «Пойду, — говорю Гале, скажу Андрею, что еду с вами, а утром вернусь. У нас ведь завтра вечером самолёт домой, из Домодедово, а до него ещё добраться надо». Андрей попытался было меня отговорить от этой поездки, мол, незнакомый город, то, сё, но меня уже было не остановить. Как ты выражался когда-то: «Жеребец заржал! Обратной дороги нет!» (А что, неплохо сказано! Неуверенное движение плечами, да было время!) И знаешь, такая удача, как Наташа, редко выпадает, поверь, девочка была уж больно хороша (Я верил. Понимал. Одобрительные жесты головой и глазами). Вскоре я, Галя и Наташа оказались на улице, две их подруги остались в ресторане, сославшись на то, что у них, как они выразились, сегодня есть дела в городе. На улице было прохладно, кое-где уже лежал снег, по ощущениям было что-то около минус пяти градусов. Но разве это нас когда-нибудь останавливало? (Я громко выдохнул от возмущения, нет, конечно! Вдобавок развёл руки, округлил глаза).

Через пару минут такси с нами полетело за город. Мы с Наташей сидели на заднем сидении, всю дорогу целовались, я гладил её красивые длинные ножки, готов был прямо в салоне поиметь её, но она игриво просила подождать немного, мол, скоро приедем на место и там всё успеем сделать. Галя с двумя букетами цветов и пакетом с провиантом сидела на переднем сидении, иногда она грозилась нам пальчиком, просила не безобразничать в общественном транспорте и хитро улыбалась при этом. Время в пути пролетело, как одно мгновение, вот и общепитие, нас подвезли прямо к входу. Я быстро рассчитался с так-

систом и догнал Галю с Наташей, они уже стояли у вахты общежития. Здесь Галю все знали и, судя по поведению тех, кого мы встретили, уважали и побаивались. «Тётя Надя, — повелительно бросила она пожилой вахтёрше, которая зачем-то встала со своего места и вытянулась перед ней, как старый солдат перед генералом, — дай нам ключ от пятнадцатой комнаты! Ты обогреватель там включила?» «Нет, Галина Ивановна, Вы же не приказывали» — робко ответила ей тётя Надя, передавая ключ, который она сняла, не глядя на доску с ключами, доска от неё находилась сбоку и немного сзади. Вот выучка, подумал я в тот момент. «Сама включишь, — это Галя по дороге к комнате, которая располагалась в конце коридора первого этажа, бросила Наташе, а обращаясь ко мне извинительным тоном добавила, — К котельной нас ещё не подключили, всё обещают, вот и пользуемся обогревателями». «Да ничего, дело наше молодое, переживём! — бодро ответил я Гале, а обнимая Наташу, спросил уже её, — Переживём, красавица?» «Попробуем» — не то кокетливо, не то лукаво ответила мне она, загадочно улыбнулась и скромно отвела глаза в сторону, мы подошли к двери, выдавшей вида, на которой были цифры «15», и Наташа стала вставлять ключ в замок. «Ведите себя прилично» — бросила нам напоследок Галя, передала нам пакет с провиантом и Наташины розы, после чего резко развернулась и быстрыми шагами удалилась от нас в сторону вахты общежития, наверное, подумал я, не все ещё приказы отдала.

В комнате Наташа вела себя уже уверенно, по-хозяйски, было заметно, что она здесь не впервые, хорошо знала, где что лежит. Да и что из того, не жениться же я на ней собирался! (Действительно! Жест поддержки плечами, руками и глазами) Наташа быстренько включила старый обогреватель в розетку, после чего стала доставать из пакета продукты и выставлять их на стол. Я тем временем поставил цветы в трёхлитровую банку с водой, которая словно ждала нас на окне, открыл бутылку водки, налил нам по рюмочке и предложил выпить за знакомство. «Конечно, конечно!», — Наташа отвечала мне очень уж податливо и игриво, наверное, подумал я тогда, девушка серьёзно увлеклась мною. (А как ещё её можно понять?!

Женщины! С ними не всё так просто! Жесты головой, руками и бровями) Мы выпили, в комнате было не просто прохладно, холодно, наверное, около пяти градусов тепла, я снова накинул на плечи свою куртку, а Наташа свою так и не снимала, только замок расстегнула и суежилась в ней у стола. Видя, что я ёжусь от холода и потираю руки, она меня успокоила: «Потерпи, минут через двадцать здесь будет тепло, нагреватель хороший». «Какой разговор!» — поддержал я её и предложил ещё выпить по одной, чтобы быстрее согреться.

Не хватало только из командировки вернуться с воспалением лёгких, помню, подумал я в тот момент. (Ещё чего! Я опять резко выдохнул от возмущения и жестами рук и глаз поддержал Володю). Однако теплее почему-то не становилось, а ощущение дискомфорта напрочь отбивало все желания (Даже так? Удивлённый жест глазами). На этот раз Наташа предложила выпить ещё, я согласился, что-то делать надо, пока здесь не потеплеет. Закусили фруктами и конфетами (Узнаю наш набор джентльмена! Жесты в поддержку головой и губами). Стало немного теплее, я посадил Наташу к себе на колени, стал целовать её, помял крепкую грудь, действительно, четвёртый размер, попытался расстегнуть блузку, чтобы сосок поцеловать (Естественно! Поддерживающие кивки головой), на что она мягко воспротивилась, убрав со своей груди мои руки: «Не торопись, мой хороший, ещё холодно, будет градусов двадцать, я сама разденусь». И вот эти слова, и «мой хороший», и «я сама разденусь» так подействовали на меня, что, предвкушая удовольствие, я закрыл глаза, хотелось даже немного поспать, пока не станет тепло (Всё верно, надо подождать. Жестами рук и глаз я поддержал его). Наташа продолжала сидеть у меня на коленях и гладить своими нежными ручками мои волосы. Володя опять машинально провёл ладонью по волосам.

Однако дожждаться тепла нам было не суждено. Как ты любил петь когда-то: «И вдруг из под дивана...», так и здесь, вдруг в дверь резко и громко постучали, похоже, кулаком, грубый мужской голос требовал, чтобы Наташа немедленно открыла дверь. «Это муж!» — округлив свои красивые глаза, с которых, как мне показалось в тот момент, мигом слетела поволока,

нервно шепнула мне она, вскочила с моих колен и подбежала к окну. «Не будем открывать дверь, да и всё, может, здесь никого нет!» — попытался я её успокоить тоже шепотом, но мне сразу стало как-то не по себе оттого, что кто-то вероломно пытается сорвать нам интимное свидание (Мягко сказано, «не по себе»! Я резко всплеснул руками от возмущения). И действительно, вскоре стук в дверь прекратился, послышался шум удаляющихся по коридору шагов. «Похоже, он там не один!» — словно желая предупредить меня, прошептала Наташа. Шаги стихли, прошла пара минут. «Ну слава Богу, кажется, ушли», — прошептал я Наташе, но она отрицательно покачала головой в ответ, словно не верила уже в возможное счастье, которое, как ты любил выражаться, было так близко. В это время в раму окна с улицы стали сильно стучать кулаком и тот же голос, в котором уже слышались угрозы, требовал: «Наташка, открывай немедленно! Я знаю, что ты там. Открывай, а то хуже будет!» Представляешь, ситуация?! (Ещё бы! Я представил и немного поёжился. Но Володю поддержал взглядом и потряхиванием головы, мол, возмущён таким гостеприимством!) «Открывай скорее, мы знаем, что вы там!» — это уже крикнул другой мужчина с менее суровым голосом. А время к полуночи, вокруг тишина, и эти удары, как выстрелы ружья на тихом озере поутру. Что делать? (А действительно, что? Я развёл руками, мол, ситуация не из простых) Наташа со слезами в голосе шепчет: «Вот и свет в окне заметили, надо открывать, застучал он нас!» «Может, уйдёт?» — со слабой надеждой спросил я. «Не уйдёт, — твёрдо сказала она, — я знаю. Открывать надо». Рама окна ходила ходуном, казалось, сейчас она вместе со стеклом разлетится вдребезги.

В это время я уже не чувствовал холода, согрелся, появление мужа Наташи подействовало на меня лучше водки и обогревателя. Я на цыпочках подошёл к двери, прислушался, за дверью было тихо, осторожно повернул замок, и мы с Наташей выпорхнули в коридор общежития, где, как оказалось, нас уже ждали. Какой-то мужчина среднего роста и телосложения, но с суровым взглядом, (этот не страшен, отобьюсь, если что, подумал я), а с ним вахтёрша, тётя Надя, со странной улыбочкой на лице, которая распрямила морщины и заметно омолодила её

лицо. Вахтёрша указывала мужчине пальцем на Наташу, вот, мол, посмотрите только на неё, а тот не жалея матов кричал: «Опять ты ... за своё! Предупреждали ведь... тебя по-хорошему! Видно не хочешь ты, ..., так понимать, по-другому с тобой, ..., надо!» Он уже хотел наброситься на неё, но я решительным жестом руки остановил его, и мы все сквозь эту ночную перебранку и толчки стали двигаться по коридору к вахте. В это время в общежитие с улицы вбежал ещё один мужчина. Мы все остановились. «Это муж!» — словно пытаюсь ещё сильнее напугать меня, взвизгнула Наташа. И действительно, напугать было чем. Навстречу нам, крепко сжав кулаки, с решительным видом шёл мужчина лет тридцати пяти, грозного вида и спортивного телосложения, на вид килограммов под сто. Тяжело придётся, возможно, побьют хорошенько, мелькнула у меня мысль (О, ужас! Жест округлёнными глазами. А так ведь так хорошо начиналось! Жест руками).

«Коля, Коля, ты всё не так понял!» — как-то чересчур уж театрально завизжала Наташа и сделала несколько шагов навстречу мужу, но Коля, похоже, был настроен очень решительно. Он ударил Наташу по щеке, но почему-то не кулаком, а ладонью, это сразу успокоило её, она закрыла лицо руками и громко заплакала. Естественно, Коля свои действия сопровождал грубой бранью: «Предупреждал я ведь тебя, ... ты этакая, что в следующий раз, если поймаю, убью и тебя, ..., и любовничка твоего!» Вот мужики, любовник-то причём?! (Действительно! Причём здесь ты?! Жестами и рук, и глаз я по мере сил поддержал Володю) На меня же Коля пока не обращал никакого внимания, он тряс Наташу за плечи, крыл её на чём свет стоит, пытаюсь при этом вlepить ей ещё одну пощёчину через её нежные рученьки, которыми она ранее гладила мои волосы (в этом месте Володя снова машинально пригладил свои волосы ладонью), а теперь прикрывала своё красивое лицо. Вот ситуация! Есть ли выход из этого, как мне тогда казалось, нелепого положения? (Да, уж! Положение, не позавидуешь! Сочувственные покачивания головой). Я стал лихорадочно осматриваться по сторонам и вдруг заметил, что дверь напротив входной, которая тоже вела на улицу, не заперта. Мгновенно оценив обста-

новку, я резко толкнул Колиного друга так, что тот не удержался на ногах и упал, и выпорхнул на улицу под его крики: «Коля, он уходит, уходит!» В этот момент мне уже многое стало понятно в этой истории (Надо же, как бывает! Жесты удивления головой и глазами).

Вот где сказалась моя спортивная закалка, ты же помнишь, что в школе и в институте я серьёзно занимался лёгкой атлетикой (Ещё бы, конечно! Жесты головой, мол, помню, помню). Общежитие располагалось на окраине посёлка, рядом с сосновой рощей. Интуиция подсказала мне, то не нужно сразу бежать в рощу, ведь эти места я совсем не знаю, может, там река или озеро, ночь ведь на дворе, заблужусь или поймают. Ни то, ни другое меня не прельщало (Естественно! Кивки головой). Решил бежать вдоль общежития, в его торец, а оттуда уже в лес. Пулей я промчался вдоль стены, спиной я слышал, что меня уже преследуют, но, конечно, не так быстро, как им бы того хотелось. Было понятно, что Коля со своим другом побежали за мной, бросив и Наташу, и вахтёршу. От середины торца я побежал по перпендикуляру в лес, где и спрятался за первой же крупной сосной, прижавшись к ней спиной. Я слышал их крики: «Куда он побежал?! Нельзя упустить его!» Мне повезло, ни звёзд, ни луны на небе не было, только кое-где свет от окон тех, кого разбудила вся эта возня, через плотные шторы немного освещал дорожки возле общежития. Мои глаза быстро адаптировались к темноте, а мои преследователи, obeжав половину периметра общежития, вернулись к центральному входу, где к ним подключилась вахтёрша, которая причитала: «Ну где же он, милоч? Никуда ведь деться-то не мог! Найдём, обязательно найдём его!» «Может он в этой стороне? Давай посмотрим!» — это был голос Колиного друга, и по топанию ног я понял, что они побежали на противоположный конец общежития. Я, естественно, воспользовался таким подарком, отбежал от общежития ещё метров на тридцать и снова схоронился за мощной сосной, прижавшись к ней спиной. Стоял ни живой, ни мёртвый, дышать боялся (Ясно дело! Покачивание в стороны головой, мол, вот как бывает).

Выручило то, что они бежали вокруг общежития, где было более или менее светло, глаза привыкают к свету и в темноте не видят ничего. Так заяц бежит на свет фар, пока его не убьют, или не задавят, он просто не в силах свернуть в сторону, чтобы остаться в живых. В это время к моим поискам подключилась Галя, я узнал её командный голос: «Вы что же, упустили его?! Зачем вы бегаєте вокруг общежития? В лесу его нужно искать! Несите мой фонарик!» Я слышал, как принесли фонарик, и его мощный луч судорожно забегал меж сосен на моей стороне. Когда луч остановился на сосне, за которой стоял я, показалось, что душа ушла в пятки, я почувствовал, что волосы на моей голове зашевелились! Володя опять машинально пригладил свои волосы ладонью. Поверь, никогда так страшно не было! (Ещё бы! Я покачал в сочувствии головой из стороны в сторону). Но ничего, пронесло, луч соскочил с «моей» сосны на соседнюю, а потом ушёл далеко вправо от меня. По удалившемуся лучу и стихнувшим голосам я понял, что они перешли на другой торец общежития, искали меня там. «Да нет, не должен он от нас уйти, возьмём мы его. Возьмём!» — успокаивал Николай Галю. «Вот и доверь вам, ..., дело, ничего ведь, ..., сделать не можете! — ругала их Галя, не жалея при этом нецензурных слов, — В руки ведь вам его передала! Берите, ...!» Похоже, далее Галя переключилась на вахтёршу: «Почему, ... твою мать, эта дверь оказалась открытой?!» «Мусор выносили, — виновато оправдывалась тётя Надя, — Вы же знаете, что контейнеры у нас с той стороны». В это время к их кампании присоединилась Наташа, наверное, за это время она восстановила макияж на своём личике, я узнал её высокий голос: «Ну, где же он, мой хороший?! Такой ведь богатенький Буратинка!» Ни боли, ни слёз, ни печали в её голосе уже не было. В этот момент картина для меня полностью прояснилась, на Наташу я попался, как щука попадает на живца. Как рыбак ты, надеюсь, понимаешь меня! (Конечно! И сравнение подходит! Потряхивание головой, жест губами). После слов «Возьмём!», «В руки вам его передала!» и «...богатенький Буратинка» последние остатки алкоголя улетучились из меня, мороз пробежал по коже, Пульс поднялся так,

что виски ломило (Понятно! Так влипнуть! Жесты понимания головой и глазами).

Было слышно, что мои преследователи начали перемещаться в сторону «моего» торца, дальше стоять за сосной смысла не было, нашли бы они меня, поэтому я отклеился от сосны и побежал в противоположную от общежития сторону, используя «мою» сосну, как прикрытие. И тут мне везануло так, как никогда в жизни не везло, я заметил, что по направлению моего движения метрах в ста от меня по дороге медленно ползёт такси. Сказка, ни дать ни взять (Мама родная! Наивысшее моё удивление было передано быстро трясущейся головой, глазами и бровями)! Секунд через пятнадцать я уже был перед машиной, остановил её, из-за дополнительного освещения меня в этот момент заметили, я видел, что Коля с другом уже бегут с криками по лесу в нашу сторону. Пулей запрыгнул в машину и крикнул таксисту: «Гони быстрее, плачу два счётчика!» Такой мотивации ему было достаточно, мотор взревел, и мы стали стремительно удаляться от преследователей. Я оглянулся назад, Коля с другом уже выбежали на лесную дорогу, размахивали руками и что-то кричали, наверное, таксисту, но что, разобрать было невозможно, и мотор ревел, и машина быстро удалялась от этого проклятого места, которое могло стать самым несчастливym в моей жизни. В этот момент я понял, что сошёл с крючка. Понимаешь? (Как не понять! Бурный выдох, жесты и руками, и глазами).

Через двадцать минут я был уже в гостинице. Признаюсь, бельё пришлось постирать. (Понятно, пережить такое! Жесты головой и губами). Всю ночь не мог уснуть, всё представлял, что бы они со мной там сделали. Один выпил бутылку водки, не помогло, не берёт. А утром заметил седые волосы на висках. Оттуда как раз это и началось. И он снова погладил волосы ладонью, словно они как в том лесу встали дыбом, а он пытается их пригладить. Вот так-то! (Не дай Бог пережить такое! Жесты головой, бровями и глазами). Володя повернулся назад и с грустью посмотрел на танцпол, где в это время «наша» блондинка танцевала медленный танец с пузатым кавалером, который приходился ей, судя по внешнему виду, в лучшем случае в отцы.

Однако красавица так ласково улыбалась ему в ответ на его предложения и так часто утвердительно кивала головой, что было понятно, ничто её не смущало, были бы деньги, а остальное, как говорится, приложится. Володя глубоко вздохнул, ещё раз погладил свою седую голову рукой. После этого он повернулся ко мне, налил по рюмке водки и предложил выпить за хороших женщин, которые сейчас хоть и намного реже, чем то время, но всё же встречаются в жизни (За хороших я за! Жесты, головой, глазами и губами). Мы выпили, и Володя ушёл на своё место, где принялся что-то оживлённо обсуждать с Андреем.

То ли от выпитого, то ли от его рассказа, а возможно от совместного действия того и другого, я в этот момент вспомнил один случай из своей юности. В это время я учился на втором курсе института, после ресторана, где мы отмечали окончание сессии, я попал в ситуацию, которую долго никак не мог себе объяснить. Но теперь, после Володиного рассказа, она открылась мне с вполне определённой стороны. Так вот, познакомился я тогда в ресторане с симпатичной девушкой, Светой, хоть та и была брюнеткой, которая была в компании двух взрослых мужчин, на вид им было лет по тридцать пять — сорок, и женщины приблизительно такого же возраста. «Это моя тётя, Татьяна Николаевна, — представила мне женщину Света, когда я с бутылкой сухого вина подсел к ним за стол, — а это её друзья». Имя мужчин я по давности лет сейчас уже не вспомню. После ресторана мы всей компанией оказались на квартире Татьяны Николаевны в каком-то незнакомом для меня районе города, где Света, подававшая мне в ресторане надежды на хорошее времяпровождение, вдруг ушла в дальнюю комнату и закрыла за собой дверь на ключ. Я постучал к ней, попросил впустить меня, но один из друзей Татьяны Николаевны, строго мне сказал: «Быстренько успокойся и иди на кухню, а то я тебя сам успокою». Так я оказался на кухне за столом с тремя взрослыми людьми, которые, как мне теперь понятно, долго думали, что же со мной делать? Ведь взять с меня, студента, по сути, было нечего, мы долго сидели, глядели друг на друга и молчали, пока Татьяна Николаевна не сказала своим друзьям фразу, которая запомнилась мне навсегда: «Идите спать, а утром решим, что

с ним делать». Мужчины удалились, а мы остались с ней на кухне вдвоём.

Мы пили вино, и я всю ночь читал хозяйке стихи Сергея Есенина, которого в то время знал всего почти наизусть. Она пристально смотрела на меня и внимательно слушала, было похоже, что и стихи Есенина, и то, как я их читаю, нравилось ей. Возможно, я напомнил кого-то из её юности, с кем её связывали самые близкие отношения, или, возможно, это была первая любовь. Но я заметил, как постепенно взгляд её наполнялся теплом. Когда на улице стало светать, а дело было в конце июня, она взяла меня за руку, подвела к входной двери и выпустила из квартиры со словами: «Иди, я вижу, что мальчик ты хороший, не хочу, чтобы тебе зло причинили». Так я оказался на незнакомой улице, около часа блуждал по городу, пока около шести часов утра меня не подобрал первый трамвай. Помню, добрался до общежития института, бухнулся спать и забыл об этом странном приключении. А вот теперь рассказ Володи напомнил мне о нём. Что же мне помогло тогда? Стихи Есенина?

Поэтому настоятельно советую молодым, любите русскую классическую литературу, учите стихи наших великих поэтов! Вам это наверняка пригодится в жизни, верю, что эта любовь вас, как и меня когда-то, выручит в трудную минуту. Если с литературой у вас никак, то занимайтесь спортом, и полезно, и пригодиться может.

Содержание

Вступительная статья к сборнику.....	4
МОЛИТВЫ.....	7
Ежедневная молитва.....	8
Молитва Богородице.....	9
Ангелу хранителю.....	10
Молитва Кресту Господню.....	11
ЗА ОКОШКОМ.....	13
Иней.....	14
Снежинки на окне.....	15
Птица за окном.....	16
Берёзка.....	17
Уро вечера мудренее?.....	18
День прошёл.....	19
Снег и дождь (диптих).....	20
ПРОСИТСЯ ДУША В ПОЛЁТ.....	23
<i>Детский уголок.....</i>	<i>24</i>
Воробьи.....	24
Скворцы.....	26
Синицы.....	28
Голуби.....	31
Ворон.....	34
Сорока.....	37
<i>Провожая и встречаю.....</i>	<i>39</i>
Ласточка моя.....	39
Стриж.....	40
Снегири.....	41
Крылатый брат.....	42
Крик журавля.....	43
Ты лебедя убил?!.....	46
ВЕСТОЧКИ И ЗНАКИ.....	49
Весточка.....	50
Знак несчастья.....	51
Отражение.....	53
Старое кино.....	55
Осень. Одиночество.....	56
Под Луганском, под Донецком (поэма).....	57

МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ	61
Мифы и легенды — продолжение (текст)	62
Аполлон (штрихи к портрету) (поэма).....	63
Содом и Гоморра (поэма).....	85
Женщины Петра Великого (поэма).....	106
Страсти Дон Жуана (либретто для мюзикла).....	161
САМЫМ БЛИЗКИМ	221
Новогоднее пожелание	222
На рубеже веков	223
Твоё обаяние.....	224
Лодочка	225
Радость встречи.....	226
Ёлка, огоньки горят	227
Возле рынка	229
Юбилейные весы	230
Утром	231
Утро на даче	232
Я не успел	234
ПЕСНИ О ЛЮБВИ	235
Новый год	236
Оглянись назад	237
По Млечному пути.....	238
Ты всегда со мною	239
Спит равнина белая	240
Разлуки нет	241
Твои окна.....	242
Где ты?	243
Мчится авто по улице.....	244
ПЕРЕВОДЫ С НЕМЕЦКОГО	245
О переводах	246
<i>Из Вольдемара Гердта</i>	248
Тоска по Родине	248
Моя родная речь	249
Свидание с Родиной	250
Прощание с музой.....	251
<i>Из Райны Ешке</i>	252
Зимнее утро	252
<i>Из Розмари Штрайт</i>	253
Дождь	253

Цвета	254
Моя душа	255
Здесь и сейчас.....	256
Слова	257
Я есть, и нет меня.....	258
Я зависима	259
Грубые люди	261
ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ	263
Рыбалка под Сургутом (повесть).....	264
Бизнес по-русски (повесть)	325
Случай на даче (рассказ)	353
Сашка (рассказ)	372
На живца (рассказ)	382

Александр Плотников

Просится душа в полет

Стихи. Поэмы. Проза...

В авторской редакции

Технический редактор О. А. Гладунова

Подписано в печать 04.03.2015. Бумага офсетная. Печать ОСЕ.
Гарнитура Times New Roman.
Формат 60x84 1/16. Уч.-изд. л. 18,11. Усл. п. л. 23,48. Тираж 100 экз. Заказ 12.
630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6,
Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС.

